

ОООП «Литературный фонд России»
Ростовское региональное отделение
Союз писателей России
Ростовское региональное отделение
Литературно-художественный альманах
Юга России

«ДОН и КУБАНЬ»
№2 (15) сентябрь 2012 г

Главный редактор Г. В. Студеникина

Редакционная коллегия:

А. Г. Береговой, Ростов-на-Дону
В. А. Воронов, Ростов-на-Дону
Н. И. Дорошенко, Москва
Н. А. Зиновьев, Кореновск Краснодарского края
Х. Х. Кауфов, Нальчик
И. Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону
В. И. Лихоносов, Краснодар
С. Н. Макарова, Краснодар
А. Н. Можаяев, Можаяевка Ростовской области
Н. В. Переяслов, Москва
Н. М. Скрёбов, Ростов-на-Дону
Б. М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края
Г. Н. Ужegov, Тихорецк Краснодарского края

Адреса обязательной рассылки альманаха: Литературный Фонд России
Союз писателей России
Союз российских писателей

Ростовское региональное отделение ЛФР
Ростовское региональное отделение СПР
Ростовское региональное отделение СРП
Краснодарское региональное отделение СПР
Краснодарское региональное отделение СРП
Министерство культуры Ростовской области
Министерство культуры Краснодарского края
Донская публичная библиотека
Кубанская публичная библиотека

Районные и городские библиотеки Ростовской области и Краснодарского края

Содержание:

Юбилеи

К 80-летию Василия Белова.

- Валерий Ганичев. Утверждая веру, правду, сострадание и любовь. Очерк. 3
Николай Скрёбов. Ещё не всё в слова облечено. Стихи. 7
Виктория Можаяева. В пространстве взгляда твоего. Стихи. 52

Проза

- Геннадий Селигенин. Дети воды. Повесть (окончание). 12
Владимир Барвенко. Дыхание Голгофы. Главы из романа. 57
Светлана Выюгина. Сойка и боб. Рассказы для детей. 157

Поэзия

- Ирина Сазонова. Танец наших сплетённых пальцев. Стихи. 153
Ольга Корнеева. Раздвигаю облака. Стихи для детей. 161

Памяти поэта

- Григорий Помазков. Отчизна. Стихи. 162

РОДНИК

- Победитель номера: Михаил Серопоршнев. Притчи. 110

Страницы прозы

- Вячеслав Зименко. Абрикосовый дождь. Рассказы. 112
Людмила Байкалова. Алиментшик. Рассказ. 129

Поэтические строки

- Александр Шепшелевич. В пространство погружён. Стихи. 124
Анатолий Чекулаев. На закате ушедшего лета. Стихи. 137
Галина Ерёмкина. Словно на ладони. Стихи. 145
Владимир Панфёров. Сердцем ловлю. Стихи. 146
Мария Склярова. ...Помните?! Стихи. 147
Леонид Север. Была не была! Стихи. 150

Перо публициста

- Татьяна Колесникова. Ваганьковская Богородица. Очерк. 140

ББК 99(2Рос-Рус)88

А-100

ISBN 978-5-87612-022-7

Альманах «Дон и Кубань» № 2 (15) сентябрь 2012 г.

Издатель: Ростовское РО ОООП «Литературный фонд России»

ООО «Издательство «Донской писатель».

Над выпуском работали:

Редакторы Агланова Н. С., Студеникина Г.В.

Художник Коновалова Н.Я.

Директор издательства Береговой А.Г.

Тираж 900 экз.

т.ф. 8-918-599-67-51; 8-988-567-43-95; 8-918-854-80-59

e-mail: donpisatel@yandex.ru

Альманах

«Дон и Кубань».

Альманах распространяется на территориях России и стран СНГ бесплатно.

Содержание альманаха не всегда отражает точку зрения редколлегии на затронутые авторами темы.

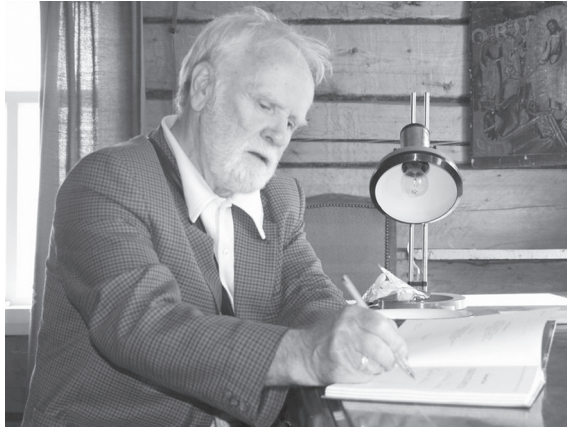
За точность имён, фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редколлегия оставляет за собой право не разъяснять авторам причины отказа в публикации их произведений.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Все произведения в альманахе публикуются пока на безгонорарной основе. Авторам предоставляются бесплатно по 2 номера альманаха (с их публикациями).

В связи с началом выпуска в январе 2013 года журнала «ДОН-новый» с 1 ноября 2012 года редакция журнала начинает приём рукописей литературных произведений. Работы должны присылаться только в электронном виде и только по электронной почте на эл. адрес ДП.

Утверждая веру, правду, сострадание и любовь

Предисловие к новому собранию сочинений В.И. Белова

Вот и шагнул вместе со всеми нами в XXI век Василий Белов. Его ли это столетие? Ведь в минувшем двадцатом его знали и любили. Там живут его герои, страдают и иногда радуются. Там идет за дровнями, разговаривая со своим испытанным другом конем Парменом, Иван Африканович, там он безутешно рыдает на могильном холмике своей Катерины: «Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама...»

«Как по огню ступаю, по тебе хожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя... – Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, не обросшей травой земле, – никто этого не видел...»

Много раз перечитывал я эти слова и до боли ощущал пронизывающее это страдание, не предназначенное для сцены и для показа потрясение. По-другому страдали герои Тургенева, Толстого, да и Шолохова. Все по-своему, по правде своего времени. И у Белова всё по правде, и ему веришь безгранично. Эта правда о русской жизни, этот дар ее слышать и понимать и проведет книги Белова по XXI веку.

Василий Белов не вмещается ни в одну из литературоведческих классификаций. Его не вставишь ни в какие художественные, эстетические, социологические и политологические рамки. Но он не был в нравственном одиночестве, не возвышался отдельной глыбой над народом, но вырос из него, окруженный своими героями, своими почитателями, своими сотоварищами по литературному делу. Ему было на кого опереться, с кем идти рядом. Как и все послевоенное поколение, он вырос из Победы. Но вот война закончилась, а тяжкий, порой изнурительный труд продолжался. Казалось, с Победой на село придет облегчение, но ведь семьи в русской деревне поредели: отцы, братья, кормильцы не пришли с фронта. Вместо них пустота, многие надорвались, ослабли. Но поблажки селу не было: строились города, восстанавливалась промышленность, везде нужны были рабочие руки – и город снова и снова забирал крестьянских парней. Но ведь и село надо было удержать, надо было жить и работать, не терять надежды, спасать себя и страну.

Василий Белов это и делал: вершил крестьянское дело, не гнушался комсомольского соработничества, жадно учился, постигал смысл и философию жизни через народные тяготы и терпенье, через мудрое слово стариков и женскую судьбу. Книги

приходили в его жизнь, озаряя дальним светом чужой мысли и умением выразить то, что видишь и чувствуешь. Он и сам стал писать, ощутив слово как живительный луч влияния, как рычаг, с помощью которого можно двигать сознание людей (в его понимании – двигать в лучшую сторону).

Он читал, думал, писал. Правда, позднее признался, что если бы прочел тогда Ивана Ильина, то писал бы по-другому. Наверное. Но Белов не писал бы так, как написал, ибо самостоятельно познавал то, что пришло к Ильину в эмиграции, в отрыве от Родины.

Всё, о чем писал, у Белова было в душе (это не тексты, не концепции и не схемы устройства мира). В то время принято было считать, что прогресс идет по всем направлениям: социальным, научно-техническим, эстетическим, уводя отжившее и старое на второй, третий план, а то и вообще выталкивая его из жизни. Однако нравственный и духовный враг «подкрался» именно с этой стороны – со стороны всегда привлекательного обновления. Миру все больше и больше навязывалась чума плюрализма, святых отрицались, а добро и зло уравнивались.

Миллионам читателей Василий Белов дорог своей подлинной народностью, ведь в своем простом слове он боролся за главное. Во всех его повестях, рассказах и очерках утверждалась правда-истина, сострадание, милосердие, целомудрие, уважение к прошлому и любовь. И тут можно повторить, что если это не утверждается, то это не наша классика, не наша русская народная, а инородная литература.

Василия Белова ведь никто не пиарил, не «раскручивал». Просто, все мы в 1970-е и 1980-е годы спрашивали друг у друга: «А ты читал?..» И речь шла о Белове. Помню знаменитую встречу Михаила Александровича Шолохова с молодыми писателями в станице Вёшенской в июне 1967 года, среди которых были Владимир Фирсов, Юрий Сбитнев, Лариса Васильева, Феликс Чуев, Василий Белов и другие. С нами был и первый космонавт планеты Юрий Гагарин. После Феликс Чуев в шутку рассказывал, что, когда самолет приземлился на сельском аэродроме в Вёшенской и по трапу стали спускаться писатели, встречавшие делегацию старики-казаки при появлении Василия Белова пали на колени и воскликнули: «Мы так долго ждали Вас, Ваше Высочество!» И действительно, Василий Иванович внешне походил на последнего российского императора, и была в нем некая царственность народного писателя. Не вельможность, не тронная величавость, а уважительность к тем, кого он представлял, от имени кого выступал.

Шолохов сразу выделил Белова, попыхивая мундштучной сигаретой, внимательно слушал его, отвел в сторону, о чем-то расспрашивал. Ему-то лучше всех было понятно, что значил Белов для русской литературы. Это сейчас ясно, что «Тихий Дон» – самая гениальная книга XX века, а «Привычное дело» выглядит самой знаковой книгой того времени, обозначившей начало знаменитой «деревенской прозы» – прозы, продолжившей линию классической нравственной русской литературы. А тогда мы думали, что Мастер просто проявляет внимание к молодому таланту. А у них же, как я узнал позднее, шел острый разговор о земле, о селе, о крестьянстве, о коллективизации. Многим тогда казалось, что в «Поднятой целине» не высветилась вся правда о коллективизации. Шолохов и не возражал, понимая, что в каждом краю была своя правда и драма в изменении вековечного уклада. Василий Иванович и вынашивал ее, болел ею, представив ее позднее в трилогии романов «Канунь», «Год великого перелома» и «Час шестый». В общем, без сомнения, это была поистине историческая встреча, когда звезды выстроились таким образом, что на Дону встретились три великих русских человека: Михаил Шолохов, Юрий Гагарин и Василий Белов. Памятник этой встрече вижу воочию и надеюсь, что он встанет на берегу Дона.

Нельзя не высветлить в его творчестве энциклопедический «Лад», свидетелем

создания которого мне довелось стать. В 1970-е годы как директор издательства «Молодая гвардия» приехал я в Вологду. После встречи в Вологодской писательской организации Белов повел меня в местный музей. И с несвойственной ему горячностью, будто я был представителем Министерства культуры, принялся доказывать, что из нашей жизни устраняют целые пласты быта, эстетики, как ненужный шлак, отжившую породу. Он не только отрицал такой поход, но показывал истинную красоту, эстетическую фундаментальность творчества народа. В музее Белов долго водил по залу светоносной северной иконописи, проявляя истинно церковное и искусствоведческое знание в оттенках, направлениях, особенностях школ русского иконописания. А главное, выявлял внутреннюю одухотворенность и поистине божественную озаренность, которая посещала последователей Андрея Рублева, Дионисия, Феофана Грека в их возвышенном творчестве. А потом были еще, по крайней мере, два часа путешествия по просторам Атлантиды крестьянского быта. Как многоопытный археолог, он вел меня по другим музейным залам вдоль стеллажей, полок и витрин с шедеврами великой крестьянской народной цивилизации. И непрестанно воздавал осанну детской люльке и берестяному туюску, подовой лопате и печному горшку, расшитому полотенцу и плетеному кушаку, крепко сработанным валенкам и плетеным лаптям, лазурному изразцу и фигуристому оконному наличнику, детской игрушке и расписной дуге. «Для меня, человека прожившего немало лет в деревне, многое в этой панораме раскрывалось в своей неразрывной связи, полноте и красе. «Знаешь, – говорил Белов тогда, – сейчас искусство, красота сохранились в отдельных кристаллах, в руках и головах отдельных мастеров, а на протяжении веков эти кристаллы были растворены внутри народа, и воспроизводилась эта лепота на всех уровнях, во всех местах в деревнях, городах и столицах. Нынче красота ущербилась. Посмотри, какое богатство осталось нам от прошлого. Оно ведь равновесие, украшенность, гармонию вносило в нашу жизнь, устанавливало лад в семье и доме».

Василий Иванович с вдохновением, знанием и страстью описывал каждый предмет быта, труда, украшения. Чувствовалось, что он был навигатором и штурманом в этом море народной культуры. Понимая, что он уже обдумывает, а скорее создаёт этот вещественный эпос, я предложил ему написать книгу. Он промолчал, а когда я прислал ему из издательства «Молодая гвардия» договор на книгу, он отослал его обратно: «На ненаписанное договор не заключаю». И только с третьего раза удалось подписать бумаги. Так появился выдающийся эпос народного быта и народной эстетики – «Лад». Может быть, ему суждено жить в веках.

И еще очень важное в его таланте. Василий Иванович – великий кудесник великого, многоликого народного языка, который приводит в восхищение понимающего и чуткого к слову читателя. Вот этим-то своим волшебным, сочным, звучным, не придуманным, а услышанным словом он и будет нужен XXI веку.

Речь его героев лишена черного слова, вообще сквернословия. И в то же время «Плотницкие рассказы» и «Бухтины» стали образцами искрометного и задорного русского юмора, слава Богу, не подвластного современным юмористам, заполнившим эфир пошлыми, циничными, местечковыми хохмами. Оставит он нам в слове своем цветастые вологодские луга, влажные кустарники, извилистые песчаные тропки, крошечную, но великую в слове Тимонию, вошедшую в память народную так же, как и Михайловское, Спасское-Лутовиново, Вёшенская.

Великий педагог К.Д. Ушинский отмечал, что родная речь – одно из главных условий возвышения нации. «Не изучению какого-нибудь иностранного языка, не изучению чуждой литературы обязаны греки художественным совершенством языка отечественного и своими лучшими писателями. Они изучали прежде всего свой родной язык, свои родные предания и то, что их окружало».

Василий Белов щедро одаривает читателя нашим родным словом, нашими преданиями, образами того, что окружало и окружает нас, и не выветрилось, несмотря на телевизионные и радионные сквозняки и ураганы. И без слова Белова не сомкнутся XX и XXI века, а разделятся трещиной, разъединяющей главные смыслы русской жизни.

И последнее: в собрание сочинений, к сожалению, не могут войти его поступки, его действия в подтверждение слов, сказанных им и написанных. А ведь они продолжают его мысли, иногда не менее убедительно, чем написанное. Над тем-то ведь можно и посомневаться: «Ну, написать-то всё можно...» А когда Василий Иванович берет топор, восстанавливает храм, когда идет на трибуну, которую уж не очень любит, и требует от депутатов Верховного Совета прекратить произвол с землей и крестьянином, когда встает на защиту Дома Союза писателей России, когда «бросает рюмку» не в поддержку очередной официальной кампании, а чтобы усовестить земляков, когда борется со товарищи против насильственного поворота северных рек, когда едет выступать в защиту русского слова и нашего народа – в Якутск, Иркутск, Омск, Краснодар, Орел и Уфу. Все это – поступки, доказывающие, что слово и дело у Василия Белова нераздельны и нефальшивы. Вот почему и нужен всем нам Василий Белов и в XXI, и будущих веках.

В марте 2008 года в зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя, где обычно собираются иерархи Церкви, проводятся Всемирные Русские Народные Соборы, концерты православной музыки и пения, состоялся юбилейный вечер русского писателя Василия Белова. Он сидел на первом ряду со своей женой Ольгой, иронически улыбался, как бы отстраняясь от обращенных в его адрес высоких слов коллег-писателей и актеров. Зал дружно аплодировал. Василий Иванович укоризненно покачивал головой. В своем выступлении я рассказал о том, что чувствовал, много лет зная Белова и его творчество, и внес предложение: «В наших национальных республиках давно существует звание Народный писатель, Народный поэт, а у русских писателей в России, то бишь Российской Федерации, такого звания нет. Давайте же обратимся к верховной власти с предложением его установить и первым здесь назовем Василия Ивановича Белова». Зал взорвался аплодисментами, а когда я сел рядом с ним, он лукаво хмыкнул: «Кто это позволит-то?» Не знаю, позволят ли, примут ли такое решение, но уверен, что в сознании народа, страны Василий Иванович Белов давно утвердился как Народный писатель России, выражающий мысли, мнения и чаяния наших людей, о чем и свидетельствуют многие страницы юбилейного собрания сочинений.

Валерий Ганичев, председатель правления Союза писателей России

Николай Скрёбов

член Союза Российских писателей
г. Ростов-на-Дону

Ещё не всё в слова облечено (Из лирического ретроспектра)

***

Ещё своей не сознавая воли
И ничего ещё не потеряв,
Мы предъявляем счёт крошечной боли
Многострадальным нашим матерям.
И, хоть негласным уговором взрослых
Надолго мы от мук отделены,
Нам не уйти ни от предчувствий грозных,
Ни от сознания собственной вины.
Умножив материнские страдания
На все несовершенства бытия,
Какого ждёшь от жизни оправдания?
Обрушится на плечи мирозданье –
И ты увидишь бездну опоздания...
И грянет боль ответная твоя!

***

Пока томят превратности любви
Твоё давно не молодое сердце,
Будь добрей, бережней с людьми,
Невянущей наивности доверься.
Пусть не твои по рощам соловьи
Неистовствуют с юностью в соседстве –
На помощь чувству опыт не зови:
Он слово скажет – никуда не деться...
Лишь совести своей сумей внимать,
Её прямой и правой укоризне,
На радостном пиру, на ранней тризне
Не торопись вериг её снимать.
Не забывай, что ради долгой жизни
Тебе терпенье завещала мать.

***

Уже, казалось, лопнуло терпенье,
Иссякла воля, разум изнемог,
Температура вспененных тревог
Перемахнула за рубеж кипенья.
Преодолев глухое отупенье,

Рванулся прочь, переступил порог –
И вдруг навстречу хлынул ветерок,
А с ним ребячьи крики, птичье пенье...
Привычный мир, ликуя и звеня,
Желал восторг исторгнуть на меня,
Но боль моя искала сострадания.
И всё же краски ласкового дня,
Смятение смиреньем заменяя,
Мне ниспослали самооправданье.

***

Ещё один мятежный снегопад,
Упав на землю, мне на долю выпал.
Он засветло неторопливо сыпал,
А к ночи приударил невпопад.
Под фонарями призрачно светясь,
Кружили хлопья, заполняя воздух,
И улица в летучих этих звёздах
С реальностью утрачивала связь.
Войди мне в память, сумасшедший снег,
Безветрием, седыми деревьями
И тем контрастом с чёрными бровями,
Какой возможен в чёрно-белом сне.

***

Пока не утомится
Сердце биться,
Пока не грянет мой
Последний бой,
Не перестану одному дивиться:
Как повезло мне встретиться с тобой.
Ну, хорошо, бывает в жизни всяко,
Беде и счастью не заказан путь.
Но вот: была криница – вся иссякла,
Ни ковшиком, ни горстью не черпнуть.
А ты неутолимыми губами
Припала к ней, давно не ждавшей губ...
Я, как поток, сшибаю камни лбами,
Я стать рекой когда-нибудь смогу.
И там, во мне, за дальним красноталом
Раздастся звон уключин, всплеск весла...
Ты всё, чего мне тяжело не хватало
В житьё моё нежданно принесла.
Всё-всё, как есть, – бывает же такое! –
За исключением разве что одним:
Не принесла мне нового покоя,
А прежний – весь развеяла, как дым.

***

Уже мы прежних радостей не ищем,
Счастливым возраст вычерпав до дня...
Пусть приходящих к нам на пепелище
Согреет память нашего огня.
Её должно хватить ещё надолго,
Такому забываться не дано,
И зря нам говорят, что мало толку
В огне, испепелившем нас давно.
Сердце не закаляя и не плавя,
Прими поклон, безжалостное пламя,
За то, что не щадило и меня.
Что остаётся к этому добавить?
Остынет всё. Но не остынет память
Жестокого и честного огня.

***

Ещё тугая тетива мороза
Сгибает время в напряжённый лук
И беспредельно властвует вокруг
Житейская обыденная проза.
Поэзия устала от потуг,
Она напоминает виртуоза,
Который под воздействием наркоза
Лишён победоносной воли рук...
Но март, ещё свирепый по ночам,
Накапливает солнечный колчан,
И дух весны уже витает в мире.
Вот-вот рванётся за стрелой стрела –
И отзовется за струной струна
В разбуженной к труду и счастью лире.

***

Пока душа не запоёт,
Храни почтение к безмолвию,
Не посылай строку в полёт, –
На что тебе гроза без молнии?
Замри в нахлынувшей тиши,
Чтобы сама, без принуждения
Возникла музыка души,
Как сон за час до пробуждения.

***

Уже и дни как будто потеплели,
Но снова, о пощаде не моля,
Дождями ненасытного апреля

Потрясена усталая земля.
Жердёлы зацвели, поднялся клевер,
Но за добром всегда крадётся зло.
Никто не знает, сколько нынче плевел,
Тесня зерно, победно проросло...
Не так ли в наших душах прорастают
И добрые, и злые семена,
И недруга и друга имена
Не так ли в нашей памяти скрепляют –
И этим нас до срока усыпляют –
Холодных, долгих ливней письма?

***

Ещё невзрачны и пусты
Вразброд ветвящиеся кроны,
Ещё прозрачные кусты
Безжизненны и монотонны,
Ещё туманный ранний час
Ползёт уныло и тягуче,
И солнце, сдержанно лучась,
Торопится от тучи к туче.
Но в мире что-то есть уже
Необратимое, как выстрел,
И чувство пламени в душе
Превыше памяти и мысли.
И образ женщины вдали
На грани грёзы и познания
Восходит, как душа земли,
Сквозь тлен забвенья,
Плен терзанья –
Вне возраста,
Вне красоты,
Вне болей, радостей, наветов,
Сиюминутной суеты
И суесловия поэтов.
Она одна,
Одна на всех,
Царица женственности вешней.
Не совмещается успех
С её усмешкою нездешней.
И странно утренней порой
Подумать за волной тумана,

Что ты – развенчанный герой
Её печального романа.

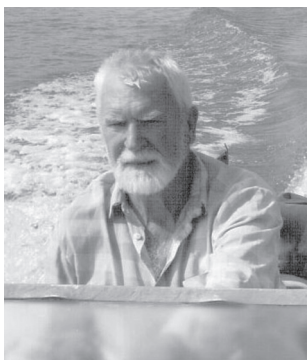
***

Пока живёшь, пока светло – спеши
На нить живую мысли нанизать,
Последние известия души,
Последние признания сказать.
Изысканна в своём коварстве смерть:
Предупреждений от неё не жди.
Пока успеть умеешь
И посметь,
Не дни считай –
Минутам счёт веди.
Но и последний делая рывок,
Ты должен трезво принимать в расчёт,
Что жизнь,
Оставшись без твоих тревог,
Спокойней, чем сейчас, не потечёт.

***

Уже годами подведённый к стенке,
Осознаю, пока не грянул залп,
Что многого ещё не рассказал
Про тени звука, отзвука оттенки,
Про голоса, на школьной переменке
Просторный наполняющие зал,
Про тихий звон и темноту в глазах,
Скользнувших по нечаянной коленке...
Ещё не всё в слова облечено,
Что наряду с испытанно воспетым
Живёт во мне звучащим ретроспектром.
Тесна мне схема, тяжела мне схима,
Поскольку всё, что не произносимо,
Белым-бело или черным-черно.

Проза... Проза...Проза...

Геннадий Селигенин
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Дети воды

Повесть

(Окончание. Начало в № 1(14)-2012 г.)

20

– Сегодня Хирург шпущкает швою по-

шудину. Прошил помогти. Ты как?

Был будний день, да и он клонился к закату. Так что особой напруги со сдачей-выдачей моторов не ожидалось. Повесил на двери сторожки дежурную картонку: «Делаю обход».

– Она уже три шежона жагораает на шуше, – зудит Дирибок, гоняя во рту обкуренную трубку. – Телега по шамое некуда в жемлю жашла. Её и трактором не ждёрнешь... А ему некогда: то «Аве, Мария!», то «Шанта Лючия!»...

«Пошудина» – вельбот «Апполон» – стоит на колёсах в десятке шагов от Лагуны. Это довольно внушительное сооружение типа «Река – Море». Глубокая килевая осадка. Рубка, кубрик, трюм, иллюминаторы... Ценного дерева кормовая и носовая палубы, поручни с ажурными решётками – отсвечивают лаком, как позолотой.

В тени вельбота, на полосатом коврике, его хозяин, Олег Артурович, он же – Хирург. Из одёжки – оранжевые в чёрную клетку плавки. На ладонях вскинутых рук – Полинка. Хирург отрывает от коврика плечи, потом спину. Подтягивает под себя одну, вторую ноги. Встаёт. «А сейчас – внимание... Гоп!» Девочка делает сальто и попадает своими ладонями в его. Какое-то время тонкое тельце вибрирует, потом замирает струной. Хирург также осторожно возвращается в «лёржку». Пружинит руками. Полинка по красивой параболе опускается за его головой, а он встаёт. «На сегодня довольно. Умница». – У него глубокий баритонистый голос. – Светлана Сергеевна, как там наша уха? Скоро?»

За врытым в землю «общественным» столом, хлопочет миловидная женщина с волнистыми волосами, перехваченными на затылке красной лентой.

– У меня всё готово... А уха... Шеф-повар что-то молчит.

Ближе к обрыву потрескивает костёр. С треноги свисает закоптелый таганок ведра на полтора. Над ним священнодействует плотненький живчик – «нештатный инспектор рыбоохраны», подпоясанный клеенчатым фартуком.

– Егор Пантелеич! – окликает его Хирург. – Мы её – до спуска или после?

Егорушка шевелит в котле деревянным половником. Сдувает горячий пар, пробует. Глаза стынут на пушистом брюшке облака, млеющем над Лагуной в ожидании ласкового ветерка. Изрекает тоном независимого эксперта:

– После – будет уже не то. После будет уже студень. Лучше до того. В общем, готовая. Но минут двадцать пускай потомится. Юшке надо взять своё...

– Тогда я поплаваю. – И – к нам: – Доброго здоровья! Спасибо, что пришли. Отдохните пока. – Указывает на расставленные парусиновые кресла. – Егор Пантелеич предлагает побаловаться прежде ущицей. Не возражаете?

Валера шамкает что-то невнятное. Я вовсе молчу. О Егорушкиной «ущице» под названием «4С+Л» ходят легенды. Любопытно, сколько в них правды?

– Полиночка, – внушительная ладонь Хирурга ложится на плечо девочки, – позови папу. И сама возвращайся. – Вскидывает руки и с наслаждением, с затычным утробным стоном и хрустом растягивает себя снизу доверху.

Акробат в нём, конечно, угадывается. Правда, бывший. От накопленного смальца вся фактура заметно раздобрела. Но «спасательного круга» вокруг талии пока не намечается. Следит за собой. И если окинуть с некоторого далека... Этакая роскошная мужская особь. Отменной лепки полированный череп... Трудно даже представить на этом черепе некий покров настолько он оказался бы лишним, ненужным. Зверюка матёрый, породистый. Едва приметная, будто вживлённая, улыбка великодушного покорителя.

Уху разливает её творец. Более значительного лица, чем в этот момент, я у него не замечал. Но сначала выудил из котла и разложил на раскинутой посреди стола белой скатерти изрядные ломти, а то и целые тушки сазана, судака, сома, стерляди (четыре эС), леща (плюс эЛ)... Ещё раньше была сварена разная мелочь – тарань, уклейка, шамая, бычок... Егорушка выжал из неё юшку, остатки свалил Валериным кошакам. Спетой шайкой они терпеливо ждали своего часа в тенёчке сиреневого куста.

Олег Артурович поднимает хрустальный фужер. Впрочем, таковые у всех причастных к грядущему спуску вельбота. Может, – ради важного момента, а, может, хрусталь просто невинная слабость или забава Хирурга. Или особое почтение к Храму по имени Природа... Не знаю, на подобном ристалище я впервые.

– Сначала – давайте за Егора Пантелеича! Это ему обязаны мы пищей, которой не погнушаются и небожители. За вас, Егор Пантелеич! Спасибо.

Лицо Егорушки как бы даже зарделось. Тост принимает и Валеру. Он сует трубку в нагрудный кармашек неизменной клетчатой шведки-безрукавки. И даже очки снимает.

– Олег Артурович, ну, к чему вам сбрасывать этот «Апполон»? Гляньте, какой красавец! А там – ракушки. Обрастёт. Да и на суше... А то хуже пьётся?! Не болтает. Расплескать не так просто. Опять же – насчёт хрусталя меньше переживаний. Хорошо ведь, а?

– Да и не говорите! – соглашается Хирург и сердечно так вопрошает: – А скажите, Валера Осипович, вы по-прежнему пукаете очередями?

Вопрос, будто выстрел из-под полы. Иных заставляет потупить, других – навести уши. А Хирург как ни в чём не бывало, с той же душевной подкладкой:

– Я вас уже просил: не сочетайте мясо с картошкой, не пейте молоко с повидлом, а пиво с чипсами. В конце-концов, окажетесь в моём заведении. А у нас парни хваткие: не вылежат, – так отхватят. У вас что, лишняя толстая кишка? – Не услышав ответа, поворачивается к знатному ухделу. – Егор Пантелеич, многие вам лета!..

За время проживания на Стоянке я немало едал всякой ухи. По признанию рыбаков сам готовил весьма не дурную. Но то, что сотворил Егорушка, близко к шедевру. Аппетит разгоняет сам вид живого переливчатого янтаря. А уж запах! От одного запаха «плавники» шевелятся. Жаль, неудобно просить добавки. Но съев полмиски, чувствую себя сытым. Конечно, мало у кого, кроме Егорушки, есть доступ к столь богатой разнорыбице. Хотя, по правде, и от руки много зависит. Так что прибаутка: «Были бы яичко да курочка, – сготовит и дурочка» – больше ради потехи над неумёхами. Кто любит готовить сам, поймет, о чём я.

Второй фужер – «За семь футов под килем!» – уже Егорушка предлагает. Такой тост – на кончике языка каждого, и потому его охотно принимают.

Через десяток минут усердного закусывания возникает потребность поделиться самым важным и сокровенным. При том – всем и сразу. Так что одно нахлёстывается на другое, и трудно разобрать кто с кем и о чём. Я сижу вблизи Хирурга и Вани Аникина, потому невольно улавливаю их слова. Больше говорит Хирург:

– Ваня, что-то Надежду Васильевну не вижу. Ушица... Такая... Я бы очень даже рекомендовал.

Аникин отводит глаза к Лагуне, где в предвечернем безветрии стынёт белый парус. Ваня на Стоянке, пожалуй, единственный, кого Хирург зовёт по имени.

– Наш договор остаётся в силе. – Он проходит чуткими пальцами по тонкой росписи фужера. – Пока остаётся. Сам понимаешь, время идёт. И в данном случае не лечит.

– Надя всё рассчитывает на седьмой цветок. Верит. Руслан обещал... Может, Остров, где он когда-то работал, и есть именно *тот*. Скоро тоже спускает яхту. – Аникин отколупывает хлебный мякиш, машинально лепит из него какую-то фигурку.

– Но если всё-таки надумаете... – не отступает Хирург. – Пойми меня правильно... – Ваня молчит. – Ладно! Давайте выпьем. За веру. За ту веру, что позволяет ступать по воде и не тонуть!

– И за любовь! – снова встряёт Валера. Ему неймётся сбросить ехидный адринолин. Он то и дело выдёргивает из кармашка трубку, но, спохватившись, суёт обратно. Видно, чешется хоть как-то уязвить Хирурга за его не слишком корректный вопрос насчёт пищеварения. Потому, словно токующий глухарь, не понял да, скорей, и не слышал, на что и на кого намекал доктор в своём тосте. А то хотя бы паузу выдержал.

– И за любовь, – не сразу соглашается хозяин «Апполона».

Он кивает женщине по имени Светлана Сергеевна. Впрочем, из женщин она за столом единственная. Но не та, с которой они щекотали друг друга «лапками», сидя на корме чужого катера и наблюдая за Бабуином с его «манифестом». Та была из бойкой породы: оторвала, проглотила – тем и сыта. И – адьо! Эта устроилась на самом краешке скамейки, старается ничем не привлекать к себе внимания. Но как-то ненавязчиво, умело то подвинет кому-то в нужный момент солонку, то подаст нарезанные зелень или хлеб. Сама же ест мало, не пьёт, а пригубляет. И напиток у неё по цвету отличный от других. На Хирурга поглядывает как бы невзначай, но, чувствую, ловит каждое слово и жест. Лицо при этом остаётся спокойным и приветливым. Может, оно от природы такое. И всё же не покидает ощущение, что ей очень хочется понравиться. Не всем, конечно, – одному человеку. Похоже, она всей душой благоволит к медику-судовладельцу. Или сильно зависит от него. А скорей, и то, и другое. Не знаю... Мне почему-то становится жалко её.

За столом ещё одно влюблённое существо – Полинка. Она сидит под боком отца и воистину стережёт каждое движение. «Папа, чего ты хочешь? Вот сыр. Настоящий, голландский... А это – сервелат. Ты давно не ел такое. А это – паштет! Папа, глянь какой паштет! Из печёнки налима. Такого и в магазине не бывает. Дядя Егорушка сам готовил. Я тебе положу...»

Тот «разговор» в конторе что-то сильно сдвинул у Рудольфа. Выпивать перестал совсем. Ему, правда, и не наливали. Но сейчас перед ним стоит полный бокал. И кое-кто украдкой поглядывает, ждёт, чем закончится эксперимент. Испытание не для слабонервных...

Его по-прежнему зовут Рудиком. Он словно вернулся в свои «боцманские» времена. Но почти перестал разговаривать. Только по делу. Хотя и дело «чистильщика» до того нехитрое... Не требует особых слов. Если же кто попросит «спустить-поднять» – и тут не о чём... Видать, все силы уходят на то, чтобы удержать, удавить затаившегося зверя. Но тёмное от вечной нутряной мутори лицо чуток просветлело, а в глазах вместо покорности больной собаки появилось нечто горечное, схожее с прозрачной надеждой...

21

Боря Смиркин возникает из кустов сирени.

– Простите, я... Совершенно случайно... – Он делает шаг назад. Ветки цепляют его чёрную шляпу, и она зависает над головой. Обнажается хорошо «утоптанная дорожка» до самого темени. К шляпе у Бори – вельветовый комплект в обтяжку, типа джинсового, ещё – сандалии на босу ногу.

– Одну секунду, Борис Захарьевич! Вы – не заблудились, – возражает Хирург. – Вас привела сюда наша позитивная энергия. Ибо... В сумме она гораздо мощнее вашей. Извините. Так что всё по науке. Вот свободное место. Прощу.

– Но вы же... Не думаю, что в таком скоплении разных... это... она позитивная. Скорее... Нет, простите. – Боря выдирает из сиреневого куста шляпу и с каким-то особым шармом возвращает на обжитое место.

– Вы – об этом?! – Олег Артурович поигрывает хрустальным бокалом. Его содержимое приманчиво отсвечивает шоколадом. – Событие у нас. Можно сказать, знаковое. Выстраданное. Не станете же отрицать, что спуск на воду корабля – всегда событие?

– Не стану. Для пьянства много есть причин, – иронично заметил один крупный детский поэт. А Пифагор Симосский в своё время выразился ещё определеннее: «Пьянство – есть упражнение в безумии!»

– Пифагор Симосский прав. А мы... Какое пьянство, Борис Захарьевич?! Достойное общество – по достойному поводу. К тому же – уха!... Да как можно без этого?! – Он снова поднимает бокал. – Нет, мы – не святотатцы. Чтим традиции. А вы нас, – Пифагором!.. Да ещё – Симосским. Не отвергайте. И, поверьте, нам явится более продуктивная версия.

– Вы так думаете? Искренне? – Боря обзревает стол, и ноздри его слегка подёргиваются. – Что это? Так пахнет уха?

– Ваше недоумение справедливо. Не всякое рыбное произведение пахнет ухой. А вот наше... – Хирург водит перед глазами пальцем: мол, больше об этом – никому!..

Боря Смиркин – беспокойный, ещё довольно молодой человек, тонкий, как лозинка, с искусно выделанной продолговатой бородкой и горящими магическим светом чёрными глазами. Передвигается по Стоянке вприпрыжку, чуть ли ни бегом. В то же время по-птичь, как бы в свободном парении, вскидывая руки. Когда ему советовали: «Ты осторожней, а то улетишь!», он щёлкал шутников по носу неожиданным признанием: «Придёт время – улечу!». Мало кто в курсе, чем он занимается на «Бугре». Да это никого и не трогает. Как и то, каким боком причален к Стоянке. Главное, причален и человек компанейский. Правда, по-своему, на скоростях, – почирикает и дальше летит. Ни здравствуй тебе, ни прощай. Но в этот раз:

– Всем – приятного аппетита. Вот уха – это любопытно.

А Хирург окончательно добывает:

– Это, Борис Захарьевич, не уха. Это – симфония. Это – Чайковский. Это – Рубинштейн. Итак, ваше решение?

– Моё? Пожалуй... Только, знаете ли... пить не стану. – В помягчевшем голосе Бори звякает металл.

– И это правильно, – с душевным надломом склоняется Олег Артурович.

Борю помещают рядом со Светланой Сергеевной. Она наливает ему ухи. Кладёт на тарелочку славный кусочек стерляди, добрый участок судака, украшает кудрявой петрушкой и сочными дольками помидора. Боря:

– А можно мне вместо стерляди – сазанью голову? Знаете, там очень много... Я люблю это.

– Да, конечно. Но вы и стерлядку попробуйте.

Боря не противится.

После столь завлекательного пролога на сцене опять возникает Олег Артурович:

– А вот... Не изволите отведать? – Цедит коричневую влагу из фигурной бутылки с картинкой бравого ковбоя, сильно смахивающего на самого виночерпия. – Это – виски. Натураль. Из самой Шотландии. – Косится на Ваню Аникина. Тот прячет улыбку, отворачивается.

– Правда? Из самой? – Смиркин принимает фужер, но с немалым сомнением в глазах. Принюхивается. – Пожалуй...

– Пож-ж-а-а-луй!... – Владелец вельбота талантливо изображает смертельную обиду. – Клиент мне – от души. Специально в Шотландию летал. Чтобы – из первых рук... Я его из гангрены вытащил...

– Гангрена – это серьёзно. Тогда может быть... А лёд?

– Со льдом – в Штатах да в кино. Со льдом, по мнению образованных людей, не виски, а фуфлю кушают. Чтобы с помощью деории очистить толстую кишку от генномодифицированной продукции. Её в большом изобилии, к примеру, доставляет нашему Валере Осиповичу его жена, Нора Николаевна. Так вот, ему подобный коктейль даже необходим. Но этому благородному творению лёд, как...

Хирург отхлёбывает жидкость из своего фужера, гоняет во рту.

– Как мёртвому – припарка, – язвит Валера, видимо, в отместку за деорию.

Сравнение «виски» с мёртвой материей... Больше глуповатое, нежели оскорбительное. Олег Артурович проглатывает его молча, заодно со славным напитком.

Нарушив запрет, «виски» изготовил Ваня Аникин по случаю «знакового события». И, по правде, глотать сей «штучный» продукт совсем не мучительно, не то, что заводские разнodelы из одной и той же бочки.

Уже изрядно огрузневшие сбрасыватели вельбота исподтишка наблюдают Борю. Всех занимает тайна его конвертов с загадками и разгадками будущих снов. Сейчас как раз вызревает тот самый «момент истины», когда любые тайны сами просятся наружу.

После каждой ложки потреблённой ухи Боря издаёт жалостно-благодарные стоны: «У-у-у-хха-а!...». Наконец, отодвигает миску и закрывает глаза, видно, прислушиваясь к действию «симфонии». И тут... Этот «Валера Осипович»:

– Захарьевич, ты ещё на земле или уже полетел?

– Я-то?.. – Боря, пресыщенный сладкими чувствами, разглядывает юмориста и – задумчивым голосом сказочника: – А что вы думаете, это – было. В далёкие времена. В очень далёкие. Он летал. Была такая способность у человека. Но потом угасла. По каким причинам? Мнения и любопытные, и противоречивые. Одно и очевидно, и печально – человек приземлился. Но это – не навсегда!..

С последней фразой голос принимает взрывчатую силу. Боря вырастает из-за стола, одной рукой упирается в его крышку, другой машинально подвигает пустой фужер на сторону Олега Артуровича. Тот сразу же наполняет его. А Боря:

– Но осталась смутная память от крылатых времён – сны! Ведь во сне человек летает!.. – Боря ястребиным взором обводит собрание. – Поднимите руки, кто из вас не летает или не летал во сне? – Руки никто не поднял, но глаза отвели почти все. – Вот и я – об этом! Человек обязательно отыщет, разгадает затерянный в тысячелетиях секрет. Вернёт свою былую способность. Будет летать! – Он взмахивает кулаком, точно вколачивает в сомневающийся гвоздь. И... рушится на лавку.

– Красиво говорите, Борис Захарьевич. – Хирург явно доволен моноспектаклем. – Главное – очень убедительно.

– Это – не я. Это сказал Брет Гарт, – честно признаётся гость. – Но вы, конечно, не верите. – Боря как бы с отчаяния опустошает фужер и принимается за разделявание сазаньего черепа.

– Почему же... Но, Борис Захарьевич, человек давно уже летает. В самолётах, в кораблях космических... – Глаза Хирурга искрятся весёлыми чёртиками.

– Так уж и летает! То – возят его.

– Может, вы и правы. А насчёт веры... Тут опять-таки – клубок противоречий. Пример? Вот он, живой – Валера Осипович. Сей достойный муж поверил, будто Нора Николаевна сотворена из его собственного ребра. И невероятно озабочен постановкой этого ребра на место. А оно не становится. Более того, пытается управлять бывшим хозяином... – Хирург явно переводит страстную речь Нобелевского кандидата в анекдот.

На этот раз Валера не выдерживает, вскакивает с красным то ли от выпитого то ли от гнева лицом:

– Нору не трогать! Не смей! Никому не позволю!..

От нервного сотрясения из нагрудного кармашка выпадает трубка и шмякается прямо в миску с недоеденной ухой. Кое-кто зажимает ладошкой рот, чтобы не пырскнуть.

– Шутка это, Валера Осипович, – морщится Хирург. – Простите ради бога, неудачная. Вы с Норой Николаевной – очень гармоничная пара.

Лицо Валеры, испортившего волшебное варево и замаравшего любимым курительный аппарат, теперь расстроенное и приниженное. Он вылезает из-за стола, спускается к Лагуне, начинает полоскать и продувать трубку. Хирург «чокается» своим фужером с Бориным. Все ожидают очередного тоста, однако:

– Кстати, о вере... А не приходило ли вам, Борис Захарьевич, в голову, отчего это колокола сбрасывали те, кто ещё вчера усердно молился? Я имею в виду время, когда религия и вера были святое. Как думаете, отчего это? Или они, не веруя, молились? Разве такое возможно?..

Но дослушать и досмотреть «спектакль» не удаётся. Меня зовёт Гаврилыч:

– Костя, тебя спрашивали. Мотор хотят забрать из бокса.

Ветерана приглашают к столу, а я отправляюсь восвояси. Выдаю подвесной мотор молодой паре, большой любительнице ночных рыбалок. Обхожу Стоянку, заодно и фонари зажигаю. Возвращаться к ухе не тянет. Если созреют до спуска вельбота, то кликнут. Но сегодня вряд ли... Присаживаюсь на порог сторожки. И тут слышу песню. В отличие от «Аве, Мария!» – на понятном для меня языке:

*Лунным сиянием море блистает,
Попутный ветер парус вздымает.
Лодка моя легка, весла большие...
Санта Лючия, Санта-а-а Лючия...*

Иногда певец берёт слишком высоко. И я боюсь, как бы ни сорвался. Но он всякий раз вытягивает:

*Неаполь чудный мой – город чудесный,
Где улыбается друг прелестный.
В душу созвучья льют неземные...
Санта Лючия, Санта-а-а Лючия-а-а...*

Он поёт об итальянском, а я вижу своё, повторяемое во сне и наяву: притихшую в блёстках огней Лагуну, замысловатые извивы Реки и её проток, замерших рыб, печальные тени деревьев с дремлющими птицами, звёздный купол неба и тянувшуюся к нему серебристой дорожкой чудную мелодию... И в груди вскипает что-то настолько большое, доброе и могучее, что сами собой выступают слёзы. Хочется куда-то идти,

кого-то обнимать, подняться вслед за песней... Хочется крикнуть: «Люди, вы сами не знаете, какие вы замечательные!..»

Но через минуту-другую наползает тучей: «А кто же Лайму отравил?»

Хозяин знает, но... Да разве дело в этом – «Кто?!». Главное – «Зачем?!»

Я смотрю на Лагуну, на мерцающие огни города... Что-то сегодня в нём не так. Какая-то спрессованная тишина. Вспоминаю: «Бугор» – в трауре. Где-то там, почти за полтысячи вёрст, восемьдесят четыре мальчика попали в засаду. И полегли, все, до единого...

К полуночи подгребают Валера, слишком уж развинченной походкой.

– Ну что, сбросили? – спрашиваю лишь бы разогнать сон. Валеру только зацепи, а уж он потом не даст заснуть.

– А то! Жалез на швой вельбот, и – «Шанта Лючию» наяривает. Жавтра порешели. – Он с особым наслаждением посасывает трубку.

Под утро я прилёг в сторожке и меня сразу сморил сон. А может, это был не сон, а так... полубред. Хотя вроде не с чего. Помятуя о службе, с питием придерживал себя. Но ночь – она и есть ночь. Всегда требует своего...

Откуда-то выплывает чёрно-белая картинка. Бородатые мужики в толстовках и смазанных дёгтем сапогах сворачивают церковные колокола. Колокола бьются о мёрзлую землю и распадаются на фрагменты...

Потом чую шорохи за окном. Вот из подполья высовывается забавная мордашка. Вторая, третья... Глаза едва разлепились, но щенки уже требуют к материнскому молоку добавки. Пытаюсь гладить их лобастые головки, а они хватают пальцы... Делюсь всем, что у меня есть. Но им мало. Брожу по Стоянке, собираю, что у кого оставалось съестного. Однако людей уже не так густо. Лайма оценилась глубокой осенью. И я понимал, не сможем уберечь детёнышей, загрызут голодные псы из соседних баз. Такое уже случалось.

Однажды среди ночи меня заставил выскочить из будки раздирающий душу вопль, сильно похожий на вопль человеческого детёныша... Две здоровенные псины ухватили зубами кутёнка – один за холку, другой за задние ноги – и ну тянуть в разные стороны...

Утром уложил щенков в вёдра и двинулся к протоке. Лайма брела следом. Что-то виноватое и молящее истекало из её глаз. В ведёрках были её «первенцы».

Торчащие из воды хвостики уносимых течением кутят грезились мне часто. Эти хвостики ныли в душе занозами.

Божья тварь... И нам ли, грешным, решать – жить ей или умереть? Только потому, что мы – подобие божье?..

22 Наутро к «Аполлону» подтягиваются давешние старатели. Правда, не все. Похоже, кое-кто после вчерашнего не успел оклематься. Однако свято место... Видать, запах Егорушкиной ухи хорошо пропитал атмосферу. За ночь излишки славного варева сильно загустели. Он попробовал, закатил серенькие глазки, со сладким придыханием провёл ладошкой по груди: «Так оно аж убойней самой ухи». Смотрю – и Светлана Сергеевна хлопчет у стола. Что-то протирает, переставляет, добавляет. Сегодня она в лёгком бежевом халатике, волосы свободно падают на плечи. Не волосы, а загляденье.

Остатки «шотландского виски» из Ваниного змеевика тоже просвечивают в иных ёмкостях. Цвет – шоколадно-кофейный. Но знаю, сдобривал Ваня свой продукт не кофейными зёрнами. Случайно поучаствовал в процессе. Ореховые перегородки, прополис: «И для сердца и для суставов полезное». Ну, а пьётся... Уже говорил. Конечно, в лечебных целях потреблять сей напиток лучше не фужерами – напёрстками. Только это уже потом приходит...

По команде Олега Артуровича хором оплетаем судно. Но тележка с вельботом даже не шелохнулась. Хотя «бурлаков», что муравьев, волокущих в свои закрома хворую сороконожку. Налеем ещё раз и ещё... Кто-то заводит «Эх, дубинушка, ухнем!..» Не помогает.

Рудольф вспоминает Архимеда с его точкой опоры. Точка есть, находим и подходящий рычаг. Но как ни тужимся, как ни проверяем на деле гипотезу великого грека, – увы. Видать, «греки» не те.

А «общественный» стол вот он... Сделай шаг да протяни руку. Но без команды доктора как-то не совсем... У него же сегодня не тот настрой, не вчерашний. И главное, сам он свеженький, точно огурчик, сорванный поутру.

С нами нет Хозяина Стоянки. И это не укладывается... Обычно Аким Родионович без приглашения приходит на выручку, бывает и сам застрельщиком подобных акций. А уж помочь Хирургу... Как говорится, и бог велел. Олег Артурович в своё время немало «поколдовал» над ним. И довольно удачно. Речь, правда, не вернул. «Но могло быть и хуже», – обмолвился как-то Ваня Аникин. Он и сам побывал в руках Хирурга. И под его «виски» тот, должно, не случайно толковал о гангрене.

Скучновато. Однако держимся, расходиться в общем-то неловко. Столько съедено, выпито... Егорушка со своим разбухшим авторитетом – в центре. Открыто выдаёт «мнение коллектива» о причине провала «операции». Мол, подорвали силы подготовкой. И вот если бы!.. Тогда... «Не надо хрусталай! По стопочке-другой... Нюх-нюх и – в дамках!..». Хирурга такая идея сегодня почему-то не заводит. Тут Валера, с другой стороны: «Дело в том, што мы не шоблюдаем традиций корабелов». «Каких?». «А шампанское – о борт корабля!» Вид у него тоже деловой. От вчерашних разговоров о запорах, деории и неблагоприятном «ребре» – ни тени рецидива. Видимо, желание скорее поправить здоровье вытравило саму память о них.

Лукавый заброс удочки кошачьим авторитетом заставляет ватагу дружно оборотиться к судовладельцу. А его «Бугор» интересует. Туда поглядывает и, похоже, вычисляет что-то в уме. Валеру словно пчела жалит: а вдруг и впрямь надумает трактор призвать!..

Мыслительный аппарат работает с быстротой самолётного пропеллера. Это заметно даже по вспотевшим стёклам очков. И – вот оно:

– А Ихтиолог?! Шам-один шдвинет!

– Третьим глазом?.. Да-а, похмелиться бы не мешало, – хмыкает Матвей Дзюба.

– Это – шамо шобой?! – Дирибок выдёргивает изо рта трубку. – Заходит ко мне... Я похвалился, мол, квас у меня клёвый поспел. Во-от, заходит... Мы как раз с Чернухой день прибудных котов справляли. Наливаю в кружку. У меня такая хорошая китайская кружка... Из фарфора... Была! Специально для гостей держал. Её Норе один клиент подарил за внимание и заботу. Ихтиолог понюхал, понюхал... «Не квас», – и нос воротит. Потом моргалами на кружку так вызверился, вроде Змея Горыныча встретил. Кружка и поехала. И – бац со стола. И – в мелкие дребезги. Что ж ты, говорю, лось, в натуре, не хочешь – скажи. Он что у меня, этот «неквас», с крышки капает?!... А вы – похмелиться... Ага, похмелились тут... – Валера сверкает очками на сторону Хирурга.

– Да знаем мы эти штучки-дрючки! – Бывший дальнобойщик прямо-таки свирепеет. – Телящики болтунами-прохиндеями да звездюльками-курвульками сутки напролёт потчуют...

– А давайте!.. Всё равно мы тут без толку. А так хоть дурку поломаем... Костя, позовёшь? Вы с ним вроде сердешные кореша. По ночам куда-то плаваете... – Губы Валеры ползут наперекос.

– Не надо никого ломать, – просит Руслан. Он стоит за спиной Валеры и слушает его трёп. В неизменных шортах и кроссовках. Когда подошёл – никто и не заметил. – А кружка... Кружка-то – алюминиевая.

Прилюдное разоблачение не особо сбивает Валеру. Он снова защёлкивает зубами соску-отраву.

– А я говорю, – иж фарфора. Иж китайшкого. Штаринная крушка. Шувенир от клиента...

Но Руслан уже не слушает. Плывающей походкой огибает судно, ощупывает глазами, хлопывает ладонями, точно ездок норовистого коня. О чём-то обменивается с его хозяином. Тот внимает со своей улыбкой покорителя-покровителя. Я догадываюсь о её природе. Сотворило её вечное униженно-подобострастное заглядывание несчастных в его глаза. А Руслан...

Оба они – за метр девяносто. Руслан – в тугих связках мускул и сухожилий, ладный, широкогрудый. Тёмно-каштановые волосы свободно опадают на плечи. И плечи, и слегка вытянутое, с едва заметной выпуклой особенкой между бровей, лицо, и всё тело – в ровном, будто навсегда увешемся загаре. А глаза... Такое впечатление – посмотри в них самый лютый зверь – не сморгнет, а то и сам усмирит. Двуногого – уж точно. Руслан притягивает не только мужской статью, но и чем-то неуловимым (как неуловим цвет его глаз), что и на самом деле вызывает мысли об иных, затерянных, мирах, иной жизни... Хирург помассивней. Однако сбрось ему десяток лет, – думаю, мало чем уступил бы Руслану.

– Вы им это сами скажите, – слышу, наконец. И не только я один. Нарочито загрубелый баритон Хирурга явно рассчитан на публику. Руслан согласно кивает и – к поскучнелой ватаге:

– Прошу всех подойти ближе. – Голос вроде бы спокойный, будничный, но затаённая пружина чувствуется. – Расклад такой: двое берут водило, направляют тележку. По пять человек – с каждого борта, остальные – с кормы. И перед спуском обязательно разворачиваем. Не надо никаких «дубинушек», рывков и толчков. Начинаете медленно, на выдохе, как бы сливаясь с вельботом. Почувствуйте, поймите, он хочет того же, что и вы – поскорее оказаться в воде, на свободе, в своей, родной, стихии. Всё делаете по команде Олега Артуровича. На меня не обращайтесь, что бы ни произошло. Всё будет хорошо. У вас получится. На всякий случай, когда развернёте, к передней оси накиньте верёвку или трос, чтобы подстраховать, удержать на спуске, если вельбот понесёт...

Руслан отходит к кусту сирени. Вытягивает руки перед собой, затем смыкает ладони. И давит с такой силой, словно между ними кирпич, из которого надо выжать сок.

Я замечаю, как вздуваются его шейные и плечевые мышцы, наливаются бицепсы. Глаза останавливаются. Лицо бледнеет, а выпуклость повыше бровей становится отчётливей, обретает лиловый оттенок и, сдаётся мне, начинает пульсировать. Бледнеет и лицо Хирурга. Без видимых на то причин. Он переводит глаза от Руслана к вельботу и обратно. И эта бледность стирает вживлённую беспомощными страдальцами больничных палат и коридоров улыбку спасителя, обезличивает. У меня такое подозрение, что Руслан каким-то образом подключил и его энергию. Действует на вельбот и людей как бы через Хирурга. А тот тяжело взмахивает рукой и, что-то преодолевая в себе, хрипит: «Пошли!».

Чувствую неожиданный прилив сил, а главное – уверенность: на этот раз справимся. И... колёса шевельнулись, вельбот стронулся. Затем, уже без наших понуждений, идёт под уклон. Теперь надо просто удерживать, чтобы не сошёл с бетонной полосы, не перевернулся.

Когда «Апполон» свободно качается на воде, продолжая двигаться по инерции, кое-кто, не веря своим глазам, бредёт следом. Иные даже плывут.

Потом вспоминаем об Ихтиологе.

Он лежит под кустом сирени. Его породистое тело похоже сейчас на безжизненный манекен. Глаза закатились...

Хирург опускается перед ним на колени, прикладывает к шее пальцы.

– Иссяк. Но живой... Будет жить. – Мотает головой, передёргивает плечами, издаёт такой силы вздох, будто освобождается от непосильного гнёта или наваждения. Лицо обретает прежний здоровый оттенок, появляется и улыбка. Однако с каким-то кисловатым налётом.

Рядом с распластанным Русланом образуется Боря Смиркин. И – ни к селу, ни к городу:

– А то я вам не говорил: «Человек будет летать!».

23 Через пару часов берега тонут в сиреневой дымке. Мы догоняем, нас обходят, нам встречаются сухогрузы, нефтевозы, многопалубники с туристами.

«Апполон» держится в кильватере яхты где-то в ста метрах. В моём штатном положении надо бы, конечно, мыслить футами и кабельтовыми. С этим куда ни шло. А вот всякие там бимсы, галфинды, бейдевинды и прочее, в том же духе, – тёмный и густой лес. Однако хозяин вельбота суров: «Это язык морских волков. Так что не ломайте традиции».

В молодые годы Олег Артурович «отбарабанил» своё во флоте. Характер «барабана» я не стал уточнять. Человек он музыкальный, и палубы вряд ли драил. Правда, с нами о музыке помалкивал (видно, из благородных побуждений). Но о такелажах и галсах «травил» в охотку.

Перед плаванием провели капитальную разведку. Не раз барражировали по Лагуне, в открытое море выходили. Обкатывали после долгой «сухой» стоянки вельбот, «притирались» сами. Чистая работа двигателя ласкала ухо. И Олег Артурович не раз похваливал Ваню Аникина за добротный ремонт. Да и шелест воды за бортом для обоих – та же музыка. Так что и между нами поначалу – никаких цунами.

Флагманом «эскадры», само собой, разумелась «Машенька». Заодно с Русланом на яхте второй её владелец – Аким Родионович. Ещё – жена его и чета Аникиных. На вельботе, естественно, – Хирург (и хозяин, и капитан, и спонсор). За мной – механика и камбуз, по свободе и «при желании» – подмена у штурвала.

Ожидался ещё один, некто неведомый, о ком Олег Артурович намекнул просто как о факте. Но мы-то подозревали, что это за факт. Вездесущий Валера заикнулся, было: «А где твоя?..», но глянул в глаза Хирурга и прикусил язык. Видно, из опасения нового, совсем нехорошего диагноза. Однако «неведомых» случилось двое. Да только «подозреваемого» в том раскладе не нашлось.

Когда «отдавали концы», как снег на голову, – Боря Смиркин. И с немалой обидой: «А как же я? Как же вы без меня?»

Минуту доктор разглядывал интересного клиента. Вдумчиво разглядывал, совсем без улыбки. «А кто вас, извините, прислал?» – «Как это?! Я сам по себе. Я ни в каком движении не состою. У меня свой кружок. – Возмущение Бори откровенное. – Вы ведь направляетесь... – и дальше с нажимом на каждое слово: – к Острову Цветных Снов...» – «Что-о? – Густые смоляного отлива брови Хирурга чуток изогнулись и как бы разошлись от переносицы. Но не надолго. – Откуда вам известно?» – «Не пудрите чужие мозги. Этот Остров мне каждую ночь снится. А то вам не так?» – «Да-а? И что же?.. Ладно, это – после. Однако, Борис Захарьевич, вы совсем налегке...»

В руке Смиркина – увесистый чёрный зонт, ещё – бинокль на шее. Боря обозревает гирлянды язей, истекающих жиром под тентом: «Вы об *этом*? Пусть *это* вас не смущает. Космос... Он изливает... – Лицо Бори такое... Если он и потешался, то только не над Космосом. – Земную же пищу могу не принимать до сорока дней. А вы, я слышал, в отпуске – на две недели». – «А воду?.. Если у Космоса с этим продуктом будет заморочка? Без воды – тоже сорок дней?» Боря в сильном замешательстве: «О-о-ой, чтобы так... Так нет». – «Ну и мило! Не переживайте. У нашего барометра

на уме обильные осадки. И зонтик будет кстати, и от жажды не скончаесть. Но, согласитесь, всё же это рискованный вариант. Есть альтернатива. Я беру вас юнгой. Мой, видимо, занемог. Или струсил. А вы... В случае добросовестного исполнения обязанностей и на довольствие будете поставлены. Вашу руку».

Хирург совсем оттаивает. Боря же руку протянул, но как-то расслабленно.

А до этого случился абсолютно неведомый пассажир, правда, – на яхту «Машенька».

Перед самым отплытием исчез Руслан. Ещё час назад заодно со всеми грузил парусник, показывал что, где и как уложить для надёжной отстойчивости. По его совету прицепили шлюпку... И нате вам – исчез. Я-то целую неделю не встречал его после сброса «Аполлона». И всю неделю одно и то же: «А что это было?». Иные посмеивались: «А ничего не было! Полтора десятка бугаёв перестали дурковать, упёрлись – телега и покатила». Другие всё же усматривали в этом гипнотическое воздействие Ихтиолога. Особенно Валера Дирибок настаивал. Мол, упирались и до того, а выходил один пшик. «А сам «гипнотизёр» свалился чуть ни замертво – он тоже дурковал?.. Хирург сказал, будто исыак. А отчего исыак, он же в сторонке кочевряжился?.. Ну, дубари! Шариками надо работать...» – Валера крутил пальцем у виска.

Я-то помалкивал. Сказать, что совсем уж поверил в его Остров... Слишком всё сходилось с моими снами. Мифом отдавало. Но если это только миф, стоило огород городить с нашей «экспедицией»? Всё-таки на борту не дети капитана Гранта...

Как-то, по привычке, сидел с Гаврилычем на мостике. Подошёл Валера с черпаком, под охраной всё той же кошачьей своры. И таким размякшим баском: «Хорошее дело штоянка, правда, Гаврилыч?» – «Оно, конечно, – ответил тот не слишком весело. И добавил: – Коли есть Дом, где тебя ждут». Я тогда глянул на него с интересом. А вообще немного жалко было тех, для кого Природа не Храм, а некая подсобка, куда спускаются поскулить от сердечной тоски. И все-таки без Дома, «где тебя ждут», – ты всего лишь гадкий утёнок из детской сказки. Может, потому и хотелось верить Руслану.

И вот, в самый последний момент, он пропал.

Обошли Стоянку – никаких следов. Собрались на мостике, у яхты, стали судить-рядить... Градусы настроения падали до нулевой отметки. Никто не подозревал в Ихтиологе прохиндея. Ну, странноватый, не совсем похожий на других (к тому же другие не знали того, что знал о нём я), но в общем-то... Раньше вроде никого не подводил. Стали уже поговаривать: а вдруг что приключилось, попал куда-нибудь не туда. И тут...

Он был не один. Под руку вёл девушку.

Без команды выстроились на краю мостка и затухли. Сцена из последнего акта комедии после объявления: «К нам едет ревизор». Мы-то полагали, кроме Стоянки и водолазной работы в порту, у него и жизни больше никакой. Иные втихую даже ёрничали над такой свободой.

Руслан вёл её так осторожно... Точно проводник по крутому обрыву. Оно и мостик под нашими застывшими тушками до воды прогнулся.

Девушка – в тёмных очках. Когда достигли первого из нашей компании, то кивнула и пожелала всем доброго утра. Мы, хоть и вразнобой, но ответили.

Поравнялись со мной. И она приостановилась. Я поздоровался во второй раз. И не потехи ради, – как-то само вышло. Девушка промолчала, но очки сняла. И – вот её глаза... Ну, что тут сказать, кроме как большие, когда они на самом деле такие. И будто вовсе без зрачков. Смотрят... И не то, чтобы смотрят, – остановились, а я в их бирюзе крошечной куколкой плаваю. Протянула руку, почти до моего плеча, и тут же отдернула.

Потом они поднимались по трапу... Роста, по женским меркам, среднего. Спортивная. На голове модное, из тёмно-синего вельвета или бархата, кепи. Под ним коса угадывается. Белая куртка-ветровка с малиновыми разводами... Джинсы... Кроссовки... За спиной – оранжевый рюкзачок... В общем, ничего из ряда вон.

Когда мытарился по стране в поисках своего изначального адреса или хотя бы случайного лица, способного меня признать или которое бы сам узнал, немало встречал таких. Они легки на подъем, неприхотливы в быту, и вечно в движении. Не задумываясь особо, сплавляются по глухим рекам, «ползают» по горам. Их можно встретить в эрмитажах, филармониях, на привалах в лесу, у костров. В них чувствуется неутолённая жажда познания. Она вечно толкает их куда-то. К чему-то потерянному или ускользающему. А эта... Когда протянула руку, – я за малым не ответил тем же. И сердце... Да нет, с сердцем было всё в порядке. А вот дыхание маленько осеклось. Может, и искра какая пробежала. И даже не искра, а как бы тёплая волна качнулась...

Нас провожали Рудик с Полинкой, Валера и Гаврилыч. Ещё – сынишка Аникиных с бабушкой Ритой. Довольно молодая бабушка украдкой смахивала слезу. Её внук, Иван Иванович, стоял с плотно стиснутыми зубами. Он привёз на тележке фрегат и передал отцу – испытать в открытом море. Фрегат почти в метр длиной, двухмачтовый, из плотного дерева, олифой пропитанный. По бортам из бойниц дула пушек выглядывают. Мы дружно цокали языками: «Ну, молодец!..» – «Вот это да!..» – «Неужели сам такого красавца?..» Лицо корабеля-самородка ничего не выражало, а вот губы подёргивались. В чём дело – догадаться было не трудно. Фрегат уходил в дальнейшее плавание, а его творец оставался на суше.

На время нашего путешествия Аким назначил Рудольфа головой Стоянки, в помощниках – Гаврилыч и Валера. Причем, этот их новый статус скрепил печатью с означенной финансовой компенсацией.

Не скажу о других, а я подобный акт особого расположения к Рудольфу расценил как эксперимент по образцу «Педагогической поэмы» – воспитание трудом и доверием. По мне – так Хозяин здорово рисковал. «Болезнь» у воспитуемого была довольно запущенная. Почти хроническая. Хотя последнее время и намечалось некое просветление. Но такое и раньше бывало, однако заканчивалось одним и тем же рецидивом. Может, просто хотел загладить свою вину за «воспитательный» тычок в сторожке?

Ветер дует косо в корму («бакштаг» – при учёте курса от 100 до 170 градусов). Не очень сильный, но ровный, устойчивый. Это даёт идущей впереди нас яхте приличный ход. На всякий случай её снарядили подвесным мотором. Не ахти какой зверь, однако, в случае безветрия или, наоборот, шторма, выручить способен. У нас же в запасе – свёрнутый у фальшборта парус.

Дабы сравнить ходовые достоинства вельбота, Хирург «давит на газ», и мы через десяток минут почти вплотную подбираемся к «Машеньке». С её кормы нами восторгаются Ваня и Надя Аникины. Шутейно, конечно. Показывают пальцами «викторию», делают большие глаза.

Маши не видно. Скорей всего, хлопочет в камбузе. Аким и Руслан по очереди правят яхтой, следят за парусом. Но меня занимает незнакомка в тёмных очках. Она безучастно сидит в раскладном кресле. Кто она?.. Мне терять нечего. Свои интересы к Острову у Нади, Акима, Руслана... Но что заставило отправиться в общем-то авантюрное плавание эту незнакомку? Непоседливый характер? Кто она Руслану? Откуда?..

Я всё время держу в памяти её персикового цвета лицо, отстранённое от суеты и словно застывшее на воспоминании. И всё больше убеждаюсь: где-то, когда-то видел его.

По большей части я обретаюсь в рубке. Рядом с «господином капитаном». Так в шутку или всерьёз повелел величать себя хозяин вельбота. На его полированной голове ладно сидит «мичманка» с золотым крабом. Хирург в тельняшке и шортах. Для морского волка не хватает самой малости – трубки в зубах и окладистой бороды. Но он не курит, а бреется два раза на день. По его милости я значусь «господином механиком» и «господином коком» (по обстановке), а Боря Смиркин – «господином юнгой».

Да-а, разобраться в человеке иной раз сложнее, нежели в снастях парусника и в прочих морских премудростях с выламывающими мозги названиями. Этот самый Олег Артурович, когда я года три назад ещё не гонял по протокам на своём «бегунке», а бродил в плавках за дармовой поживой, устроил мне «в вечное пользование» этот самый «бегунок». Совсем за небольшую услугу. Я наловил раков для его «корпоративного банкета» на Стоянке... Будки, как символа процветания стояночного люда, у Хирурга не было. Не знаю про «Бугор», а на Стоянке вельбот замещал ему все блага цивилизации.

«Господин юнга» неплохо устроился на покрытой лаком фигурной скамеечке, перед самой рубкой. Созерцает в бинокль морские просторы с пикирующими чайками и бакланами. Во второй руке – раскрытый зонтик, хотя такого ясного, от края до края, неба, давно не видывал. Оберегает Борю и шляпа цвета вороньего крыла. Ко всему – плотно зачехлён в чёрный вельветовый комбинезончик. Я же довольствуюсь шортами да панамкой. За пять лет проживания на Стоянке кожа так пропиталась солнцем и задубела... Прятать её – какой смысл?..

24 К вечеру перестаём встречать и обгонять суда, видно, свернули с главного караванного пути. Как по заказу, ломается погода. Небо затягивают чёрные тучи, крепчает ветер. Вельбот с натугой переваливается через крутые, рваные волны.

Не сладко. А Боре особенно. Как рыбе на суше. Хватает ртом воздух, его «выворачивает наизнанку». Пробует сбросить лишние калории за борт – ничего не выходит. Зигзагообразно спускается в каюту. Я – с Хирургом. Жду Бориной участи. Но пока бог милует.

За весь день «господин капитан» один раз и уступает место у штурвала – отлучается по своей надобности. Намекнул: не помешало бы перекусить. А он – точно по секрету: «Помешало бы. Потерпите, не пожалеете». Сейчас доходит, к чему его отеческая забота.

С «Машенькой», ещё на Стоянке, обговорили сойтись к ночи бортами. Лечь в дрейф или бросить якоря, вместе поужинать, «перетереть» у кого что и как. И вот... Какое там бортами!.. Впереди раскачивается голая мачта, иногда и вовсе теряется из вида. Хорошо – успели вовремя убрать парус. Остервенелые наскоки ветра доносят слабые звуки колокола. Мы отвечаем воем сирены.

Поглядываю на Хирурга. Во всю физиономию – улыбка покорителя. После «магического» сброса «Апполона» сильно поблекла и вот – воскрешение. И даже не улыбка – этакая разухабистая ухмылка: мол, а мне это море – по колено! Глаза коршуна, почуявшего кровавую добычу. Волны рвутся на палубу, хлещут по стёклам рубки, а ему – праздник души. Но, оказывается, не только.

– Как двигун, выдержит? – поворачивается ко мне.

– Должен... – Вопрос не праздный. Умолкни мотор и наш вельбот – неуправляемая щепка, а мы...

– Не боитесь пойти на корм осьминогам... этим... Безбатьковичем? – Продолжение мысли – моё. Однако – Безбатькович... Тоже верно. Но лучше не надо.

– Не дождётесь, Олег Костоломович!

Он начинает хохотать. Со взрыдами и неожиданным продолжением:

*Лунным сиянием море блистает,
Попутный ветер парус вздымает.
Лодка моя легка, вёсла большие...
Санта Лючия, Са-анта-а Лючия-а...*

В меня, как и в Хирурга, вселяется вынырнувший из пучины бес. Я подхватываю, с таким же перехлёстом:

*Неаполь чудный мой – город чудесный,
Где улыбается друг прелестный.
В душу созвучья льют неземные.
Санта Лючия, Са-анта-а Лючия-а-а...*

В этот момент вельбот дыбится от бешеного удара волны. «Лючия» обрывается захлёбным «а-а-а!». Меня швыряет к двери. Цепляюсь за ручку. Дверь распахивается, а я выпадаю из рубки. Откуда-то сверху и сбоку извергаются водопады, волокут по палубе. Нога застревает между спаренными кнехтами. Кое-как изворачиваюсь, чтобы выдернуть. Хватаюсь за выступы...

Новый обвал перекатывает на спину.

Чувствую, долго не протяну. Или захлебнусь или руки выломает. И тогда... Ловлю паузу между нахлёстами волн, бросаю себя под укрытие фальшборта. Укрытие не ахти, ошмётки волн и тут достают, однако, продвигаться можно.

Хирург включает прожектор. Но толку от него – ноль. Жёлтое щупальце света замыливается мглой, теряется в дикой катавасии волн.

Я не вижу неба. Мы – в гигантском котле из воды и мрака, а наше судёнышко – жалкий зародыш в нём.

Откидывается дверь. «Шнэ-эллер!» – Полушутовской вопль... Провальный зев рубки... Залетаю. И даже исхитрюсь хлопнуть вослед дверью.

Хирург окраивает мою измочаленную фактуру выпуклым глазом.

– Как нога?

– Хор-рошо! – Зубы сами постукивают. Не жарко, однако. Иссиня-багровый подтёк ниже колена. Ощупываю. Вроде кость целая. Саднит, конечно. Содрана кожа на бёдрах. Но это – вообще пустяки. Окажись за бортом и...

Во второй раз дорисовывать одну и ту же картинку как-то не тянет.

– Переодеться есть во что?

Есть. В каюте. Но для начала решаю навестить двигатель.

В самой утробе вельбота, – «машинное отделение», больше похожее на крысиное кубло. Настолько душное и тесное, что упираюсь коленом в двигатель. Работает с перегревом. Заменяю воду, добавляю в картер масла. Однако... В натужный перестук поршней вкрадывается нечто, похожее на дребезжание. Нахожу инструмент, затягиваю крепление. Вовремя поспел.

В каюте, на полу, с подломленными ногами, уткнутой головой в матрас откидной койки, полулежит Боря. Рядом валяются шляпа, бинокль, зонт, пустые целлофановые пакеты... Воздержание от еды сослужило «господину» юнге хоть какую пользу. «Ну, как ты?». Он приподнимает голову, разлепляет один глаз. В нём – вселенская мука.

Нахожу аптечку, пластинку с таблетками. Такие обычно – для аэропланых страдальцев, у кого с вестибулярным аппаратом нелады. Одну сую Боре в рот. В ответ

– то ли мычание, то ли благодарное похрюкивание. Обещаю: «Скоро всё кончится. Крепись».

А что я мог ещё обещать?!..

25 В месиве туч ныряет маленькое злое Солнце. Тусклое, свинцовое, как и волны. Постепенно они опадают. А мутные завеси до самого горизонта начинают приподниматься. Но сколько ни шарим глазами – ни единой зацепки. О «Машеньке» – избегаем...

Небо всё светлеет, разглаживается. Тучи сменяют лёгкие кучевые облака. И уже к полудню – Солнце в своём летнем жарком обличье.

«Апполон» шелестит по убившимся волнам почти без шума, красиво даже. Пока оправдывает своё название.

А вот желудок светло – дальше некуда. Слабина в коленках, голова, что пустой котёл. Глаза слипаются. Перекусить бы и – на боковую. Так и Хирург на ногах не меньше моего. В общем, решаю держаться, голоса не подавать, ждать команду. А вот и она. И почти по моему раскладу:

– А не подумать ли нам о хлебе насущном? Бориса Захарьевича проведать. Может, даже сменить.

Но Борис Захарьевич вот он – собственной персоной. И довольно бодрый. Ведёт биноклем туда, сюда, протирает глаза, окуляры...

– Что такое? Не вижу чаек. Мы где?

– Чайки пропали, – соглашается Хирург-капитан. В руке у него инкрустированная червлёным золотом подозрительная труба. – Около трёхсот км. отмотали. Потому, думаю, и пропали. А мы... А свой Остров Цветных Снов, вы, Борис Захарьевич зевнули. Подходим к птичьему.

– Этого не может быть. – Боря упирает бинокль чуть ли ни в глаза Хирурга. – Если бы... Нет, я бы проснулся.

– Версия, Борис Захарьевич, убедительная. Принимаю. А всё же, какие соображения насчет хлеба насущного? Господин кок?

– Вам в постель или?.. – После хорошей встряски и в предчувствии еды градусы настроения ползут вверх.

– В постель. – Хирург тоже благодушествует. Хочет добавить что-то, но врезается Боря:

– А «Машенька»? Что с нею?!

– «Машенька» оторвалась.

– Куда? Зачем?

Мы с Хирургом молча и дружно пожимаем плечами.

– А-а, понятно.

Боря нахлобучивает шляпу и занимает прежнее место на ввинченной в палубу скамейке перед рубкой. Что ему понятно?.. Я спускаюсь в камбуз.

Безпокойство Смиркина о судьбе «Машеньки» лично у меня связывается с женщиной в тёмных очках. Ловлю себя на том, что думаю о ней больше, чем о других. И не просто думаю. Со вчерашней встречи на мостике во мне поселилось нечто, похожее то ли на ожидание чуда, то ли прозрения. И это ожидание как бы раздвинуло просторы, в которых обитал. Они теперь не замыкались рубкой, каютой, вельботом... Конечно, – Остров, наш вектор. Но ей-то он зачем?.. О каких-то особо близких делах с Русланом даже на ум не приходит. Он-то из другого сериала!.. Или... Или это моё хотение?..

Обед получается по-походному незамысловатый, лишь бы поскорей «червячка заморить». Хирург одной рукой правит, другой суёт в рот бутербродики, пивком проглатывает. (Позабыл о своей толстой кишке что ли?). Боря поначалу отнекивается,

но потом сдаётся. Не совсем, правда: «Я бы – чаю...» Уговаривать не пытаемся. Парень не совсем вышел из качки. Благо, в двухлитровом термосе задержался и чаёк, заваренный ещё на Стоянке. Только тёплый. Но Боря не в претензии. Понимает – ситуация ещё не созрела для подогревов. Когда опорожнил кружку, – видно, из чувства благодарности или вины: «Что мне делать?» Хирург: «Ну, первое крещение юнги – обычно со швабры, с этого вечного двигателя чистоты. Господин механик, где там у нас швабра?»

Все причиндалы по обслуге вельбота – в рундуке на корме. Достая швабру, а также ведро, привязываю к её дужке бечёвку. Сам возвращаюсь к неоконченной трапезе. Через небольшое время появляется и Боря. Лицо печальное.

– Что, Борис Захарьевич, после трудов праведных аппетит разгулялся? Давайте, включайтесь. Пивка – для рывка?

– Олег Артурович, у меня это... Я уронил швабру.

– Да что вы говорите! Так я сейчас. Вот дожую язька, запью пивком и подниму, – обнадеживает Хирург.

– Да нет, вы не так поняли. Я уронил её в море.

Оказывается, вместо того, чтобы зачерпнуть воду ведром и в нём полоскать швабру, Боря решил избавить себя от непроизводительную труда, – доверить её морю. Швабру и выдернуло из рук, – ход у «Апполона» всё-таки приличный.

– Что же мне теперь?.. – Голос у него... Боря вроде как согласный на любое наказание.

– Потеря швабры – это к беде.

– Что ещё за беда? А шторм... Этого мало?

– Вещает моё сердце, нас, акромья штормов, поджидает немало весёлого – и сирены, и циклопы, и Сцилла с Харибдой...

Позже это «акромья» с сиренами и циклопами мне припомнятся.

– А вы, значит, хотите продолжить? – опять – к Боре. – Похвально. Тогда тряпочку в руки и – «барыня с перебором»...

Ну, даёт господин... Швабра – то у нас ещё в запасе. Ах да, морской порядок. И эта «тряпочка» – вроде науки.

Боря сбрасывает сандаlette, наматывает мокрую тряпку на босую ногу и начинает елозить по палубе.

– А что, вполне творческий подход! – рокочет Хирург посвежелым, видимо, после пивка, баритоном.

Боря не отвечает. Когда прошибает пот, снимает шляпу. Она теперь у него вместо опала.

Минует ещё ночь... И ещё... И все – довольно мирные. Море, испытав на прочность, решило оставить нас в покое. Признало за своих что ли... Однако, не отпускает вопрос, от которого даже холодком потягивает: «А туда ли плывем? И что мы без нашего лоцмана?». Успокаиваюсь тем, что азимуты у Хирурга, наверняка, в голове. Уж больно он спокойный. Идём на малых оборотах. Выжидаем, приглядываемся. «Машенька»... Дурного предчувствия пока нет. А оно, предчувствие, в любую сторону, редко обманывало.

Хирург доверяет мне штурвал, и мы по очереди отходим ко сну. Боря, теперь уже по собственной воле, исполняет обязанности «господина юнги»: «чистит-блистит» выпуклости и выступы, какие попадают под руку. Похоже, успокаивает нервы от своей промашки со шваброй. Или созерцание пустого моря утомило. Может, и мысли наползают всякие. А работа, хоть какая, – глядишь, и расправит морщины на лбу.

Потом было утро. И был новый день. И вызревала надежда: море не океан, а наш Остров – не песчинка в нём. По крайней мере, в моём сне был далеко не песчинкой.

Мы как-то выпустили из вида, что море плавно перетекало в океан.

По палубе, козликком – Боря. Подскочит к носу вельбота, потом обратно – к рубке. Губами шлёпает, а голоса не слышно. Руками – по-птичьи... Хирург фиксирует штурвал. Выходим на палубу.

– В чём дело, Борис Захарьевич? Вы обнаружили Мобби Дика?

– Нет! Нет! Там!.. Там – земля!..

По курсу – тёмная полоска. Хирург целится в неё подзорной трубой, а я беру у Смиркина бинокль. Клочок земли. И вроде немалый.

Радуемся ему, как радовались во все времена заплутавшие или потерявшие надежду на спасение, падкие до чужих земель открыватели, пираты и прочие бродяги морей и океанов.

26 Остров выгибается пятнистым удавом. Издали даже симпатичный. Другое дело – вблизи... Окатистое туловище сплошь утыкано кручёными, будто после пьяного загула, стволами, забито кустами и валежником.

Пристаем к плоской «морде». По оттопыренным «скулам» висают узловатые корневища. Высаживаемся на проплешину с мягкой подстилкой из созревших листьев и помёта. Этого добра – в изобилии, есть и свежее, но сам остров словно... Не то, чтобы вымер, а затаился.

За время плавания мы так истосковались по твёрди, по иной обстановке, что, не раздумывая и не сговариваясь, заглубляемся в лесные дебри. Правда, достаёт ума прихватить мне – топорик, Хирургу – ружьё.

Но от моего орудия пользы мало, а по сути – никакой. Гибкие побеги с мелкими листочками, больше похожими на колючки, откидываются под ударами и снова хлещут по ногам. Без надобности пока и ружьё. Сбавляем ход.

Всё та же тишина. Пощипывает тревогой. А тут ещё едкий, с позывами к тошноте, запах.

Ветки заплетают небо, проглядываются лишь голубые пятнышки. Мы сами – как бы в котловане. Душно. Под одежкой – липкая испарина.. И – этот запах... Кажется, его источают не только земля, но и сами деревья.

Боря промокает подкладкой шляпы лысеющую маковку, лицо, шею. Облизывает сохнувшие губы:

– Я так думаю, нам лучше – в обратную сторону. А то совсем нехороший воздух. – Голос слабый, как после ломовой работы или изнурительного поста.

Хирург сдёргивает с плеча ружьё, палит в расщелину между ветками. Секундная тишина обваливается тысячеголосым гвалтом. Тьма в чаще густеет. Неба совсем не видно. Его укутывает чёрное, клочковатое полотнище. На головы вперемежку с густой жижой сыплются студенистые комки, вызывают вместе с отвращением немалую панику.

Мы поворачиваем назад и сразу срываемся на бег. Впору заткнуть уши, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

Раз за разом наступаю на упругие скользкие «плоды», в ответ – отчаянные вопли. Наконец, соображаю – это выпавшие из гнёзд голые птенцы. И останавливаюсь. Как по команде, останавливаются Боря с Хирургом. До нас доходит, – мы попали в вороний заповедник.

Плутаем довольно долго. Дорогу обратно явно потеряли. И всё потому, что торопимся вырваться из-под обстрела птичьих каломётов. Наконец, изрядно вымотанные, попадаем на знакомую прогалину.

Минуту разглядываем друг друга. У всех на языке готовое сорваться: «А ты кто такой?!». С головы до пят – мы в подтёках белёсо-чёрно-коричневых испражнений. С перекошенными от брезгливости физиономиями сигаем на палубу вельбота, а уже с кормы – в воду. Кто в чём.

Кувыркаемся до одури – лишь бы избавиться от гадостной наледи. Потом срываем одежду и остаёмся в чём мама родила. У нас-то с Хирургом всё по лёгкому (панамку и мичманку утерали при нырянии), а вот Боре приходится тяжко. Мало того, что шляпу не выпускает, так на нём и комбинезончик в объёму. Напитался влагой, никак не поддаётся.

А вороньё и тут не оставляет. Обложило всё той же рваной тучей, и под остервенелую ругань лужёных глоток поливает, поливает...

Притираемся к борту вельбота. Это приводит наших мучителей в ещё большее остервенение. «Стрельба» ведётся теперь по касательной. Однако сколько же оставаться в воде?! А тут еще снизу возня. Что-то пощипывает, покусывает, щекочет.

Приглядываюсь, вожу под водой рукою... Мелкие рыбёшки. Чистильщики. Выщипывают микроны кожной ткани – отмершие клетки. Это знакомо и не опасно. Даже полезно. Не надо вычёсывать. (Мы часто делаем это машинально, не понимая, в чём дело). Но что дальше? А если эти малыши – приманка для кого-нибудь позубастей... Говорю об этом «команде». Задёрганная снизу и сверху «команда» не возражает. По кормовой лесенке вымётываем на палубу.

А летучие бандиты совсем ошалели. Иные чуть ли ни садятся на головы. Хирург хватает прислонённую к рубке «бельгийку», выпускает в небо оставшиеся заряды. Карканье сливается в один истошный вопль и потихоньку уплывает в глубину острова.

На палубу шлёпается мохнатое чудище. Мы окружаем его. Развесистая жирная ворона, чуть ли ни с гуся, с зубчатым изогнутым клювом. Такая разве что по хворому делу может явиться, и то – во сне.. И лапы не совсем вороньи. Хирург поднимает её за крыло:

– А? Ну, экземплярчик! Расскажи – не поверят. А мы вот что... Мы сделаем из неё чучело. Господин механик, спрячьте пока в холодильник. А вы, Борис Захарьевич... Как вам эта земля обетованная?

Боря стоит со вскинутым над головой пальцем, к чему-то прислушивается или призывает вслушаться. В кулаке опущенной руки истекает струйками воды шляпа. Скомканые штаны и курточка, а также прочее, нателное, валяются у ног. Он сумел таки освободиться. И теперь – как тот Адам в предвкушении яблока...

– В чём дело, господин юнга?

– Тихо. Слушайте. – Загадочный шёпот.

Под магией этого шёпота мы с Хирургом выпрямляемся. Откуда-то наплывает едва различимый звон.

Так звенит иной раз в ушах кровь, когда пытаешься поднять или сдвинуть непосильный груз.

27 – Вот пример эволюции по Дарвину. – Руслан указывает на грязную тучу воронья, застывшую небо. – Если, конечно, понимать её в рамках одного вида. Кормов – вдоволь, проживание – замкнутой колонией. Ну, и – перепонки... Вероятно, предки этих особей попали сюда не одну сотню лет назад. Питались отбросами моря, зачастую не очень свежими и не очень обильными. Так что поневоле забредёшь поглубже, научишься лапками по-утиному шевелить.

С годами освоились, наплодили себе подобных. И, в конце-концов... В общем, депортировали аборигенов, а скорей, скушали. А теперь на острове – они да беспозвоночные. Утром заглянул в лесок, ковырнул перегной, а в нём... Настоящий гадючий выводок. Пригляделся – да нет, черви. Даже покрупней тех выползков, что ваш брат дома на крючок сажает. Сей деликатес вывели в собственном навозе новые хозяева. А черви – добавка к меню солидная. Их обилие тоже впечатляет. Да если бы только они!.. Эти всеядные, эти каннибалы...

Бесноватая воронья свора вываливается из кустов. Меня подмывает съязвить: «Это и есть тот самый благодатный Остров Больших Птиц?» И ещё: то, что здесь творится, и есть эволюция? А может, всё-таки деградация? Не слышал, чтобы человек в драчке за место под солнцем становился великодушней. А Руслан, поднимая ветку, бормочет под нос: «Недооценил... Такая плотная блокировка... В чём дело?..»

Звон не утихал. Хирург командует к отплытию, и мы с Борей быстренько выбираем якоря. Шли вдоль берега. Звон колокола становился отчётливей. Однако понадобилось не меньше получаса, чтобы увидеть конец острова. Если перевести в километры, – на десяток точно растянулся. Нас опекали дельфины. Они подплывали к самому борту. Будто своим дружелюбием хотели вытравить из нашей памяти встречу со свирепой колонией крылатых аборигенов. Один всё время держался впереди, наподобие лодмана. Я пригляделся, и мне показалось, мы идём по некоему фарватеру, слева – берег, справа просвечивается коралловая гряда...

Расплюснутый змеиный хвост острова загибался чуть ли ни петлёй, образуя уютную заводь. В самом начале стояла «Машенька». Первый, кого увидели из её команды, – Ваня Аникин. Он продолжал звонить. При нашем подходе врезал что-то вроде марша или гимна.

На берегу, между двумя деревьями, как проводники в воротах рая, – Аким, Маша и Надя. Аким давился кашлем, видимо, по забывчивости захотел включиться в победное «Ур-р-а-а-а!..» женщин. Мы с Борей, не сговариваясь, троекратно ответили тем же. А вот господин капитан с меланхолией заласканного вниманием артиста поворачивал поднятой ладошкой и скрылся в кубрике. Похоже, как всякий дамский угодник, перед встречей с прекрасным полом вознамерился навести глянец, сбросить щетину. Я-то решил не мешать её свободному развитию. Боря прибыл на «Апполон» вообще с бородой. За время плавания она разрослась и закурчавилась.

Вместо утерянных при нырянии панамки и мичманки мы с Хирургом обмотали головы лоскутами, я – зелёным, он – красным. И сильно смахивали на киношных пиратов. А вот Боря в претерпевших мутацию шляпе и в ещё довольно влажном вельветовом комплекте походил на миссионера, вернувшегося из джунглей с радостным известием о новообращенных дикарях.

Эти два платана на берегу, наверное, потому и вымахали великанами, что произошли в сторонке, на совершенно оголённом ухвостье острова. Здесь вполне можно было разбить футбольное поле. Причём, с трибунами.

Я метнул кольцо каната. Аким подхватил, обмотал вокруг дерева. К другому стволу была пристегнута яхта. Пожатия, объятия, почти родственные, как людей уже не чаявших увидеть друг друга.

– А мы, как услышали пальбу, так сразу и подумали: это вы!.. Иван! – шумнула Маша Аникину, – хватит тебе трезвонить. Приехали уже.

Ваня отбил совсем уж весёленькое и примкнул к нашей компании.

Мы вышли из тени деревьев. Голая поляна ломила глаза отражением золотистого песка, чистого, зёрнышко к зёрнышку, словно просеянного сквозь решето. Такое впечатление, кто-то специально готовил его к пляжному сезону или недавно завёз. Дальше – зелёные мазки кустов, за ними – лесное месиво, оберегаемое эскадрильями ворон... И что же они, эти славные птички, не залетают сюда? Странно...

– Вечером устроим банкет, – пообещала Маша. Мы не возражали, а она сокрушённо вздохнула: – А сейчас... Надо вот починить. Утром собираемся дальше. У вас как, всё в порядке?

Маша и тут исправно несла вахту нештатного старпома. Я успокоил её.

На земле было растянуто парусное полотно. Аким уже колдовал над ним, заделывая длинный поперечный разрыв. Маша и Надя пристроились помогать. Надя выглядела вполне...

Ваня тоже засобирался: «Извините, надо в мотор заглянуть. Напоследок стал чихать». Ещё бы! Прицеплен снаружи, на корме. Как после такой болтанки вообще живой остался?! Но больше беспокоило иное. Не было видно Руслана и женщины в тёмных очках.

– А Ихтиолог?... – спросил как бы между прочим.

– Отправился с Лидой ворон пугать. – Маша показала в сторону леса. В голосе то ли сочувствие, то ли усмешка.

Делать ничего не хотелось, да и особой нужды в этом не было. Спросил для порядка у Акима, не нужна ли моя помощь. Он отмахнулся: мол, иди, парень, гуляй. Я и пошёл, к воде.

Море – в ярких узорах. Море без конца и края, непостижимое, как сама Вселенная. Его могучее дыхание что-то всколыхнуло во мне. Такое мощное, жгучее... Я почувствовал себя новорожденным. Захотелось кричать и смеяться то ли от счастья, то ли от страха перед бездной...

Сбросил кроссовки, шорты. Оставшись в плавках, рухнул в воду. Я чувствовал, что-то должно сейчас случиться. И оно либо поднимет меня, либо я усохну той гусеницей, из которой уже никогда не вылезет пёстрой бабочке. Не взлететь.

Плавал кругами, нырял... Изрядно потешив тело и душу, выбрался на берег и сразу увидел её. И узнал в ней «туристку» в тёмных очках, что почти неделю назад взшла на яхту. Хотя облачение её было теперь совсем иное. И красный купальник с голубыми змейками, и её падающие на плечи волосы, и тонкий овал лица, и вся фигура... На фоне диковато-выморочной природы острова, оскверняемой завоевателями, она казалась жар-птицей, прилетевшей на поиски обронённого пера. Она приближалась со стороны зарослей.

Я ждал её. И росло ощущение, что она может пройти мимо и даже не заметить.

Трудно было определить, сколько ей лет, но её фигуре могла бы позавидовать иная двадцатилетняя... Возраст расцветающей, но ещё не вполне осознавшей это, женщины.

Чем ближе она подходила, тем замедленнее становились её шаги. Она словно наступывала дорогу. Наконец, подошла вплотную. В руках – едва оперившийся птенец с полуприкрытыми, как бы сомлевшими, глазками. Я поздоровался, а она протянула мне воронёнка, однако из рук не выпустила.

– Он настоящий. Без перепонки. Только раненый.

Голос знакомый, ожидаемый. Просто давно не слышал его. Горло что-то перехватило, и я сглотнул горячий ком.

К нам спешил Руслан.

– Лида! Лида!.. – В голосе – нешуточная тревога. – Ты что?! Они же могли заковать тебя...

Это было утром. Сейчас, под вечер, с моря потягивает лёгкий туманец, а небо рябит пёрышками облаков. Мы с Русланом бредём по самой кромке берега. Наши босые ступени с какой-то сонливой заторможенностью омывают тёплые накаты волн. Славно. Если бы ни вопросы. И один из них: кто такая Лида? Опекает её словно ребёнок... Но спрашивать... Думаю, Руслан и сам рассказал бы. Что-то сдерживает.

Ржавый металлический скрежет... Из вороньих глоток. Эти машущие чёрными крыльями птички, словно мечами исчадия преисподней, вываливаются из кустов. Явно преследуют кого-то. Прибавляем шаг. Руслан отгоняет их веткой.

У наших ног – растерзанный воронёнок.

– Вот так эти каннибалы контролируют свою критическую массу. – Голос ровный, как у штатного эксперта. И странный, изучающий меня взгляд... Руслан опускается на колени перед вороньим детёнышем. – Обрати внимание на его лапки. Я уже заметил,

эти маньяки пожирают, в основном, малышей без перепонок. Так что не только занимаются саморегуляцией стаи, но неосознанно или по принципу «Ату, белая ворона!» создают новый антропологический тип или расу. Видимо, по их понятию, чистую. Им уже тесно на этом острове. И, в конце-концов, найдут способ переместить себя на другие, более привольные, пастбища...

Он ещё говорит что-то, но я почти не слышу, смотрю через его плечо. Руслан замолкает.

Она «плывёт», едва касаясь земли. На этот раз без очков, в серо-голубом, под стать туману, прозрачном платье. Волосы локонами опадают на плечи. Красивое, почти неземное создание...

Понимаю, её летучий образ – больше творение моей фантазии. Только поделаться с собой ничего не могу. Но это ведь всегда так! Мы ведь нередко живём тем, что в нашей голове и душе, что сами создаем для радости жизни или из опасения перед нею.

Вот она равняется с нами, задерживает шаг, а мы – дыхание. В руке у неё букет. И даже не букет, а то ли венок, то ли соцветие. Волнистые лепестки складываются в цветы. Их семь. И все они – разной окраски. Обрамляет их зелёный веер опушенных листьев. словно живые изумрудины, они подчёркивают чувственную красоту соцветия. А сами цветы – бриллианты в затейливой оправе. Невозможно оторвать глаз...

Не те ли это цветы, о которых говорил Ваня Аникин и которые рисовала его жена?!..

И тут в голове что-то щёлкает... Откуда на этом полувыморочном острове, населённом птицами-каннибалами, взяты такие цветы?! И где тут водопады да и сами горы? Куда мы вообще попали?..

Оборачиваюсь к Руслану и застаю в его глазах нечто похожее на растерянность.

Небывалое для него состояние. Он обращается к девушке:

– Как они к тебе?.. – Смотрит на меня, прикусывает губу.

28

Костерок угасает. Густеющий туман потихоньку обволакивает наше собрание.

– Вы тут закругляйтесь. У меня всё готово. Можно и без этого фри. Оставьте завтра, – недовольно ворчит Маша. Приобнимает Лиду, и они идут к яхте. Следом – Хирург и Надя. Он негромко убеждает её в чём-то. Руслан с Акимом возьмётся на палубе, проверяют крепления мачты, натягивают, потом спускают заштопанный парус. Я остаюсь на берегу, у костра, в компании Вани Аникина и Бори Смиркина. Час назад они вернулись с рыбалки. Выходили в море на шлюпке. Боря ликовал:

– Я тоже поймал! Много поймал! Правда, Ваня? – Показывает садок с десятком ещё живой трепыхающейся рыбы.

– А то! – солидничает Аникин. – Господам юнгам всегда везёт.

– Это мой вклад в банкет! Сделаю шуку фри. Я таки умею. Я видел, как делают шуку фри. У меня мама большой специалист. Сначала снимаем поверхность. Полностью, как чулок с ноги...

– Борис Захарьевич, но ведь в руках у вас не столько шука, – сомневается Хирург. – Это – больше скумбрия. Так что можете стать основателем нового блюда – типа скумбрии фри.

Слова господина капитана приводят Борю в некоторое замешательство. Настроение поднимает Ваня:

– Для фри у неё, точно, это... шкурка слабоватая. А мы – балычки! Горячего копчения... У-у, закачаешься!

От костра алые головёшки остаются. Ваня укрепляет над ними металлическую решётку, а Боря, успокоенный обещанием, что шука фри будет в следующий раз, укладывает в рядок симпатичные тушки. Аникин покрывает угольки свежей травой, брызгает каким-то настоем, отчего поднимается сладковатый пар-дымок. Полагая, что процесс копчения затянется, решаю искупаться, поплавать, обдумать, что оно и как дальше... Туман, да и стемнело уже. Моё, самое любимое для купания, время.

Оглядываюсь и не вижу берега. Туман смыкается с водой – сплошная сероватая масса. Поворачиваю, как мне кажется, на сто восемьдесят градусов и, как мне кажется, плыву прямо к берегу.

Пора бы уже... Сбавляю ход, уговариваю себя: где-то рядом яхта, вельбот, люди... Стоит позвать... Ну да, позвать!.. Чего доброго ещё на смех поднимут.

Та-ак... Если повернул на сто восемьдесят и – мимо, значит, двигался параллельным курсом, и теперь надо бы сделать пол-оборота. Но куда – вправо, влево? Поворачиваю вправо.

Плыву, плыву, а его всё нет. Ещё чуток... Куда ему деваться?! Влево... Потом лежу на спине, а в голове: сколько выдержу, хватит ли меня до утра? Вода терпимая. Стало быть, я не так далеко от берега. Думаю о людях на берегу, о себе, о воронах-каннибалах, о смысле нашего похода. Всё как-то связано, сплетено, обрывочно.

Пять лет назад ничего этого не было. А что было? Пустота, из которой так и не вылутился. И что будет?.. Главное, не дать разгуляться нервам, убедить себя: проигрыша не должно, не может быть. И всё, что теперь со мной, – так, забава, баловство. Подумаешь, в тумане заплутал! Случалось и похуже – в протоке, глубокой осенью, когда взаправду тонул. Одну милую особу раками вздумал ублажить по её горячему желанию: «Чтобы не раки, а настоящие лапти, с икрой нутряною». А подобные «лапти» – только под зиму... Причалили к островку с провальной протокой, куда и сползались к этому времени раки, да и рыбка хорошая залегала. Ветер – ещё тот... Но рискнул. Только начал «сеять» с борта раколовки, а хорошая такая волна и подкинула, и вышвырнула из лодки... И уж поизгибался, похлебал водички пока выбирался. Благо, ума хватило женщину оставить на берегу... А тут тепло, уютно...

Я спохватываюсь. Совсем рассиропился... Ещё, чего доброго, дремать начну. Переваливаюсь с боку на бок и даже ныряю, но плыть не пытаюсь. «Стою» по горло в воде, на одном месте. Дабы удержать себя, едва шевелю конечностями, словно рыба плавниками. Чего-то жду.

Потихоньку меня оплетает ощущение, что я уже бывал здесь, что эта вода мне знакома. И когда по левую руку взбучивает поверхность нечто с мощным утиным клювом и покатым лбом, я, как бы играючи, говорю: «Ну что, братишка, поплыли?». Сначала поглаживаю тугие бока, потом осторожно кладу ладонь у основания верхнего плавника.

Об умных друзьях человека, о дельфинах-спасателях, столько сказано и показано... Почему бы и со мной не сотвориться чуду?!

Поодаль рассекает воду второй дельфин, то ли подстраховывает, то ли боится напугать. Совсем крупенькая «торпеда». Я уже начинаю сомневаться, точно ли это дельфины... С таким умом...

Выхожу на берег. От того места, где дымил костёр, удаляются тени Бори Смиркина и Вани Аникина. Тают в мутном пятне яхты. Иду мимо платана и почти натыкаюсь на Ихтиолога. Видимо, тоже собирался поплавать. «Как водичка?», – спрашивает. «Да чудо!» – отвечаю с неостывшим восторгом и начинаю рассказывать о своих ощущениях, о спасателях дельфинах... Руслан слушает, не перебивает. Наконец, замолкаю, а он роняет чеканную, в своём духе полузагадочную, фразу: «Вода имеет память».

Мы выходим с ним из-под кроны платана. Он направляется к яхте, а я к своему

вельботу. У меня вдруг мелькает, что «спасательная операция» дельфинов каким-то образом связана с поджидавшим меня Русланом.

В кубрике светит лампочка. Заглядываю в каюту Хирурга – пусто. В нашей с Борей каюте натягиваю трико, майку-безрукавку. Для Машиного «банкета» сойдет. Но по совести, идти туда после недавнего купания, а главное – разбуженного этим купанием чего-то смутного, глубоко затаённого, пытающегося вырваться, оформиться в какие-то воспоминания, не особо тянет. Хочется опять к воде, хочется продолжения...

Но и очень хочется видеть одного человека. И я иду.

Туман. Если к завтраму не сойдёт, будем и дальше куковать на этом острове. А там и назад пора, не солоно хлебавши. Впрочем, солёного-то мы успели хлебнуть.

Останавливаюсь у трапа. Палуба яхты – гораздо выше берега. Прилив.

Свешиваюсь через борт, разглядываю, насколько высоко поднялась вода, продолжаю думать, чем это для нас чревато. И – слышу:

– Ты же была классной операционной сестрой!.. Ну и что соблазнило тебя заняться бухгалтерией?! – Баритонистый голос Хирурга. – Какая невидаль в нём, в этом несчастном?

– А какую ты не мог найти, сколько ни резал, ни долбил, ни вскрывал. Сам говорил: нет такого органа!.. Да и он совсем не несчастный. Наоборот.

– Любишь монстров?

– Человека. Надёжного. Чувствую себя с ним нормальной женщиной. А вот ты... Такого монстра – поискать. Ты хоть одну юбку пропустил? – Усмешливый голос Маши. – За каждой цеплялся, лишь бы плотнее обтягивала.

– Так я просил тебя не носить гофрированные!.. И не забывай: ты где встретила своего бабуина? Получается, я сам и слепил его для тебя. И кто из нас?.. Хорошо, оставим. Мы это уже проходили.

– Чего ты хочешь? Теперь-то чего хочешь?

– Помни о моей доброте.

– О доброте? А ты на каких весах её мерил, свою доброту?

Разговор – где-то у самой кормы, под прикрытием плотного тумана. Я делаю шаг, чтобы спуститься в кубрик, как новый вопрос Маши останавливает:

– Лайму-то зачем отравил? Чем собака тебя не угодила? Отравил бы меня.

– Я и хотел... Но так вышло. У собак тоже бывает горе от ума.

– Не поняла.

– Собаку – случайно.

– Как это?..

– Ты ещё манговые цукаты любишь. Я поутру и принёс к чаю... Не думал, что эта дворняга... Она как раз ошивалась там, возле вашего накрытого стола. Вас не было, а она, видимо, сторожила. А вы там, в будочке, на верхнем этаже скрипели. Ритмично так... В общем, Лайма тоже как бы жертва любви. Прямо сказка про девочку Машу, отравленное яблоко и преданную собачку.

Какое-то время тишина.

– А ошейник... Зачем ошейник снял да ещё и на виду повесил?

– Сам не знаю. Ошейник-то любопытный, с бронзовыми шипами. Ценная вещь. Может, жалко стало... Или на память о любимой собачке хотел оставить тебе... Но это уже потом снял, когда увидел, что промахнулся.

– Да брось! Ошейник, скорей, намёк: мол, следующая очередь моя. Знай кто твой хозяин. Так? На поводке решил держать.

– Ладно, чего уж теперь! У тебя своё чешется, у меня – своё. Забудем. Я не о том хотел... Давай – по старой памяти... Белый туман похож на обман... А я столько без берегов... Ну, сладкая моя!..

– Да ты что! Руки... Руки убери, говорю! Ты и тогда ко мне не как к жене, а как к шлюхе!.. А я тебе не шлюха!

– Ну зачем ты... Какая шлюха! Тут всё просто, по-честному. Меня обокрали, теперь я немного урву. По бедности. Ты уж пожалей. У тебя это всегда так душевно получалось...

Возня, пыхтение и – смачный тяжёлый шлепок по воде, будто мешок с цементом обвалился. И – тишина. Надо бы разведать... Но тут мимо, скорым шагом – Маша, и, похоже, не замечает меня. Я успеваю отойти под прикрытие мачты с опущенным парусом. Когда замолкают шаги, перемещаюсь на корму. Внизу кувырывается нечто, схожее с человеком. Пытается выбраться, а когда не получается, – огибаёт яхту, прикнувшуюся у борта шлюпку, плывёт к вельботу.

«Банкет» явно не задался. И теперь моё пребывание на нём... Не выгонят, конечно. Но и очутиться в драмкружке, где будут изображать гостеприимство... Стоит ли?

Возвращаюсь к себе. Каюта Хирурга плотно запакована. Мы с Борей – в соседях, через «дорожку». Не снимая трико, заваливаюсь в постель. И как мне величать вас теперь, господин капитан? Делать вид, что ничего не видел, ничего не слышал?..

Является Боря. Успеваю отвернуться.

– Вы спите? – виноватый шёпот.

За малым не признаюсь: «Ага, сплю». Боря, как ни осторожничает, карабкаясь на свою койку во втором ярусе, всё же пару раз срывается. А, достигнув, уже через минуту пускает первую фистулу. Славно погулял под скумбрию-фри. Мне же не до сна. Этот Олег Артурович... Не из тех, чтобы за здорово живёшь проглотить пилюлю типа принудительной водной процедуры.

Начинаю уже подрёмывать, как слышу едва различимые шаги. Первое желание – проверить, чьи? Осаживаю себя: да чьи же, кроме Хирурга! Охладиться, подышать на палубе решил. Представляю, что кипит внутри у этого господина...

Ладно, не зря сказано: утро вечера мудренее.

29 Просыпаюсь на полу, от грохота собственного туловища. С верхней койки свисают Борисовы ноги. Пробую затолкать поглубже, но те не слушаются. Да и собственные уползают. И тут доходит: вельбот перекосило!

Поднимаюсь на палубу. Ещё не совсем рассвело, а огрузный туман всё также обкладывает «Апполон». Однако причина его завала угадывается. Начался или продолжается отлив. А яхта как там?! Если тоже на грунте... Её килевая покруче вельботовой. И на яхте, должно, переполох. Но звуков пока не слышно.

Пытаюсь разглядеть. Куда там!.. Даже деревья, к коим приторочены наши посудины, – вроде сгустков тумана.

Трап порядком вывернуло, так что и сам немало поизгибался, покуда достиг берега. То, что увидел, а точнее, не увидел, здорово подкосило.

Вернулся. Господин юнга – на полу. Хорошо, без поломок обошлось. Тоже бормочет о тумане похожем на обман, пытается вскарабкаться на свой «этаж». Проснулась и каюта напротив. Её хозяин для удержания себя в вертикальном положении упирается спиной в панель. Заглядывает в подвешенное зеркальце, скоблит и без того глянцевое скулы и подбородок.

– Вот и господин механик. Говорите, вода ушла? – опережает новость. Но в остатке у меня – новость посерьёзней:

– «Машенька» пропала.

Обнаружить в зеркальном отображении его глаз хоть какую перемену не удаётся. Они смотрят на меня спокойно, почти холодно. Так, видимо, Хирург смотрит на свои распятые жертвы, перед тем как воткнуть скальпель.

– Вы это про Машеньку Аркадьевну?

– Я про яхту «Машенька».

Его пальцы с зажатой бритвой на секунду задерживаются у верхней губы. Рука у

локтя залеплена свежим пластырем. Видать, для сокрытия следа от вчерашнего обрушения с кормы «Машеньки». Да-а, разговорец ещё тот вылепился... Если, конечно, главный герой не накручивал, не переигрывал.

– Однако... – роняет, когда выходим на палубу, а затем балансируем по трапу.

Со стороны берега видимость получше. От дерева, по обнажённому склону и дальше, едва различимой змейкой тянется швартовый канат.

– Понятно. Джентельмены удачи оставили нас издыхать на этом восхитительном острове, – резюмирует с каким-то даже задором, будто иного и не ожидал.

– Смешно, конечно, – киваю.

– С чего это вам смешно?

– А канат... Злодеи обычно не оставляют следов.

– Оставляют. Для особо одарённых.

– У меня другая версия. Специалисты т а м по «мертвым» узлам неплохие. Скорей, «Машеньку» уволокло отливом, когда все спали. Иначе бы... Колокол у них зычный.

– Вас разбудить! Борис Захарьевич до сих пор цветные пузыри выдувает... Минутку, это вы к чему о мёртвых узлах?... А-а, понимаю. На корабле завёлся шахид. Опоил людишек зельем, обрезал канат и – плыви мой чёлн... И – сам заодно.

Чуть не выпало: «Да нет, шахид на берегу остался». Припомнились полуночные шаги.

– Подите-ка вы, господин механик, да врубите сирену для очистки совести.

Для «очистки» чьей совести не уточняет.

К обеду туман расходитя. Прибывает вода. Решаем поскорее убраться с этого «восхитительного» острова.

Хирург деловит, рот на замке. Меня не перестаёт поскрёбывать: даже если «Машеньку» унесло отливом и она попала в течение, – не спят же они там до сих пор?! И прежде: а нас самих туда ли несёт без «Машеньки» и кормчего Руслана?..

Погода балует. Солнышко... Рассеянные по небу белые паруса облаков... Почти безветрие... Небольшая мягкая волна... Плыть – удовольствие.

Боря – при своём нештатном занятии. То сидит на скамейке с ажурной спинкой и подлокотниками, то расхаживает по палубе. Бинобль не выпускает. Вот он, видать, не сомневается: его Остров Цветных Снов никуда от него не денется.

На другой день заглядывает в рубку и эдак важно, в растяжку: «По курсу – земля». Его чёрные глаза мерцают магическим светом.

А вот и она – земля. Изгибы знакомого острова, острова-удава, населённого воронами-мутантами. На сей раз они не думают таиться, а встречают на подходе. Горланя, размахивая адскими крыльями-мечами, пикируют на вельбот, бьются о стёкла рубки, долбят толстыми клювами. Благо, стёкла противоударные, а мы успеваем укрыться. Сквозь просветы вороньей метели угадываем покинутое нами песчаное ухвостье острова. Теперь оно в струпьях всё тех же свирепых каннибалов.

– А не тянет ли кого позагорать на пляжике? – с великодушной полуулыбкой интересуется капитан. – Понятно. Оппоненты Чарльза Дарвина и страстные любители ориентологии на этом корабле отсутствуют. Тогда – полный назад!

Неплохо бы перекинуться насчет этого «полного назад». Но замкнутое лицо господина капитана не располагает к душевному общению. Боря же... Как заведённый, бродит по палубе, бубнит нечто невнятное: «Мистика? Не думаю... Он где-то здесь, где-то рядом... Наказание... Кто из них?»

Провал «экспедиции» налицо. Мы ходим по кругу. Или нас кто-то водит. И, как всякий провал, не объединяет, а сеет недоверие. Уныние, правда, ещё не достало, но уже близко.

К вечеру, не сговариваясь, собираемся в рубке. И Хирург выдает то, о чём я и сам подумывал: «Возвращаемся в родные пенаты».

Смотрю на компас. Стрелка не находит себе места.

30 Потерявшая чутьё стрелка компаса вызывает у Хирурга приступ красноречия:

– За туманом и запахом чудо-ворон мы двигались от восхода к закату. Теперь сделаем кульбит – от заката к восходу. Всего делов. А ночью – по звёздам! Я полагаю, Борис Захарьевич большой дока не только по части психологии-астрологии, но и в астрономии на Нобеля тянет. Не так ли, Борис Захарьевич?.. Кстати, если не секрет, почему Захарьевич, а не Захарович?

– Потому что Захарья... А слушать ваш юмор, Олег Артурович, так даже приятно. – В голосе Бори не совсем проглоченная обида.

– А что неприятно?

– Вы про «Машеньку» забыли.

– Про неё-то? Это уж ник-когда... А ваше сердце вещает что-то?

– Оно-таки вещает. Надо ждать. Искать...

– Откуда?! Где? – Хирург с растяжкой поворачивает свой пиратский череп, обтянутый красным лоскутом, вправо, влево. – Пусто.

Он прав. Между небом и водой не то, что кораблика, – летающей птички не видно.

Выхожу на палубу и не сразу верю своим глазам. Туман, словно мираж, возникает из ничего. И как ни пытается обойти его наш рулевой – бесполезно. Он буквально заглядывает судёнышко. Сыро, зябко.

Хирург останавливает мотор, включает сирену. Её дикий вой да этот спрессованный туман... Малость коробит.

Убеждаю: коли «Машенька» плутает где-то рядом, мы услышим колокол и отзовёмся. А так... Наша сирена может просто перекрыть его. К тому же она здорово сажает аккумуляторы. А подзарядка от мотора... Солярки – канистра осталась.

– Так бы и сказали. – Он водит перед глазами ладонью, шевелит пальцами. Потом складывает их в кулак, резко выбрасывает. Пробить в тумане портал надумал что ли. Видать, и доктору худо.

Мы все – на палубе. Невольно жмёмся друг к другу. Ждём, что будет дальше. Туман напитан чем-то живым. И это живое видит нас, наблюдает за нами... Хочу поделиться подозрениями. Но... Боря с Хирургом тоже озираются. Не то, чтобы затравленно, но всё же... Что-то и они чувствуют.

Толчок, пауза, потом вибрация. От палубы – по всему телу. Снова толчок...

О наш вельбот трётся или тужится поддеть его какая-то глыбистая штуковина. Заглядываю через борт. Первое, что вижу, – осветлённое золотистой краской слово «Машенька».

Яхта лежит на боку, царапает килем наш «Апполон». Конец её мачты со спутанными парусами наполовину уходит под воду.

Хирург издает не совсем внятное: «Да нет, это на самом деле... Мать божия!.. – А уж потом: – У нас где-то лёгкий якорь... Зацепитесь! Туман сойдет – разберёмся».

Этот туман... Прямо наваждение. Впору задуматься о чьём-то тайном промысле, удариться в мистику.

Так же неожиданно налетает ветер, сдувает его, будто пар из булькающего в котле колдовского зелья. Накатывает волна, совсем прижимает «Машеньку» к «Апполону». И она уже не царапает, а долбит его кованым килем. Хирург быстренько обрезает шнур с закинутым якорем.

– Багор... Багром!

Хватаю багор, упираюсь в днище яхты. Хирург тут же запускает двигатель. Но окончательно не покидает «Машеньку», а огибаёт её.

Рваная расщелина по борту. Похоже, задели не особо давно, ибо полностью напитаться водой судно ещё не успело. И только сейчас, когда захлестывают волны, яхта тает на глазах. Остаётся крашеный в охровый цвет петушинный гребень кила.

От шлюпки же вообще никакого следа.

– Это уже кое-что. – Фактом отсутствия шлюпки Хирург вроде даже доволен. Водит подзорной трубой по сердитым складкам моря.

Идём на самой малой скорости. Утешает одно: в шлюпке о н и далеко не могли... Потом – иное: а долго продержатся без воды-еды, если?.. «Если» – это когда мы не заметим их, стороной пройдем, случится шторм... Если они вообще в шлюпке!.. Да мало ли этих «если»?! Если ты сам не знаешь, что будет с тобой через минуту.

Проверяю уровень горючего. На пять-шесть километров...

– Распечатывайте канистру! До главного судового хода дотянем, а если что... – Капитан ведёт глазами к борту, где покоится мачта со свёрнутым парусом.

Это и есть наше «если». Чудо из авоськи. Яхтсмены мы с Борей ещё те...

Ночь. Правимся по звёздам. Стрелка компаса всё скачет, а Боря с Хирургом всё не сойдутся, что надёжнее из проводников – Ковш Большой Медведицы или Полярная Звезда. Оба крепко стоят на своём. Только приходят к единому мнению, – глохнет мотор. Заглядываю в топливный бак. Сухо. Хирург вроде и опечален не слишком. Напротив:

– Господа, а не сотворить ли нам свой банкет?! Уж больно злое вороньё в желудке каркает. Господин механик, настал момент истины: а покажите нам искусство своей смежной профессии!

Да охотно! У самого поджигает. Последнее время не ели, а перекусывали всухомятку.

А вот и солнышко кстати выползает.

Спускаюсь в камбуз. Вдоволь картошки. Готовлю её с приличной добавкой лука и свиной тушёнки. Хлеб сильно зачерствел. Нарезаю тонкими ломтями и – на сковородку. Немного водички, по верху – сливочным маслом. И – под крышкой, под паром... Пробую. Объединение. Из овощей, правда, только солёное да маринованное: салат, грибочки в банках закрученные. Сочинения собственного. А вот и язык вяленький. Задержалась бутылка с пивом. Что-то из продуктов ещё остается. Надолго ли – не задумываюсь. На ум приходит изречение некоего отчаявшегося оптимиста: «Решать проблемы будем по мере их поступления».

Всё, что приношу, истребляем подчистую. Сытыми тюленями валимся где кого сморило. Не знаю как другим, а мне хорошо. На небе – ни тучки. Море затихло. Едва-едва колышется. Воздух – целебный настой. Хоть горстями черпай. Кто из нас не мечтал о таком?! Какого ещё рая или рожна надо! Но тоскливый сквознячок под самым дыхом: «И куда ты едешь-плывешь? Кто тебя ждёт, господин механик-кулинар-сторож? Кто ты ещё?..»

Вопросы не слабые, хоть и не новые. Они приподнимают меня с палубы.

Мимо, «на всех парусах», несётся фрегат Ивана Ивановича. Матово поблёскивают на солнце выглядывающие из бойниц дула орудий. А он несётся. При полном штиле. Следом – рваная дорожка. Первое желание – позвать ребят. Но я не могу оторвать глаз, открыть рта. Мне чудится: на уменьшенной в десятки раз копии фрегата кто-то есть.

Массирую виски, тру глаза... Наверное, что-то с головой. Перегрелся, переволовался... Галлюцинации... Поворачиваю голову, с немалой опаской ощупываю глазами морскую гладь. Фрегат, не сбавляя хода, продолжает удаляться.

В чувство приводит мечтательный голос Бори:

– Любопытно, в этих водах плавают щуки?

Кивком призываю его глянуть за борт. А он о своём:

– Константин, у вас какие снасти для ловли щук в морских условиях?

Вопрос не на шутку задевает господина капитана:

– Та-ак, совсем разлакомился мужчина. Подъем! Барракуды тут плавают. – Видимо, уловил нашу склонность к амнезии. – Ставим парус!

Мы и ставим его.

Не буду растекаться о подробностях, одно скажу: и мы с Борей намаялись, и господин капитан изрядно притомился с нами. Это таких вот мореплавателей, как я и Боря, зовут речными ракушками продубленные штормами волки. А Олег Артурович ни разу не сорвался, не попрекнул. Спокойно, даже в охотку, рассказывал и показывал. Но и крутился больше нашего.

Мачту с парусом мы подняли. Только надувать его некому. Штиль полнейший. Вот бы поднять раньше, когда ветерок задувал! А та, последняя канистрочка, сейчас бы очень кстати...

– Что, господин механик, хорошая мысль приходит апосля? У меня – тоже.

Великодушие Хирурга прямо ключом бьёт. Приглядываюсь. Да нет, лицо вроде натуральное.

31 Открытая каюта... Вижу его на коленях, перед иконкой божьей матери с младенцем. Раньше не придавал особого значения этой иконке, принимал за некий амулет или дань моде. У иных в рубках да каютах – зайчики, мартышки, бегемотики, крабы, черепашки, прочие плюшевые поделки. У других – фото женщины, ребёнка, а то – целой семьи. У Хирурга – образок. Так вот, господин капитан стоит перед ним на коленях и я слышу: «Аве, Мария благодатная! Господь с Тобою. Благословенна Ты между жёнами и благословен плод чрева Твоего, Иисус. Святая Мария, мать Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Помогни заблудшим и направь к свету потерявшихся в ночи...»

Громко, с душевной маятой, не таясь, повторяет: «Аве, Мария благодатная!..» Полагаю, на Стоянке эти же слова распевал на итальянском. Да что там «полагаю»! Руслан откровенно признавал. И связывал с неудачными операциями в больнице.

Подумалось: в этой пустыне нас только трое и мы, как на ладошке. Может, Небо услышит и увидит, жалится, примет его молитву. Ведь она не ради какой-то показухи. Не шут же он гороховый?!..

Дабы не обнаружить себя, – поднимаюсь на палубу мягкими шажками.

Боря сидит в раскладном кресле, у края кормы. Подмышкой конец румпеля (рычаг управления судна под парусом). Слегка раскачивается и с такой мольбой взирает на поникший парус, словно пытается оживить. Я устраиваюсь обок, на рундуке.

Говорить о Хирурге и его молитве расхотелось, и я закидываю «удочку». Эта самая «удочка» давно наготове, да всё не складывалось закинуть:

– Борис Захарьевич, как банкет прошёл... тогда, на яхте?

– Да так себе, – тянет Боря не слишком охотно. – Олег Артурович рано покинул. Маша почему-то не в духе была. Аким Родионович грустил. Но... – Загорается: – Скумбрия удалась! А вы отчего не пришли?

Я коротенько излагаю о своём блукании в тумане, о сердобольных дельфинах. (О приватной беседе Машеньки и Хирурга, о его вынужденном купании умалчиваю, конечно). Боря слушает внимательно, но по глазам вижу – верит не очень. Потом:

– Кстати, Лида спрашивала про вас.

– Про меня? – Хотя я и надеялся услышать это имя, ради него и затеял разговор о банкете, и всё же сказанное Борей несколько огорошило, застало врасплох: – Но ведь она...

– Понимаю. Вам казалось, Лида незрячая. А поэтому человек, особенно незнакомый, для неё – отвлечённый звук? – В уголках Бориных губ – что-то вроде лукавой усмешки. – Первое впечатление – именно такое. Но... Глаза у неё в порядке. Лида не помнит, кто она... Руслан повстречал её в порту. Она бродила там, не знала как, откуда, куда и зачем... Простите, у вас ведь тоже не совсем хорошо с памятью? Забыли...

Я останавливаю его:

– И что, вы, Борис Захарьевич, вот так, запросто, можете вспомнить? – Борины слова обо мне вызывают почему-то неприятие. – Вы и женщине той помогли вспомнить её имя?

– Да нет, это Руслан... Надо ведь как-то обращаться к человеку. А вообще... Ведь и вы, и Лида во многих отношениях – люди нормальные. Проблема – в подсознании. Есть процессы, которые мы, психоаналитики, возможно, не совсем точно, именуем космическим парадоксом...

Боря отрывает глаза от мёртвого паруса, минуту-другую изучает палубу под ногами, будто пытается проникнуть в чрево вельбота, где и кроется тот самый космический парадокс.

– Вам не интересно?

Это верно. После надрывной молитвы Хирурга удивить меня на этом «Апполоне» чем-то ещё вряд ли получится. К тому же чувствую: сейчас он перейдет ко Вселенной, начнёт убеждать, что человек уже сам по себе – Вселенная. (На нечто подобное и Руслан намекал, на Стоянке). Так оно почти и выходит:

– Вы чем-то в жизни сильно разочарованы. Или озабочены. Скажем, у вас вечные нелады с супругой. И вы окончательно приходите к выводу: понимания, жизни душа в душу, о чём мечтали, не получится, сколько бы ни старались. Как человек здравомыслящий, сознаёте: никто из вас не виноват. Вы – просто разные. И не только биологически разные. А то, что связывало и сдерживало, давно исчерпало себя... – Боря вдруг замолкает, смотрит на меня. – Вы чему улыбаетесь?

– О, кто-нибудь приди, нарушь чужих людей соединённость и разобщённость близких душ... И кто он, этот большой и сильный?

– А вы *это* откуда знаете?

– Что знаю?

– Да вот эти строки... Стихи...

Я пожимаю плечами. Действительно, откуда я их знаю?.. Выплыли сами, к случаю. Не дождавшись ответа, Боря тянет своё, но и как бы отвечает на мой вопрос-стихи:

– Нарушить есть кому. Это ваше мучительное состояние, вечное напряжение мысли и души, уверенность, что имеете право на счастье, могли бы дать его другому, – материализуется в пространстве. Человек – живая клетка Вселенной, её подобие, встроена в её духовное поле. И вот где-то живёт другой человек, другая женщина. Живёт пониманием и ожиданием большого и прочного счастья – одного на двоих. И энергия её и вашей озабоченности в конце-концов пересекаются. И начинается...

Под конец Боря говорит с таким убеждением, будто переживает собственную историю. Я не выдерживаю:

– Борис Захарьевич, я знаю, что начинается. Начинается процесс по известному сценарию: «Не сошлись характерами!». С очень забавными деталями: это моя чашка, ложка, кошка... Ну, а как насчёт безпамятства? – возвращаю к тому, ради чего он и затеял свой «психоанализ».

– Ну, если снова переводить на бытовой язык... Думаю, тут влияние вашей ничемно прожитой жизни. – Не слишком лестные для меня слова Боря сдобривает нотками сочувствия. – Память, мозг человека включают свои защитные функции. Происходит стирание негатива. Образуется как бы провал. Этот провал – отрезок

вашей жизни с нелюбимым или чуждым по духу существом, не способным или не желающим в силу своего характера, ограниченного ума или других обстоятельств, о чём я уже говорил, понимать и принимать вас таким, какой вы есть. В результате ваша истинная суть...

Не знаю, как дальше пошло бы дело, но является Хирург. А изрекать умное под гипнозом такого же умного и грамотного не всегда безопасно.

32 Лицо господина капитана благостное, умиротворённое. В руках – армейская фляжка в зелёном матерчатом футляре, пластмассовые стаканчики, шкарная, явно подарочная, упаковка с шоколадными конфетами. Боря приподнимается, уступая кресло, но он удерживает его, садится на рундук, рядом со мной.

– Вот – натураль. – Разливает по стаканчикам, открывает коробок с шоколадками. Мы с Борей скромно извлекаем по одной. – Машенька Аркадьевна – Аким Родионович – Ваня – Надежда Васильевна – Руслан-Ихтиолог – Лида... – перечисляет знакомым молитвенным речитативом имена команды и пассажиров яхты. – Мы не нашли их ни живыми, ни мёртвыми. Значит, остаётся надежда. Давайте – за благополучный исход!..

Я-то полагал, «натураль» – мягкое «виски» по-аникински, только без духовито-целебной добавки. А оно – чистый спирт. Первый же глоток продирает горло раскалённым рашпилем. У Бори – глаза на лоб, шляпа – дыбом...

– Виноват. Не учёл, что всё натуральное для вас экстремальное. Простите.

Наши корчи потихоньку проходят, и Хирург кивает на мачту с обвислым парусом.

– Как считаете, Борис Захарьевич, за какое преступление это наказание?

Вопрос в теме человека и Вселенского разума. Как раз во вкусе Бориса Захаревича. Но он другого мнения:

– Задача больше для Порфирия Петровича. – Прочищает горло кашлем.

– Это для какого же Порфирия Петровича? Который следователем в «Преступлении и наказании»?

Вот так. С классикой у Хирурга всё в порядке.

– Для которого.

– Насколько я помню, он – по раскрытию убийства. А у нас... Это вы к чему?

– Это я – к слову. – Блеск Бориных глаз прячется куда-то в глубину.

Я вдруг понимаю: разговор – у самого края. Неужто и у Бори подозрение насчёт отстёгнутой Хирургом «сонной» яхты. А может, и ещё о чём...

А тот пытается заглянуть в его глаза. Но всё внимание Бори – на шоколадной конфетке. Он смакует её, проглатывает, как бы машинально берёт новую.

– Этого Порфирия сыграл в кино, кажется, Смоктуновский, Иннокентий. Мне понравилось.

– Не возражаю, хорошо сыграл, – соглашается Боря, облизывая ошоколаденные пальцы, и косится на фляжку. (Всё-таки «разрядка» подоспела кстати). – Но он сыграл не следователя Порфирия. Он самого себя сыграл.

– Вот как!.. Почему так думаете?

– Ему потности не достаёт.

– Чего, чего ему не достаёт?

– У Фёдора Михайловича Порфирий врёт, провоцирует, изворачивается, мечется, нарочито тужится и тем самым вызывает ощущение потности. Вот Александр Колягин сыграл бы такого Порфирия натураль, как вы оригинально выражаетесь.

И снова – возле самого нерва. В извилах реки по имени человек Боря Смиркин и впрямь искусный пловец.

– А я считал, потность – больше от страха.

Вижу остывшие глаза Хирурга.

– Может, и так. Это случается, когда следователь высочайшего класса, и в своём профессиональном желании обличить – искренне соперничает с преступником. Но тут не только переживание за его судьбу, а почти обожание...

– А обожание за что?

– Думаю, причина в том, что злодейство совершил не он сам, а другой. Но главное, мнение о зловредной старухе-процентщице, оценка её нравственной сути у них одинаковые.

– Ну, Борис Захарьевич, по-моему это перебор.

– Ой ли! Тут не только белый, но и чёрный джин. Дремлет себе до поры. Или у вас не так?

Боря натягивает струну покрепче. Надеется, Хирург сам раскроет себя? Олег Артурович плескает в стаканчики: «За здоровье полагается дважды!». Снова протягивает коробок с шоколадками. Сам не закусывает. И весь какой-то вежливый, внимательный.

Вторую порцию мы принимаем по рецепту доктора: выдохнули и не вдыхаем, покуда не провалилось. Тоже тяжко, но лучше. Закусывать высокоградусное шоколадом – такого тоже не доводилось. В общем, нормально.

– А вы, Борис Захарьевич, что же, намерены отыскать новую обетованную?..

Перевод стрелки неожиданный. Боря вытягивает шею, прислушивается к голосу. Голос вроде душевный, сочувствующий.

– Да, – соглашается.

– Вы что же были там, на своей, древней?.. Вас там что-то не устраивает?

– Я там жил. Что-то – да. Там нет мира. Там жизнь на конце копья. Так не может вечно... Это чреватое...

Хочется и мне вклиниться в разговор, уточнить: на каком конце, с какого края копья? Но решаю промолчать, полагая, что вообще-то разговор этот Боре не из приятных.

Голос печальный, а вот глаза... Глядя в них, почти не сомневаюсь: а что, и найдёт, и откроет, не за то, так за другое получит нобелевское. Вера... Это как раз из неё является чудо.

А Хирург:

– Эх, Борис Захарьевич, а кому сейчас не тошно?! Так что тут мы с вами в одной лодке.

– А вам отчего?

– Меня, Борис Захарьевич, женщины не любят. Хотя... Посмотрите на мою анатомию. Разве я похож на Паниковского? Эксклюзивный экземпляр, не правда ли? Как можно не любить?! Я бы и сам такое полюбил... Обидно. – В голосе его немало от паяца, но пробивается и нечто похожее на тоску. – Не-ет, всякие там – это да... А вот... Я, Борис Захарьевич, операции делаю, какие в нашем городе-миллионере только один может. Одна... Могла... Алла Николаевна Помухина. Моя... Э-э-эх!.. – Из горла вырывается что-то вроде стона. – Царство ей небесное. Давайте помянем...

Кто такая Алла Николаевна Помухина, и у меня, и у Бори хватает ума не уточнять. С таким неподдельным уважением и чувством обычно говорят о любимом учителе, которому обязан по гроб жизни или о родном человеке, перед которым сильно виноват.

Помянули.

Хирург сидел с закрытыми глазами. Вдохнул. Выдохнул. Мы – опять же по его рецепту.

– А меня... А я – за компанию с Константином Безбатьковичем Амнезиевым...

– Он вытягивает нижнюю губу в мою сторону, довольно брезгливо вытягивает,

– болтаюсь как то самое в проруби. Мы с ним болтаемся... И толком даже не знаем, чего и кого ищем.

Достаёт из-за пояса инкрустированную червлёным золотом подзорную трубу и направляет в небо. Я поднимаю глаза.

В вылинявшей от солнца лазури дрожит чёрная точка.

33 От винта вертолёт на палубе изрядно штормит. Мы разглядываем упавшее к ногам металлическое седло. И начинается: «Пожалуйста вы, Борис Захаревич!..». – «Нет, вы, господин... это... Жильцов!.. Я – после вас».

Грешным делом, закрадывается: Боря просто трусит, потому уступает. Того же мнения, скорей, и Боря обо мне. В общем, оказывается проворней. Я хватаюсь за мачтовый крепёж, чтобы не сдуло, задираю голову, а он оттуда, сверху, помахивает шляпой. Уж так по нраву ему экзотический аллюр.

Хирург пребывает на рундуке. И провожает нас без своей фирменной улыбочки. Хотя сейчас она вроде бы и кстати.

«Седло» опускается снова. Изучаю Хирурга, он – меня. Тянет паузу. Ну да, капитан покидает корабль последним.

Отрываюсь от вельбота и слышу вослед почти точную копию давешних Бориных слов: «А про Машеньку забыли...» Это даже не вопрос, а некий душевный выплеск, приправленный немалой горчинкой. «Ну, артист!» – стрельнуло тогда привычное. Но позже: он-то – про Машеньку Аркадьевну, а не про яхту «Машенька». Её-то мы...

Молодцеватый парень в камуфляже помогает забраться в салон. Затем включает лебёдку на очередной спуск «седла». А я делаю шаг и попадаю в объятия Акима Родионовича. Радость в живом глазу неподдельная. На цыпочках привстает Маша, чмокает в щёку. «Ну, слава Богу! А мы...» Она стирает пальчиком сердечко от губной помады на моей щеке. Так втроём и опадаем на скамейку вдоль борта.

На второй, прямо перед глазами, рядом с Борей, – незнакомая женщина. Привстает, обозначая свою радость ещё и улыбкой. Правда, какой-то неуверенной, одними губами. Зелёные глаза в этот момент занимаются освоением моей фактуры.

Со стороны открытой двери – чертыханье.

– Коля, в чём дело?! – Грозный оклик пилота.

– Да в чём!.. Этот кашалот вместо себя швабру подкинул.

– Какую швабру?

– А я знаю! Лохматую. – Парень трясёт шваброй. – Какой палубу дрят.

– Аким Родионович, это что за фокусы?

Заикаясь чуток, отвечает Маша:

– Это з-значит, он остаётся. Он же сам – и х-хозяин вельбота и к-капитан.

– Коля, засвети этого ккапитана вместе с его корытом на камеру. Для отчёта. А швабру верни. Пускай подотрётся. Тоже мне Миклуха-Маклай... И поживей!

Минуту спустя вертолёт делает рывок. Мы набираем высоту. Припадаю к иллюминатору. Капитан сидит теперь на палубной лавочке. Перед ним – растрёпанная швабра. Его фигура с каждой секундой мельчает. Вот она едва угадывается. Ещё на виду «Апполон» с обвислым парусом. Но скоро и он растворяется в призрачно-голубой пустыне.

На моей руке – Машина горячая ладошка.

– Ну, а вы?..

Рассказывать обо всём наборе наших злоключений – не то место и время. Да и двойное чувство от оставленного Хирурга не располагает. Он, конечно, «кашалот»...

Но вместе мы пережили не одно лихо. Интересно, как повёл бы он себя, знай, что Маша здесь, в вертолёте? Отделяюсь коротким: «Да всё нормально. Горючее закончилось. А потом – полный штиль, туман...». Это, видимо, устраивает женщину и она, сбиваясь, торопится рассказать о своём:

– Ваня всё время трезвонил. Нас не могли слышать разве что самые глухие. Но корабль... Там почему-то молчали. Может, на нём никого и не было. Ни одного огонька. Вроде это и не корабль, а плавучая гора или айсберг какой. Ваня и Надя на корме... Разглядели его в тумане первыми. Ваня что есть мочи кричать Акиму: мол, давай лево руля! Мы тогда на моторе шли. Да куда там!.. Чуть вообще не задавило. В общем, шлюпку хоть и помяло, но ничего, не протекала. Мы гребли... Слава богу, нас увидели, подобрали...

– А Руслан и Лида? – Горло моё обкладывает сухим.

Маша опускает голову.

– Их с нами не было.

– Как это?!..

– Когда проснулись и поняли, что яхту унесло от острова, то – скорей на палубу... Ну, я, Аким, Ваня с Надей... А их нету. Пробовали вернуться на остров – ничего не вышло. От берега такие волны накатывают!.. И остров уже вроде совсем не тот... А мы вот... Мы уже второй раз вертолётом... Первый раз – вообще всё в тумане... Господи, спаси их и помилуй!

Она осеняет себя крестом. Признаться, не ожидал.

– А фрегат?

– Какой фрегат?

– Да Ивана Ивановича... В смысле – кораблик его. Не видели? Я имею в виду – не спасли?

Она вздыхает:

– Какой там фрегат! Не до игрушек было...

Я хотел поделиться своим фантастическим видением, но удержался, боясь насмешки.

Говорить, вроде, уже и не о чём. Чувствую не просто усталость, а какую-то опустошённость. От нечего делать разглядываю незнакомку. Ну, Маша и Аким понятно, зачем на этом «судне». А она? Неизвестная мне очередная подруга Хирурга пристроилась? Но могла бы показать себя. Скажем, – выглянуть... Или попросить пилота объявить через усилитель. А, может, врач? Однако прикид...

Не чета «джинсовой» Машеньке. Одета так, – вроде для свадьбы или воскресного выхода по бульвару, а не в спасательную экспедицию. Модные туфли с серебряными застёжками, светло-синее приталенное платье в белый горошек с откладным и опять же белым кружевным воротничком. Тронутые лаком волосы блондинки умело обтекают щёки и как бы заключают в овальную рамку лицо. Лет... двадцать восемь-тридцать...

Мы летим уже около часа. В иллюминаторе – всё та же водная пустыня. Но вот появляются большие, затем и малые суда. К пенистым бурунам за кормой пикируют чайки. Это уже – наше.

Когда отрываюсь от иллюминатора, то застаю на себе то ли растерянный, то ли изучающий взгляд женщины. Она хочет что-то спросить или сообщить, но не решается. В такие моменты на неё поглядывает Маша. И в её поглядывании одно и то же: «Ну, что же ты?!» Так иной тренер смотрит на свою незадачливую воспитанницу: «Ну, что же ты?!.. Прыгай! Ты сможешь! Ты возьмёшь эту высоту!» В ответ незнакомка опускает или отводит в сторону глаза.

Уже на подлёте к городу, где на пустыре, огороженном колючей проволокой, вразброс «сидят» стайки винтокрылых птиц, женщина трогает пальчиками моё колено:

– Серёжа, ты что же, не узнаёшь меня?

Смотрю на неё туповато. А она – с трагическим придыханием:

– Я жена твоя, Оля.

34 ... – Ты – понастырней со своим обаянием!.. А я тебе помогу... Он всё больше по ночам купается. Одна рыбка и приласкала... А я после обрабатывала... И приглядела вблизи той ранки родинку. Такая родинка!.. Типа – спелый банан... Ну, а ты это... жена. Так, мол, и так ему: дорогой, если не веришь, что я твоя, родная... В общем, намеки как-нибудь потоньше про тот банан.

Оля смеётся:

– Ну, ты даёшь, Маша!

– Чего я там даю?! Тебе сколько годков накапало? Три на десять?.. Ну да, мы же ровесницы. Так что... Сколько можно убиваться по своему?! А этот... Руки откуда надо растут. И головой не бедный, хоть и с прорехой. Не бабник какой. Правда, плавала тут одна, вся из себя... Катер с наворотами. На «Бугор» Костика тянула, в хоромы свои. Так он ей знаешь что: «Мне жалко со своей будкой расставаться. И я Лайму сильно люблю». Ничего, отскребёшь, пригладишь, приласкаешь – замурлыкает. Всё вспомнит.

– А вдруг явится натуральная, законная? И аргументы у неё покруче этой... как ты говоришь, родинки. Скажем, фотография, где он сам, супруга, два сына и пятеро дочерей. Свидетельство о браке. Да мало ли чего, когда и впрямь законная!..

– Это – вряд ли. За пять лет не объявилась, а тут косяком повалят. Да, может, он ещё и не успел. Мужик молодой... Ты всё же не затягивай. Отпуск-то скоро тютю.

Я стою за углом кунга. Переминаюсь с ноги на ногу, поёживаюсь. Сказать: «Здрас-те! Я тут нечаянно всё слышал. Так, может, не будем больше комедию ломать?» Да-а, комедия-то – комедия, только... Решаю сделать задний ход. Я сюда – за Хозяином. Но, похоже, его тут нет.

Акима Родионовича разыскивает налоговый инспектор.

А неделей раньше...

От Стоянки, вдоль Лагуны, в глубину Зелёной Косы, тянется хорошо убитая широкая тропа. Сомкнутые кроны деревьев... Рассеянный свет... Ощущение, будто ступаем по цветной мозаике. Птички чирикают... Бабочки с радужными крылышками порхают... Где-то музыка... После скоротечного «слепого» дождичка воздух хмельной... Какой-то остроум назвал этот зелёный тоннель с приманчивыми заходами-проходами Щучьим ериком. Название прижилось, и каждый любитель душевных прогулок переименовывал его по-своему.

Оля покусывает губы. Переживает. Оно и понятно, ждёт вопросов. Я-то давно держу их в голове. Вопросов куча, да всё не подберу к ним нужное сопровождение. Как можно мягче, с долей вины (мне так кажется) спрашиваю:

– И где же наш дом?

Сам чувствую, невпопад спрашиваю, то ли со середины, то ли с конца. Женщина называет посёлок на другом краю земли. В нём мы, якобы, и проживали.

– И как вы меня на..?

Оля подхватывает с полуслова:

– Мы с Машей переписываемся. Познакомились ещё в школьные годы. На каникулах в одном детском лагере отдыхали. Подружились. С той поры обмениваемся письмами, новостями. – На минуту замолкает. Потом: – Ах да, как я узнала?! Сообщила Маше о пропавшем муже. А она рассказала про вас, прислала вашу фотку. Ну, вот я и...

Фотку? Наверное, Машенька приберегла её от телешоу «Отзовитесь, кто знает» пятилетней давности.

– И кем же я был по жизни?

– Егерем.

– Да что вы!.. А до этого служил в спецназе. – Вспоминаю свои навыки в стрельбе и ловких подсечках. – Был контужен и телепортирован сюда на лечение?

– Что?! Вы... Ты... Да. В спецназе. В горячих точках. А по поводу контузии шутите? Или тоже правда?

Это становится забавным.

– И какой из меня егерь был?

– Правильный. Браконьеры побаивались. И ещё у... – вечные стычки с чёрными лесорубами...

Оля теряет, не решит, что поставить к этому «у» – «вас» или «тебя» Я тоже не тороплюсь с предложением. Должно ведь что-то кольнуть, протянуться между нами. А оно не выклёвывается, не протягивается.

– Последнее время эти безпредельщики совсем распоясались. Почти не таясь, валят деревья, не щадят молодняк и самые ценные породы. А чины наверху глаза отводят.

– Та-ак, а я в ногах путался у этих достойных людей. Не в своё дело встревал. Решили избавиться. Только вот как подбросили сюда, в такую даль, да ещё и мозги выворотили?

– Этого не знаю. Две недели поисковая группа работала. Следствие долго велось.

– А вы что же, – следователем?

– Нет. Я – учительница. – Голос Оли становится уверенней.

– И как... наша фамилия?

– Хлебниковы.

– А отчество? Моё.

– Афанасьевич

– И я похож на вашего мужа?

Оля говорит то, чего, признаться, не особо и ожидал:

– На фото – да. А так... Разные. Хотя... – С улыбкой обозревает мою фактуру.

У-удар. Я всё-таки надеялся, Оленька вот-вот на шею бросится. Полумрак аллеи, птички, запахи леса и трав ароматные... Да и не шутки ради оставила позади десять тысяч вёрст. Но, выходит, она такая же принципиальная, как и её пропавший муж егерь. А скорей, просчитала: нечего мне ей дать, а главное – неоткуда взять. Подобное женщина просчитывает не только умом.

А дальше – совсем уж полный аут:

– Вы не возражаете, если перед Машей мы будем делать вид, что у нас всё хорошо. Идёт, так сказать, узнавание и привыкание. Это – нормально, естественно. Столько не виделись... Я почему это прошу... Она очень хочет, чтобы у нас всё сложилось. Искренне желает *того самого* женского счастья. И потом мне здесь, у вас, нравится. А отпуска не так много. И последние годы я из посёлка никуда не отлучалась.

Что мне-то остаётся?!

– Не возражаю. Но, чтобы не оплошать перед Машиными очами, будем на «ты» и без оной, уже с этого момента. Тренировка не помешает. Не правда ли?

– Правда ли.

Вместо ожидаемой отповеди на мою иронию – снова улыбка. Довольно милая. А уж глаза!.. Бывают же такие! Тайга с её малахитовыми озёрами наградили что ли?

Остался один вопрос:

– А почему – Серёжа?

– Случайно выпало. Я ведь там, в вертолёте, не совсем была уверена, что вы не... – Она запнулась. – Смотрела на вас, а думала о сыне, искала сходство. Его звали Серёжей. И он сильно был похож на отца.

– Был?

– Да. – Вижу, как меняется она в лице. – Убегал в тайгу. Часто один. Всё искал папу... Серёжу нашли мёртвым. Ему было семь лет. Он провалился в ловчую яму. Браконьеры...

Аллея заканчивается прижатой к самой Лагуне обширной поляной. Окантованная кустами можжевельника и пирамидальными тополями – она и чудо природы и воистину «очаг» праздника жизни. Дымят мангалы, ноздри щекочет приторный запах поджаренного мяса, поблескивают лаком «мерсы», «вольво», «рено», «пежо» и пр. У одного, с распахнутыми, точно ворона на взлёте, крыльями, стоит, опершись на капот, нога за ногу, юноша. В руке бутылочка пива с дивными нашлёпками. Из салона «ключом по голове» – «бум-бумы». Он провожает меня взглядом агатовых глаз, взглядом покровителя. Юноша моментально просчитывает какого я поля ягода. У него всё есть: подаренная папой «классная тачка», шашлыки-машлыки, над которыми колдует в белом колпаке пожилой слуга, «клёвая» девица внутри «тачки» (вскинула длинные загорелые ноги на переднее сиденье и тоже посасывает что-то из пёстрого пузырька). Не хватает аплодисментов.

Дай бог тебе, юноша, получить их за добрые дела.

Я приветствую его взмахом руки, и мы с Олей поворачиваем назад.

Обратно шли молча. И зелёный тоннель с его солнечной мозаикой, таинственной полутенью, избытком озона, несуетной, убаюкивающей перекличкой птиц, как-то поблек, погрузнел.

Снова посыпались редкие, но крупные капли дождя.

У дерева, что росло перед окном моей будки, она сказала:

– А мужа звали Константином.

Мне ничего не оставалось, как скорчить хорошую мину:

– Бывает...

35 Оля оглядывает моё жильё, жильё человека Без Определённого Места Жительства, но на окладе. Для душевного пользования, кроме небольшого запаса книг, – собственного производства топчан.

– Ну, чтобы Машу не огорчать, сойдет... – Она подходит к тумбочке, открывает «Книгу света». Я же хочу понять, чего больше в недоговоренной фразе – откровенной насмешки или готовности к подвигу.

Прошу насчёт Маши не переживать. А её, нашу гостью, никто не беспокоит. Как раз занедужил сменщик, а замены ему, кроме меня, – никакой. Так что будка в её полном владении – хоть днём, хоть ночью.

Уже на следующий день во дворик заглянула Полинка да так и осела. Оля готовила на элетроплитке блинчики или пирожки с фруктово-ягодными начинками, а дитя Стоянки с удовольствием уплетало. Потом они гуляли по Зелёной Косе, уже в компании с Надёй и её сыном Иваном Ивановичем. Надя заметно окрепла. Похоже, путешествие на яхте, морской воздух, опасности пробудили к жизни скрытые силы. А по-детски трогательная, беззащитная улыбка стала как бы смелее. Но, может, дело не только в морском воздухе. Однако спросить, не передавала ли ей Лида диковинные цветы не рещался. А вдруг и они что-то вроде видения, наподобие фрегата младшего Аникина...

Прогулки стали каждодневными. В них участвовал и отец Полины, Рудольф. Дети и женщины возвращались с пучками трав, букетами цветов, с венками на головах, а «мастер чистоты» с ведёрком грибов, ягод или фруктов. Не раз слышал, как советовался с Олей насчёт способов их приготовления. Оказывается, у неё там, на краю земли, этого добра видимо-невидимо. А Рудольф... Зачирикал, зачирикал наш Рудик. Было что и Оли порассказать.

В моём дворике становится тесновато, зато весело. Что-то вроде затянувшейся свадьбы. Только «жениху» на этом празднике место выпадало по преимуществу гостевое. Всё больше со стороны наблюдал. Но к столу приглашали.

Заглядывает в створжку Рудикова дочурка:

– Пойдёмте обедать, дядя Костя. У нас сегодня пицца с грибами.
 У вас? Не хило. Я уже вроде как с боку-припёку. Идём.
 – А кто же пиццу готовил?
 – Так папа и тётя Оля. Папа грибы отмачивал, тушил и обжаривал, приправу всякую делал, а тётя Оля тесто месила и пиццу запекала потом.
 – И что у вас там еще интересного?
 – А истории всякие. Папа рассказал, как он директором школы работал и математику преподавал, а тётя Оля говорит, она тоже учительница. И в ихней школе большие трудности. Математика не хватает. И физика тоже. Подменяют всякие непрофессионалы. От этого знания учеников страдают. А папа сказал: «Это плохо. Надо подумать». А что тут думать! Папа у меня, знаете, какой математик!.. И физику может... Ещё там грибов всяких валом! Не то, что у нас. Ищешь, ищешь, а они, другой раз, ядовитые. Так и гляди в оба. Правду я говорю?.. И там тоже речка. Да такая!.. Другого берега не видать. И океан... Почти рядом. Медведи, тигры не в клетках, а настоящие... Может, мы с вами и тётей Олей поедем, – решает умная девочка.

Именно в этот самый вечер я случайно подслушал и разговор Маши с Олей насчёт моих интимных достопримечательностей, как с их помощью окончательно произвести меня в мужья. Из разговора также выходило, Оленька хоть дневала и ночевала в моём «особняке», но от подруги не таила наших, «чисто приятельских», отношений.

Они сидят на «аникинской» скамейке под вязом. Полинка – посредине. Лисичкой ластится то к одному, то к другому плечу. Троица любит Лагуной, окропленной последними бликами оседающего в морскую пучину Солнца. «Ну, вот и славно!» – говорю себе. Отворачиваю с привычной стёжки и, крадучись, пробираюсь между дряхлеющими на «козлах» катерами. Мне пора зажигать фонари.

А под ложечкой такая пустота – хоть волком вой...

Огромная, как багровый купол, Луна выплывает из-за темнеющих шапок деревьев. Я не вдруг соображаю, что это Луна. Если бы ни багровый цвет, то принял бы её за верхушку церковного купола. Величественная картина подвигает к глубокомыслию: что мы такое со своими большими и малыми страстями, со своими вопросами и переживаниями, со своими планами и своей скоротечной жизнью перед этими вечными творениями – Луной, Солнцем, Небом?!.. Но моё «оригинальное» открытие, увы, не приводит к смирению. И виной тому – тёмное оконце родной будки.

Сегодня утром Оля обрадовала: она больше не будет стеснять меня своим присутствием. И просила извинить «за доставленные неудобства». И ещё: «Там, на стене, картина висит. Надя подарила. Нам. Но, если не возражаете, я заберу её потом с собой. Как память...»

Всё, комедь окончена. Вот только полынный привкус остался.

36   Сзади кто-то трогает моё плечо. В зыбком свете Луны проявляется Боря Смиркин. Это – новое. Не помню, чтобы когда-либо он задерживался на Стоянке с ночёвкой. Вижу его простоволосого, без культовой шляпы, то ли потерянному, то ли растрёпанному. Да-а, эти Нобелевские премии достаются не так-то просто.

– Не спится? – Выдох сочувствия.

Надо бы ответить: мол, не до сна сегодня. Дежурство. Но вместо этого соглашаюсь:

– Да, не спится.

Боря протягивает конверт.

– Это – что?

– И уснёте, и явление будет

Ну вот, ещё этой забавы не доставало.

– Вы знаете и про то, какой мне сон нужен?

– Да, я знаю. – Он косится на слепое окно моего бунгало.

– Конверт, конечно, не распечатывать.

– Никакой тайны! – загорается Боря. – Всё просто. Во время сна подсознание разблокируется, и человек способен подключиться к информационному полю Вселенной. Но для его способности не помешает магнетический толчок, конкретное направление. В этом – моё участие. Иначе получится каша. К вам просьба: сообщить потом – был ли сон цветным.

Я обещаю и зову на чай. А он:

– Спасибо, нет. В эту ночь Луна пойдет на убыль. Хочу увидеть, как это происходит. – Вместо бинокля на шее у него теперь телескопическая труба. – А к вам ещё одна просьба: не забудьте положить конверт под подушку.

Ну, это уже!.. Пытаюсь вернуть конверт, а Боря:

– Простите, с вас за это... Не надо! Ничего не надо.

Что тут поделаешь, господа.

Боря уходит как-то бочком, не прощаясь, а я заглядываю в будку. Убрано, чистенько. Как в реанимации. На стене, в аккуратной рамке, – картина. Цветы с бахромчатыми лепестками. Поражает богатая гамма оттенков. Семь цветков: синий, пурпурный, бледно-салатный, розовый, сиреневый, малиновый, в центре – снежно-белый. И все – в затейливой оправе листьев-изумрудин. Невозможно оторвать глаз.

Присаживаюсь на топчан с накрахмаленной простыней и взбитой подушкой. Цветы на картине – точная копия цветов с вороньего острова. С острова-удава. Цветы, что видел в руках Лиды. Значит, теперь они всё-таки у Нади. Ибо выписать каждый листочек так совершенно и с такой любовью по наитию?.. Вряд ли...

Вспомнилось как бы случайно обронённое Русланом, когда возвращались по морскому берегу после встречи с Лидой: «Целебен не столько отвар и настой высушенных цветов, а сам запах живых. Созерцание их естественной красоты...». И ещё – странные слова Вани Аникина, вернее, Пелагеи-травницы о чистоте и безгрешности человеческой души как пропуска на тот Остров.

Да-а, было отчего и голове закружиться и губам покривиться.

37 На тумбочке мой любимый фолиант – «Книга света». Открываю на закладке, хотя, помнится, никакой закладки я не оставлял.

«По пути нам было целое поле цветущей синей медоносной травы фацелии. В солнечный день, среди нашей нежной природы, это яркое поле цветов казалось чудесным явлением. Синие птицы как будто бы из далёкой страны прилетели, ночевали тут и оставили после себя это синее поле...» – Перескакиваю несколько абзацев на тот, что указан птичкой:

«– А была ли у вас, – спросил он, – своя Фацелия?»

– Как так? – изумился я.

– Ну да, – повторил он, – была ли она?»

Я понял и ответил, как подобает мужчине, что, конечно, была, что как же иначе...

– И приходила? – продолжал он свой допрос.

– Да, приходила...

– Куда же делась-то?..».

Закрываю книгу. Пытаюсь понять, к чему эта закладка, к чему этот посыл к травящей душу картинке?..

Выбираюсь из будки. Вдоволь поглотаив воздуха под своим тутовым деревом, решаю сделать обход Стоянки.

Тихо. Может, потому, что поздний час, да и день будний. «Постоянный» люд коротает время в своих «норах». Только «аникинскую» скамейку под вязом занимает теперь Боря Смиркин. Разглядывает Луну, уже довольно высокую и посветлевшую, точно отмытую от кровавой накипи после встречи с землёй. Уж не высматривает ли в её разломах свою Фацелию? – наплывает грустное. И вдруг слышу: «Планета... Зелёная... Где ты? Есть ли ты?..». Ничего не поняв и не дождавшись продолжения, двигаюсь дальше.

Застываю у края Лагуны. Смотрю на воду, слушаю её дыхание, – и всё наносное, мелочное, заёмное, всё то ненужное, лишнее, что на ухабах жизни неизбежно прилипает к человеку ракушками, – сползает, смывается, куда-то утекает, а в душе вызревает нечто настолько большое, светлое и в то же время до боли щемящее... Отчего?.. Почему?..

Ну, если вода и впрямь «колыбель» человечества, то она и объясняет это «Почему?».

Захожу в сторожку, думаю, чем бы занять себя. Заварить «тонизирующего» чаю что ли? Но сна и так ни в одном глазу. И тут нащупываю в кармане Борин конверт. Выуживаю сложенный вдвое листок. Отменного качества бумага. Исписана на одной стороне аккуратным почерком, с наклоном влево. Текст невеликий, с широкими полями, буквы со странными завитушками. Вроде магического заклинания.

Речь – о некоем средневековом пастухе, не помнящем ни своих родителей, ни того, откуда он родом... Якобы отправился искать лучшей доли. И будто ноги сами вынесли к нужному месту, к роще. А в роще той из-под земли источник бьёт. Юноша выпил из него воды, и она вернула ему память. И он вспомнил и отца, и мать, и дом, в котором родился.

Ниже, в сторонке – приписка карандашом:

«Как доказывает наука, водная структура организма каждого человека идентична структуре воды того места, где он родился. Поэтому наша внутренняя связь с местом рождения сохраняется на всю жизнь».

Ну, спасибо, Боря. Сговорились с Русланчиком что ли? Хоть прыгай в воду и – куда вынесет.

Руслан... Лида... Машинально поглаживаю листок, а они передо мной – живые. Машут из тумана. Зовут что ли? Трясением головы изгоняю наваждение. Возвращаю послание в конверт. Кладу под подушку. И сам укладываюсь. «Проверим!» – с немалым вызовом говорю кому-то. Не понимая толком, что это я, собственно, собираюсь проверить. Но глаза закрываю.

Не скажу определённо, был ли это действительно сон... Может, тот самый фантом, как исход из подсознания угнетённых, «разблокированных» чувств.

Мы стоим на палубе яхты, взявшись за руки. Чудный ветерок, воистину божественный, словно касание крыльев ангела (ничего подобного никогда не испытывал, потому, наверное, и подумалось про ангела), ласкает наши тела, играет её распущенными волосами, забавляется дымчатой туникой. Лида пытается придержать её, но текучий шёлк струится меж тонких пальцев. Смех. И радостный, и смущённый. Как журчание чистой ключевой воды. Она кладёт голову на моё плечо, а я заглядываю в её сияющие бирюзой глаза. И... Ещё мгновение и я взлечу... Мы взлетим! Впереди – окантованный коралловыми рифами Остров, прекрасный, как лоно Вселенной. Позади – бесконечная, захватывающая дух бирюза океана...

38. Вспоминаю Хирурга. Всё ещё бродит где-то по волнам. Если живой. Одному-то тяжеловато управляться с грузной посудинной. Какой раз приходит в голову: интересно, поднялся бы он тогда в вертолет, знай, что в нём Маша? Вряд ли. Как не поднялся и потому, что решил отыскать её живую или мёртвую. Хотелось

в это верить. Так хотелось увидеть в рыхлой супеси человеческой души главное, прочное, срединное, стержневое... Как мачта корабля. И вдруг: а, может, повезло открыть таинственный Остров Больших Птиц? О том, что Лиде и Руслану повезло, я не сомневался. Думал об этом ещё при рассказе Маши о крушении яхты. Ну, какие у них-то могут быть грехи?!.. Тем более, для Руслана *тот* Остров Больших Птиц – родной дом. *Тот* Остров?!.. Стоп! А э т о т?.. Откуда на полувыморочном острове могло оказаться сказочное соцветие Семиродок? В руках Лиды... Вопрос, что не в первый раз донимал меня. А вороны-каннибалы... Параллельный мир?..

К отплытию готовлюсь остаток недели. Без спешки, основательно, тайком. Сухари, консервы, пакеты с крупами «быстрого приготовления», соль... Сколько позволяет ёмкость моего «бегунка», и дабы не перегрузить особо, беру воды, бензина, рыболовные снасти. Подумав, выкраиваю изрядный кусок плотной материи, нахожу трубчатый алюминиевый шест для мачты. Авось пригодится... Последнее, что захватил с собой, – «Книга света», подарок Руслана. Много близкого, живого, согревающего было в ней для меня. Как для иных – в Библии.

Отчалить решаю до восхода Луны. Моя лодка в море-океане – крохотная скорлупка. Но что-то подсказывало: это не имеет теперь никакого значения!

Тогда я не знал, наблюдает за мной не одна пара глаз. И уж совсем не мог предположить, что моим проводником будет «фрегат» шестилетнего Ивана Ивановича.

2006 – 2011 гг.

Прим. редактора: чтобы «избежать бесовщины», автор умышленно использует вместо приставки «бес» дореволюционное употребление в русском языке приставки «без».

К юбилею поэтессы

Виктория Можаяева

член Союза писателей России
х. Можаяевка Тарасовского района
Ростовской области

В пространстве взгляда твоего

***

...И света нет. – Лишь жажда света.
И смерть страшна, и жизнь темна.
И снова Ветхого Завета
На нас упали времена.

Ещё не зная про свободу,
Не слыша сердцем божества,
И я, как все, уйду под воду
За много лет до Рождества.
Но вы, взошедшие на Древе,
Над кем и голубь не парил,
Простите Бога, если в гневе
Он сам не ведал, что творил.

***

За ниткою позёмки
В лесную глубину
Души своей потёмки
Несу сквозь белизну.
Здесь тяжкое молчанье
И заячьи следы,
И подо льдом журчанье
Незамершей воды.
И мчится, сон срывая,
Обратно в тёплый дом
Душа, ещё живая,
Как речка подо льдом.

***

Ах, как сладко спится с недосыпа!
С недосыпа спится от души.
Снится шум воды у пересыпа
И береговые камыши.
В золотисто-сонной круговерти
Без единой чёрточки на лбу
Вспоминаю, словно после смерти,

Я свою свершённую судьбу.
И от этой дальности светлею
Так, как в жизни не дано светлеть,
И друзей, и недругов жалею
Так, как в жизни не дано жалеть.
Вдруг смешались краски, и густого
Страх затаённые толчки:
Неужели я уже готова
Перейти течение реки?

***

Солнце к западу уходит,
Небо выгнулось дугой.
Что-то с нами происходит,
Дорогой мой, дорогой.
Всё я вижу солнце лета,
Всё я слышу храп коня.
И идёшь ты краем света
То ко мне, то от меня.
Тень натянутого лука,
Сень раскрытого окна.
Где-то прячется разлука,
Где-то мечется война.
Прокричали злые птицы,
Что нам выпадет двоим.
Может, наземь из светлицы
Вместе с первенцем твоим
Полечу быстрее страха,
Выше города в огне.
– Андромаха! Андромаха! –
Хлопнут крылья по спине.
И увижу солнце лета,
И запомню, как, маня,
Ты идёшь по краю света
То ко мне, то от меня.

***

Как тихо на земле, как тихо.
Дорога, осень и туман.
На перекрёстке дремлет Лихо,
Дырявый вывернув карман.
Мы дальше с ним пойдём в обнимку,
Дыша полями и травой.
И только лес, подобный снимку,
И только дождь над головой.

И где нам будет остановка,
Там зацветёт трава-дурман.
Луна – свеча, земля – циновка,
Дорога, осень и туман.

***

И.С. Тургеневу

Настало время отдохнуть,
Покоен свет закатной славы.
Уже душа прошла свой путь
И ждёт у близкой переправы.
Судьба уходит к молодым,
Смеясь, кружа и карнаваля.
Ему же нынче – горький дым
И лёгкий ветер Бужеваля.
В России светят образа,
Друзья поют и порицают.
Но только чёрные глаза,
Как в тяжком сне, над ним мерцают.
И я задумываюсь вновь
О неразгаданном и вечном:
Догнал ли он свою любовь
В широком небе бесконечном?

***

Ты, как факир, в кузнечном жаре
Судьбы вращаешь колесо.
А я, как девочка на шаре
С картины Пабло Пикассо.
Я балансирую в паденьи
И мне не нужно ничего
В неповторимом сновиденьи –
В пространстве взгляда твоего.

***

Осенний дождь. Прохлада на губах.
Осенний день, а лето только снилось.
В глуши дождя играет фугу Бах,
И ничего ещё не изменилось.
Всё было так: и жёлтый свет осин,
И крик любви, и тишина разлуки.
В глуши дождя играет клавесин,
На нить судьбы нанизывая звуки.
Но где любовь? Лишь след её стопы
Окутал дождь дрожащей поволокой.

И я стою, не находя тропы,
В глуши дождя, как в памяти глубокой.

***

Всё изменимо год от года
И нет бессмертной красоты.
Зачем же вновь творит природа
Неповторимые черты?
Зачем так чисто и напевно
Рисует линию руки?
Зачем рябина, как царевна,
Стоит под снегом у реки?
И если всё должно меняться,
Как на закате небеса,
Зачем в душе моей хранятся
Улыбки, взгляды, голоса?

***

О чём-то важном не спросила,
Вагоны двинулись, скрипя.
Зелёный поезд – злая сила
Меня уносит от тебя.
А ты стоишь, не беспокоясь;
Никто не крикнет на лету:
«Поймай за хвост зелёный поезд,
Пока не сгинул в темноту!»
Ты остаёшься, прячу слёзы.
Не надо слёз моей беде.
Тобой подаренные розы
Ещё не ожили в воде.

***

Перевёрнута улыбка
Над холодным родником,
В старой груше хнычет скрипка
Неокрепшим голоском.

Дней бесшумных не жалею,
С грушей радостью делюсь...
Не волнуюсь, не болею,
Никуда не тороплюсь.

Но уже к концу недели
В мозг войдёт кусочком льда:
«Я умру на самом деле?
И не буду никогда?»

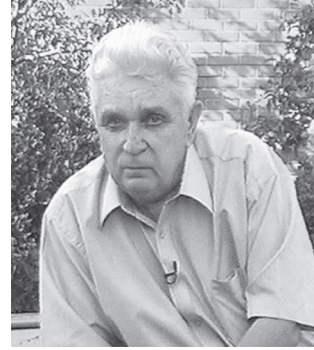
***

В нашем доме нет ковров,
Бронзы, позолоты.
В нашем доме есть любовь,
Дети да заботы.
Машет с вешалки пальто,
Стол шуршит копиркой.
Пожалей меня за то,
Что – всегда за стиркой.
Правда, я ещё судьбу
Обхитрить мечтаю,
Правда, я ещё в трубу
В полночь не летаю.
И в просветах тишины
Осенью дождливой
Успеваю видеть сны,
И бывать счастливой.

***

Я ещё не пеняю
На плохую погоду,
Не боюсь пересудов
И дурных языков.
Я ещё сохраняю
Городскую походку,
Хоть на этих дорогах
Не сберечь каблуков.
Абрикосы в листве
Набираются сока
И от груш-скороспелок
Бродит воздух в садах.
Я уже понимаю
До чего одиноко
В деревнях нам живётся...
И в больших городах.
Только здесь поневоле
Обостряются чувства
Вдалеке от театров
И удобных дорог.
Я уже отличаю
От подделки искусства
Звуки искренних песен
И бесхитростных строк.

Владимир Барвенко
член Союза писателей России
г. Шахты Ростовской области

Дыхание Голоффы

Главы из романа

Часть первая

1

...Тост «на посошок» и следом – безымянный. Просто свели стаканы и каждый выпил свою дозу водки до дна. Закусили, чем Бог послал, а Бог оказался щедрым на изыски – икра, твердая колбаска, и еще какая-то вкусная хреномуть в импортных баночках. Замполит Жора Чудов отправляется в отпуск и ему можно позавидовать. За окном полночь – густая, жирная тьма. Из открытой форточки лезвием бритвы полосует прохлада. Там Афган – земля «духов». А здесь, в просторном кабинете политрука пейзажи Родины в рамках, уютно. Даже члены Политбюро не утомляют. Проводы – офицерский корпус в полном составе. Война войной, а отпуск – по расписанию. Если повезет, то уже завтра вечером майор будет разгуливать по Москве, а потом, как и положено – море, Сочи – полный прелести отдых с дамой сердца. Сентябрь, бархатный сезон. И к чертям собачьим эти законные дувалы, чужие прогорклые небеса – вся эта трижды проклятая афганская тоска. Кто-то шутит:

– Хоть здесь выпьем. В России очереди за водкой... Мрак. Сухой закон.

– Ну-ну, разговорчики в строю. Родина – святое, – хмельно поигрывает голубыми глазищами отпускник.

А я его не любил. Не принял сразу. Наверное, так бывает. Ну атлет, ну красавец и улыбка – само обаяние, а на доньшке этих, в небесной сини, глаз – лед. Впрочем, наши дороги пересекаются по степени нужды: я – врач, Чудов – армейский политик. Кажется, его так же душой не приняли офицеры части. Пробежал слухок, что майор – отпрыск серьезного генштабиста и в Афган его кинули за боевой строкой в личное дело. Но тосты всякий раз «рисует», аж дух захватывает. И неважно, за себя или «за того парня». И стакан держит как-то набекрень, небрежно. Позер, но цену себе знает. Где-то осторожен, где-то нежен. Словом, впечатляет и фактурой, и образом. Наверное, таким и должен быть комиссар, духовник– идеолог и, само собой, «проводник линии партии». Стакан поднимает первым, и все подхватывают за ним. Даже командир наш, Семеныч. Правда, всякие слова в полуночном застолье вяжутся хреново – все за день зверски устали. Да разве только за день – похоже, у этой войны нет конца. Имунитет на исходе. Пара скабрзных шуток и анекдот на предмет знойного юга и девичьих ножек застревают на третьей стременной и я, воспользовавшись моментом, желаю отпускнику всяческих удовольствий и откланиваюсь. Меня даже Семеныч не удерживает, я – при больных. Только глухой ночью ударили из минометов духи. Обстрел оказался на редкость вязким. И снаряды суки ложились плотно. Пока отцы-командиры с бодуна организовывали оборону, а духов уж и след простыл. Пылали столовая и технические ангары. Несколько мин угодили в казарму и как итог – четверо убитых, с десятков раненых. Двое – тяжело. По связи я едва докричался до Баграма – обещали прислать санвертушку. Но уже и рассвет заскулил, а ее все нет. Опять кричу и опять обещают:

– Скоро, капитан. Ждите. Вы не одни, духи вокруг совсем осатанели.

– А моим тяжелым все хуже и хуже, – доложил командиру и выдохнул еще в сердцах. – Чего они там чешутся?! До госпиталя пятьдесят километров. Сколько тут минут на вертушке.

– Вот что, Гаврила Алексеевич, трупы в «Урал», а раненых – к себе в «таблетку». Заодно и отпускника бросите в аэропорт. А то он уже притомился в теме, – распорядился Илья Семенович и, подумав о чем-то своем, добавил. – Ну и «броник» сопровождения на всякий случай.

За минувшие несколько часов полковник Шмелев, наш Семеныч, как-то огруз, поскучнел. Седина на висках засеребрилось ярко, назойливо. Обстрелы бывали и раньше, но с такими потерями впервые.

В расположении части полный аврал. Бойцы разгребают завалы. Всюду кучно, бестолково и смрад стоит колом. От тлеющих обломков тянет, как от жаровен. Чудов взял на себя организацию транспорта в Баграм – на сборы ушли считанные минуты. Упаковались. И вот мы в пути. Солнце выползает из горизонта лениво – золотит дальние сопки и забежавшая на лучи кудрявая стайка облаков как бы оплескана оранжево-синим маревом. И пахнет влажно духмяным разнотравьем. Несутся мимо дувалы, нелепые каменные постройки, люди, овцы, повозки.

Мое место рядом с водителем сразу по-хозяйски занял замполит. Назвать это оплеухой можно отчасти – все-таки он старший и по званию, и по должности. Хуже то, что он свой чемодан сунул в салон нам под ноги. Не чемодан, а чудовище, с коваными углами, тяжелый. Как позже скажет хозяин: «Духовные ценности, капитан Апраксин. Книжки. Здесь выбор большой – все лучшее воинам – интернационалистам. И главное – «Пикуль». Ну еще традиционная «Сонька» и, так, несколько импортных безделиц.

«Неужто генеральский сынок в Москве за валюту не мог купить себе «японца», – подумал я, да так, видно, выразительно подумал, что майор постиг мои мысли.

– Отсюда цены больше. Память, старик.

...Впереди гремит тяжелый трехосный «Урал» с грузом «двести» и на душе мерзко. Кстати, почти все погибшие пацаны-дембеля. Один из них, старший сержант Марик Луков, мой земляк с Придонья. Осколок пробил ему височную кость – смерть была мгновенной. Другим повезло меньше – тела изуродованы, но та, что «с косой», какое-то время медлила и осознание мук конца ребятам ощутили в полном объеме. Механик – водитель БТР Алеша Прошкин умер у меня на руках. Бредил, мать звал. В каких только переделках не бывал, а тут – так нелепо: после первого взрыва выскочил из казармы и сразу под мину...

Бежит перед глазами параллельным курсом труба керосинопровода и мысли дубеют. Раненые – рядовой Мохов и ефрейтор Савушкин дремлют – перед отбытием я их хорошо наколол обезболивающим промедолом: у одного черепно-мозговая травма, у другого – ранение в живот. По-моему, повреждена селезенка. И в том, и в другом случае нужны срочные операции. Мохов теряет сознание – не исключаю, что его надо отдавать нейрохирургам. Значит – Ташкент. Такое бывало, я сопровождал. Из Ташкента я звонил домой жене Гале по межгороду и болтали долго, от души. Тогда еще была жива дочь, Маришка... Полгода прошло...

Майор куняет в дреме. Голова обмякла и тяжелый мясистый подбородок грубо сминает лицо. Что там ему снится? А я думаю о Гале. Скоро уже два года, как я здесь. Уезжал старлеем, простым хирургом-ординатором военного госпиталя. Провожали жена, дочурка Маришка и тесть Сергей Сергеевич. Тесть, полковник, замначальника службы тыла округа, организовал столик в ресторане «Полет» в аэропорту. И накрыл обильно. И был вечер... Сыпались тосты – за здоровье, за удачу, за возвращение и, конечно, за любовь. Маришке не сиделось на месте, бесновалась, бегала по залу, а

когда начались танцы под оркестр, плясала со всеми и стала всеобщей любимицей. Если и были в моей жизни минуты счастья, то эта была именно та... И Галя выглядела совершенно необыкновенно. Кокетничала, строила глазки и мне не казалось, нет – на нее обращали внимание мужчины. Грешен, ревновал. Красивая жена – это дополнительная нагрузка на душу и любые ее слова о верности в минуты прощания – лишний повод в ней усомниться. Впрочем, зная жёсткий характер моей благоверной, сантименты в свой адрес, а тем более флирт – это игра, не более. Я все-таки был спокоен. А если и учесть, что Галка еще патологоанатом, то всякие издержки поведения – в пользу бокала шампанского. Перед самым объявлением регистрации я взял Маришку на руки и она уснула. Так я ее и нес до входа в зал ожидания. Разве я мог подумать тогда, что эти капризные губочки и пухлые, розовые щеки я вижу в последний раз...

Стоял холодный декабрь и по взлетной полосе мела поземка. Меня ждал Афган...

– А что, Гавриил, у тебя брат тоже офицер? – как бы очнувшись от дремоты, спрашивает Чудов.

– Мне кажется, что вы даже знаете имя моей двоюродной тетки, – усмехнулся я.

– Ну, утрировать-то не надо. Я не особист. А взглянуть на личное дело по должности велено, – поскуцнул Чудов. – Я к тому, что имя Апраксиных известное на Руси. Со времен Петра Отечеству служили, а может, еще и раньше.

– Я так глубоко не копал, товарищ майор. Жители мы сельские. Со станички на Дону. Отец – колхозный агроном, мать – ветврач. Они одну академию заканчивали. Тимирязевку. Отец, правда, родом из Новгорода.

– Вот. Уже теплее... К Петру ближе. А как же армия? Мечталось быть военным? – оживился замполит.

– Да нет. Я врачом хотел быть, а вот батька мой видел меня военным. Вот как-то так и срослось.

– Ленинградская военно-медицинская академия – это что-то! Как удалось-то из деревни? – хитро блеснул глазами Чудов.

– Лапы не было. Нет у нас таких могучих родственников. Обычный вариант с золотой медалью. Ну, и ноги помогли.

– Это как? – удивился майор.

– Бегал я быстро. А как раз накануне поступления – Чемпионат России выиграл по юношам и норматив кандидата в мастера спорта выполнил... Так прямиком и на ленточку в академии, товарищ майор.

– Слушай, Гаврил, и чего ты меня майор, да майор, полгода вместе служим. Пора бы уже и Георгием величать. Мы ж почти ровесники, – попытался сократить дистанцию замполит.

– Хорошо, я подумаю, товарищ майор.

– Ну, спасибо, дорогой, за перспективу. А братца, похоже, ты вдохновил? – достал сигареты Чудов. А я заметил:

– Курить бы не желательно...

– Понял, – вернул назад пачку майор. – Пришел старший брат в отпуск в форме, у пацана глаза от восторга заблестели.

– Да не только у него, у всех станичников...

– И станичниц, – весело подхватил майор.

– Казачек, – поправил я. – Брат мой, Петр, на два года моложе. Все мореходкой грезил...

– А стал десантником, – уверенно заключил замполит. – И тоже, наверное, медалист?

– А то. У нашего батьки не забалуешь. Для меня этот его выбор оказался неожиданным. Говорили в военкомате – в районе сосватали в десантуру. Ростом Петр повыше меня и собой покрепче. Боксом занимался. Фактурный парень. А сейчас, со слов родителей, вообще «шкаф». Начинал служить в Забайкалье. Потом перевели куда-то на восток. Все время в командировках. В прошлом году в отпуске, думал, состыкуемся. Обещал братец подогнать, не получилось. За весь Афган одно письмо от него. И то из Москвы, без обратного адреса. Жениться собирался, и так – обо всем и ни о чем. Где служит и в каком звании – ни слова. Только в Афгане его нет.

– Ну, не Афганом единым, – чему-то своему усмехнулся замполит и глянул в боковое окно. – А чего ползем то?

– А как по-другому, товарищ майор? Мы же «прицепом за «Уралом». И пацанам – последний путь, – рассудил мой водитель Степа Калюжный.

– Это верно, последний... – согласился Чудов и все забылись в паузе.

Бежит дорога. Строй тополей у дороги сменяют ивы. А за ними, в глубине, обрызганные кустарником веселые лужайки. Чирикарская зеленка, предгорье, места прозрачные, манящие. Я вспомнил самый первый наказ командира:

– Никаких привалов и остановок по пути, – шаг в сторону и жди подарок...

Господи, как давно это было. Сколько событий... На ухабе очнулся Мохов. Повел безумным взглядом, тяжело вздохнул и опять ушел в себя. Я взял его руку, нащупал пульс. Удары частые, но ровные. «А, может, все обойдется?», – мелькнуло.

Кажется, пауза затянулась. Майор опять сделал попытку закурить, достал сигареты и тотчас спрятал. А я подумал – «черт возьми, за эти полгода я так близко с ними и не общался. Жора как Жора».

В заднем окне громоздится бронетранспортер сопровождения, а за ним, в ровном натруженном гуле, узкая лента шоссе, уныло. Мелькнул пост, за ним застава. Я вдруг ловлю себя на том, что очень скучаю по Гале. Последнее время письма от нее приходят все реже. Да и о чем писать – малышки нет. Раньше в конверте, в «ДП» к письму я находил рисунки дочери – нечто похожее на зверье: зайчики, слоники, медвежата, а там, где совсем уж не понятно кто есть кто, Галя подписывала: «Такой у нас волк. Он зубастый и злой». И, конечно, присылала фотографии малышки... Их собралось много. Целый альбом. Тут я вдруг вспомнил, как долго искал в Ташкенте подарок Гале ко дню рождения. Хотелось что-то необыкновенное, яркое, пока вдруг в ювелирном не остановил мой взгляд медальон в форме сердечка, в золоте с рубинами – великолепное изделие восточных матеров манило, звало к себе. Вещь оказалась безумно дорогой, но я как-то изловчился, купил. Что только не сделаешь для любимой женщины. А она сказала: «Гаврош, тебе он нужнее. Вставим сюда фото нашей девочки и она тебя будет беречь». А я заупрямился: «Не слишком ли роскошно... И чего страхи нагонять?! Меня Родина бережет». Но жена настояла. И с тех пор медальон с Маришкой всегда на груди. И, кажется, Бог милует.

Еще немного, еще чуть-чуть и наш Баграмчик тут как тут, – нарушает молчание мой водитель Степа, рязанский паренек. Вообще-то он балагур: когда мы одни, «без начальства», любит анекдотами «сорить». Из цикла народных. Я пронес этот его эмоциональный пассаж мимо себя, а Чудов буркнул:

– Хреново без курева.

И опять все погрузились в себя. А я вернулся к Гале. Не пишет, не хочет, видно, лишний раз бередить рану. Какие строчки без памяти о дочери? Наверное, мне все-таки легче. Я спрятал свою душу здесь, в Афгане. А на чужой крови и своя рана терпимее. А у нее шок в развитии. От одиночества, от пустоты, от деталей квартиры, даже запахов. «Я, Гаврош, нечаянно распашонку Маришкину нашла, в белье затерялась. Розовенькая такая, с рюшечками. Еще, знаешь, младенческим пахнет... Всю ночь ревела. Ну за что, а? За что...» – вспомнились строки и память торопливо, уколами

восстанавливает совсем недавнее прошлое... Мой экстренный вызов в Союз по телеграмме... (И надо же было лететь бортом с «грузом 200»). Ну, нелепость какая-то, глупость. Играла девчушка на детской площадке, упала, ударилась головой и ножку поранила. И все. И травмы, казалось, пустяковые. И вдруг страшный приговор – гематома мозга, лобной части. Сепсис. Кажется, тесть поставил на ноги всю «передовую Советскую медицину». Лучшие импортные лекарства, профессура... Только в итоге – паралич... А дальше чудовищная процедура погребения ребенка...

Чудов поворачивается ко мне и я читаю на его лице нетерпение на грани отчаяния.

– Курите, но только в окошко, – разрешаю я.

– Вы великодушны, боярин...

Замполит закуривает и добросовестно сбрасывает дымок в окошко. Он весь в процессе, а меня память опять тычет в прошлое. Благо, теперь в юность. И встает лето, Москва, Казанский вокзал. Я в очереди у билетных касс. Я – курсант, еду домой на каникулы из Питера. А по пути на несколько дней останавливаюсь погостить у тети Нади, материнной сестры. Она одинока и каждый мой приезд для нее праздник. Тетя Надя работает в крупной строительной организации ведущим специалистом и к встрече с племянником приготовила целую серию театральных сюрпризов. Просто у нее есть возможность доставать билеты на самые звездные спектакли. В Ленком, театр на Таганке, в Большой... И мы каждый вечер на просмотре.

– Настоящий офицер, а тем более врач, должен быть еще и культурно образованным человеком. Могу привести тебе сколько угодно примеров из отечественной истории, – наказывала она.

– Да я не против, тетя Надя, – весело соглашался я. – Всегда готов отдать должное Мельпомене.

– Ты еще и слова знаешь такие, станичник...

А к последнему курсу это уже стало традицией. Правда, однажды тетя призналась, что заядлой театралкой становится только в дни моего пребывания. И некогда ей, и устает. И в тот памятный приезд все было так. Три вечера в Москве, три спектакля. Последний в Ленкоме... И вот я на вокзале стою в длинной очереди у билетных касс, изнываю от духоты – лето, все тянутся на юг. Жду. Лезу в карман за платком и слышу девичий голос:

– Молодой человек, у вас что-то выпало из кармана.

– Спасибо, – поднимаю я бумажку – это были использованные билеты в Ленком.

А девушка напротив улыбается, высокая, в светлом брючном костюме. Большие карие глаза, вздернутые ниточки бровей, короткая стрижка. И неожиданное волнение охватывает меня.

– Что-нибудь важное? – спрашивает она и смотрит лукаво.

– Да нет. Вчерашние билеты в Ленком.

– Вам повезло...

И все. И никакого развития темы. Транзит. Но когда она оказалась в соседнем купе – это уже была судьба. Просто землячка, просто из одной области. У нее, как и у меня, впереди выпускной курс, в первом медицинском институте. Коллеги. Ну, так не бывает. Все и сразу, – подумал я тогда в каком-то странном тревожном нетерпении. Проговорили едва ли не до рассвета. А потом были письма, звонки, встречи... И уже перед самой свадьбой Галя призналась: «Ты, Гаврош, мне понравился сразу. Тогда, на вокзале. Все искала момент для знакомства. Видно, мне сам Бог помог и с этими выпавшими у тебя билетами, и с купе рядом с твоим»...

– Смотрите, какие-то люди. Вот там, вдалеке, – гасит мои воспоминания замполит...

Я подаюсь к дверному оконцу – мешает чемодан и в следующий момент страшный удар с легкостью подбрасывает нашу «таблетку». А Чудов орет:

– Ду.у...хи!

Салон наполняется едкой гарью. Все в каком-то вязком тумане. Еще удар, распахивается дверь и меня, как ветром, легко сдувает на землю. Я выползаю на обочину и вдруг вижу седого старца в белой одежде. Он стоит от меня в нескольких метрах и подзывает: «Ко мне, ко мне». Я пытаюсь подняться, но нога мешает. Она как будто чужая. Черт возьми, как же этот старик похож на Рериха, отчего-то думаю я и вдруг легко встаю на ноги. Торопливо иду к нему навстречу, почти бегу. Откуда-то сбоку от старика вдруг появляется Маришка.

– Доча! Ты как здесь?! – бросаюсь я к ней.

– Папочка, тебе больно, да? Больно? – спрашивает меня Маришка. – Ножка болит? Вот и вся в крови.

– Ничего не болит. Пустяки, – отвечаю я и чувствую необыкновенную легкость во всем теле, кажется, так легко мне не было никогда на этой чужой земле. – Ты как здесь оказалась?

– А вот так, – игриво стреляет глазками дочурка, как давным-давно на моих проходах в аэропорту.

Я подхватываю ее на руки.

– Отпусти, папка, уронишь. Я уже выросла.

Вдруг сзади раздается взрыв, потом другой. Я опускаю Маришку на землю, оборачиваюсь и вижу, как из моего УАЗа вываливается рядовой Мохов, а майор все еще рядом с водителем и лицо его искажено страшной гримасой. Он пытается открыть дверку. Тут ударяет еще один снаряд и у меня мелькает в мозгу: «Из ЭРЭСов шмаляют». «Таблетку» охватывает пламя, но Чудову наконец удается выскочить на землю. Он подхватывает валяющийся у дороги чемодан, в котором Пикуль, и вприпрыжку, мимо лежащего Мохова, несет к «Уралу». Труповоз стоит. И из под его колес стреляют. Маришка тянет меня за руку, кричит:

– Папка, не смотри туда, не надо!

Но я не могу оторвать взгляда от бойцов, стреляющих по «духам». «Это же мой водитель Степа и раненый ефрейтор Савушкин», – догадываюсь я. Следующий взрыв снаряда уже на броне БТРа. Тут подходит ко мне старик и говорит, почти приказывает:

– Ну посмотрел, и хватит. Пошли.

– Да, папочка, пошли с нами, – живо поддерживает этого «Рериха» дочь.

– Куда? – нервно спрашиваю я.

– Пока на бревнышке посидим. Устал, поди. Переждем. Скоро все утихнет, – отвечает старец и чему-то улыбается.

Мне хочется возразить и не могу. Я послушно двигаюсь за ними. Усаживаюсь на это самое бревнышко и меня терзает совесть: «Как же так, я здесь в безопасности с дочерью и мне легко, а они там тонут в кровище». А старец кладет мне руку на плечо и заглядывает в глаза:

– Хочешь к ним? Очень хочешь? – спрашивает. – Не пожалеешь?

– О чем вы? Там же раненые. Это мой долг. Им же больно.

– Дак жизнь – это боль, – роняет вдруг слезу человек с лицом Рериха. – Иди, если решил.

– Правда можно? – поднимаюсь я.

– Да, папочка, иди, а мы тебя подождем. Ты же вернешься? – подталкивает меня Маришка.

И тут вдруг резко и очень близко передо мной возникает лицо майора Чудова.

– Живой, боярин? – нагло улыбается он.

- Еще не знаю, – едва ворочая я языком.
- Живой, боярин, попугали нас духи. Вот и «таблетку» твою спалили.
- Кажется у меня с ногой проблемы, – тяну я руку к колену.
- Кажется. Лежи спокойно, – отчего-то весело соглашается майор. – Главное, голова цела.

И только тут я вижу над собой очень синее небо, какое только и бывает в этих краях, когда разгорится утро.

- Погибшие есть? – пытаюсь я оторвать себя от земли и не могу.
- Не дергайся, капитан, – останавливает мои усилия Чудов, а стоящий за ним водитель Степа Калюжный отвечает:

- Кроме вас раненых нет. А убитых двое.
- Мохов?! – так и вырывается у меня.
- Да, – соглашается Калюжный и переводит тему. – Я вам жгут наложил выше колена. Тут у ребят взял ИПП с бинтами и ватой. Упаковал вашу ножку. А сумка с лекарствами сгорела в УАЗе. Вот товарищ майор помог ногу бинтовать, пока вы в отключке были...

– Да все путем, боярин, – бодренько подхватывает Чудов. – Вот и подмога нам подоспела из сто восьмого полка ВДВ.

Вместо капитана появляется человек в камуфляже.

– Потерпи, капитан, мы перенесем тебя в наш транспорт. Ты для кузова не годишься. – Он поворачивается к майору. – А вы грузитесь, грузитесь в «Урал».

– Да уже утрамбовались, – мрачно роняет Чудов. Он достает из бокового кармана кителя плоскую фляжку, открывает и подносит к моим губам. – Хлебни на дорожку – это коньяк.

- Сколько звезд? – бодрюсь я.
- Ожил, шутник. Я меньше пяти не пью.

Перенесли меня легко. Боль была тупой, неопределенной. А по ходу движения, только нога и мешала. Какой-то чужой, мокрый от крови чурбак лежал рядом. И еще подташнивало. «Так всегда бывает от потери крови», – подумал я.

2

В госпитале в Баграме, мой однокашник по академии хирург Саша Львов сразу сунул меня под капельницу, и наколов еще и наркотиками, принялся осматривать рану. На его лобастом лице, особенно на залысинах выступила испарина, но Сашка пытался бодриться, отпуская какие-то скабрзные штучки, которые, впрочем, вязли в горячечном тумане. И хотя я понимал, что с ногой у меня не просто хреново, а очень хреново, но остроты не чувствовал.

– Жить будешь, старик. Это главное, – наконец патетически заключил Львов, а я с трудом слотнув тошнотворный ком, подхватил:

– ... только без ноги.

– Я этого не сказал. Поборемся, старина. Кость раздроблена и сустав поврежден. Ножку придется собирать и, полагаю, ювелирно. Но тебе повезло. Сейчас готовится борт в Ташкент.

– Эт нашему Чудову повезло, как по заказу, – пробормотал я.

– Какой еще Чудов? – не понял Саша.

– Да замполит наш в отпуск ехал. Я раненых к тебе вез. Вот ему и повезло.

– Нашел, о чем думать. В Ташкенте кудесники творят чудеса. Ты же знаешь. Я пока, друже, сделаю, что смогу, ну, а дальше с Богом...

Перелет не помню. Ничего не помню. Очнулся в палате. Нога задрана на привязи. И все от верха и до низу в металлической конструкции. Не лапа, а Эйфелева башня. Возле меня хлопочет вся в белом восточная красавица. И еще и улыбается мне эта Шахерезада дерзко.

– Где я?! – кричу я.

– В госпитале миленький, в госпитале, – отвечает дева и прижимает пальчик к моим губам. – Не так громко, ладно?

– Громко, почему громко? – ни черта не пойму. – Что со мной?

– Сейчас уже все хорошо. Вам шесть часов операцию делали, ножку поправляли. Будете теперь плясать, – весело поблескивают глаза этой Шахерезады. – Только говорите, пожалуйста, тише.

– Может, я еще сплю. У меня как будто вата в ушах, – вслух сомневаюсь я.

– Да нет, слова Богу проснулись. Так что все самое страшное позади. Что-нибудь хотите?

– Еще не понял, что мне надо, – с трудом выдавливаю я из себя и осознаю, наконец, явь. – Сколько я здесь?

– Не знаю. Я только из отпуска вышла и заступила вот. А для вас так важно, сколько вы здесь? – лукаво блестят глаза у девицы.

– Да нет, наверное, не важно, – как-то обреченно соглашаюсь я. В самом деле, какая мне разница, когда я сюда попал? Меня, похоже, из могилы выгнали, а я тут справки навожу, – занервничал я и машинально потянул руку к груди. Медальона не было.

– Что-нибудь случилось, – сразу заметила мое беспокойство сестричка.

– Нет медальона. Памятная вещь, ну как талисман. С фотографией дочери... Она умерла. А я вот живой...

– А в описи ваших вещей его не было. Я, конечно, скажу главному...

– Не надо. Наверное, она сняла с меня медальон, чтоб я остался жив...

– Наверное, – согласилась со мной эта очаровашка, странно так взглянув на меня.

– Ну, если что-нибудь захотите черкнуть близким, я помогу написать.

«Какое письмо, о чем?» – с ужасом думаю я, переводя взгляд на металлическое изваяние вокруг ноги. А вслух говорю: – Спасибо, пока нет. Чего пугать-то своих?

– Ну, и правильно. Немножко поправитесь и напишем, – соглашается девушка.

– А вы хорошо говорите, без акцента, – слегка пожевав паузу, нахожусь я.

– Так у меня мама русская. Я, это, – метиска. А папа тоже военный. И тоже там, ну откуда вы. А меня Эмма зовут, а как вас – я знаю. Главный доктор всем наказал, чтоб проявляли о вас заботу.

– Странно. Мне? Заботу?

– А ничего странного. Раненые доктора у нас тут редкость. А вы еще и герой. С духами в бой вступили, – что-то поправляет на постели эта Эмма и встает. – В общем, я буду тут рядом. «Так уж и герой», – бурчу я ей вслед и тотчас перед глазами мелькает моя горящая таблетка, бегущий с огромным чемоданом от нее к грузовику замполит Чудов. Он как-то смешно, подскоком, припадает на правую ногу и фуражка его сползла козырьком на бок.

Восточная красавица исчезает за дверью и пережитое тотчас наваливается на меня. Ярко, в деталях, как будто только и ждало, притаившись. Так что все минувшие события, считай, от витиеватых тостов замполита в застолье и до больничных носилок в Баграме, обретя спелость, так и просыпались к ногам. Выбирай, да на зуб пробуй. Только вот вкус каждого такого плода оказался горьким, а сам выбор невелик. И я делаю одну за другой попытки вымести все это из себя, но тщетно. «Голова трещит, сердце вылетает, а мозг долбит «инвалид, инвалид». В итоге проваливаюсь в сон и в нем вижу Галю: ее лицо, глаза, губы, улыбку. Она что-то шепчет, а что – не понять. Да и не важно. Я тяну к ней руки и мне хорошо, покойно. Потом лицо ее смазывается, и я возвращаюсь опять в явь и натякаюсь глазами на эту чертову металлическую конструкцию. Но инерция сна еще во мне и потому это изваяние вокруг моей ноги не давит, как будто оно и не мое вовсе.

И я вдруг делаю вывод, что самый верный способ выбраться из горячки пережитого – это думать о близких.

И я стал мысленно набрасывать послания жене и родителям. Конечно, без подробностей – это будет обычный пунктирный отчет о житье-бытье офицера-медика энской части на территории вполне дружеского государства. Все, как всегда. (Упаси, господи, какие «духи»?! Кругом тишь да гладь да Божья благодать). Ну и, как положено, с приветами и пожеланиями друзьям и родственникам. Родителям-то главное, чтобы сын был жив и здоров, да и Галю грузить своими героическими буднями вряд ли стоит. У нее ответственный период – защита диссертации. Только намекни на ранение и она «на уши» поставит командование «червонной армии» и завтра же будет здесь. «На крыльях любви!» – с удовольствием я вонзаю в себя эту фразу. Но тут полный нежного трепета порыв с появлением первой любви у ног моих элементарным образом обрывает взгляд на «эйфелевой башне» – лицезреть такое сооружение надо бы мужество. Так что вводить во искушение мое сокровище насчет перспективы служивого вряд ли сейчас стоит...

Только через неделю я созрел для письма. Конечно, я черкнул несколько слов родителям. Само-собой в лучших традициях всеобщей земной благодати и человеческой гармонии. С привычными деталями, так, чтобы комар носа не подточил. Тут помогла Эмма – оказывается по этой части у нее большой опыт. Конечно, если бы я писал сам, то женьулке своей уж непременно б «капнул» что-то из наших воспоминаний с легким интимом, соскучился, поди, но Эмма – эту мою жажду низвела к обычной, затасканной заключительной фразе «Нежно любящий тебя, Гаврош». Одним словом от писания в четыре руки у меня осталось чувство, как однажды в детстве от встречи со слоном в зоопарке. Его было так много, а на ногах почему-то цепи.

Письма отправили первой оказией. Сложным путем через часть. «Оказия» же – прапор из соседней части с дерзкой фамилией Забияко пообещал в очередную командировку сюда захватить и мою почту из Союза. И точно, привез через пару недель три конверта. Два от родителей и одно от сослуживца. А точнее от моего водителя Степы Калюжного с подробным описанием боя и гибелью Мохова и уже в госпитале в Баграме смерти ефрейтора Савушкина. (Не дотянул парень). Конечно, я ждал письмишко и от Галины. Но, увы... Впрочем, начальник госпиталя, полковник Андрей Андреевич Белашов, мне, как коллеге, пообещал предоставить возможность иногда пользоваться своим служебным телефоном. Но это по мере выздоравливания (когда начну ходить) и, разумеется, в допустимых пределах. Галине я все-таки сообщил о том, что ранен и нахожусь в госпитале в Ташкенте.

Впрочем, мой довольно длительный маневр со скрыванием ранения от близких желаемых результатом не дал. Уже через пару месяцев, почувствовав что-то неладное, мои родители забомбили командование части письмами. Просто с таким понятием как «материнское сердце», не поспоришь. Если сын приходит во сне каким-нибудь оборванцем, а того хуже, голым – это тревога. Пришлось нашему начальству согласовывать вопросы диспозиции с начальником госпиталя. Тут Андрей Андреевич – золотой человек, лично направил письмо моим родителям о том, что случай с ранением капитана медицинской службы Г.А. Апраксина имеет место. Но без угрозы для жизни. Капитан находится на излечении в госпитале и после курса реабилитации вернется к исполнению своих служебных обязанностей. Но не убедил, письма посыпались на его голову. И тогда полковник организовал телефонный звонок в сельский совет, где в назначенное время собралось все мое семейство для личной беседы с лечащим врачом. Впрочем, людей собралось много, считай, все правление колхоза. Беседу вообще транслировали по сельскому радио. Ну, а говорили много – нервно и бестолково. Подвел черту сам начальник госпиталя Андрей Андреевич Белашов. Он так и сказал – и как врач, и как коммунист заверяю вас – здоровью

вашего сына, офицера, проходящего службу в дружественной республике Афганистан, на сегодняшний день и час ничего не угрожает. Тут еще дали слово и мне, и я, дико волнуясь, сказал:

– Отец, мама, да все в порядке. Чего вы там панику развели? Цел, я цел.

И тотчас начальник госпиталя отобрал у меня трубку.

– Слышали? Так вот, наберитесь терпения и готовьтесь к встрече.

Но, до встречи было еще ох, как далеко.

Тогда заканчивался только четвертый месяц моего пребывания в госпитале. Но картина, описанная полковником моим близким, была все-таки далеко от идеала. Заживление ран шло медленно. Неожиданно открывались свищи, держалась температура. То, что ногу сохранили – совсем не означало, что в скором будущем я вернусь в строй доблестного офицерства, ну и, как положено, на передовой рубеж. Впереди было еще две операции и как окончательный вердикт – инвалидность. Начальник госпиталя не скрывал – все хирургические возможности исчерпаны и получилось то, что единственно было возможно. Одним словом, ножка моя стала короче на пять сантиметров, а ступне еще и приказали как бы привстать на цыпочки. Ну, и как итог – определенный набор табу в опорно-двигательном секторе. «Так что ничего не попишешь, капитан, коротать тебе в штабе все оставшееся время эдаким, значит, макарон». Если повезет – то вероятность протезирования останется минимальной, но во всех случаях ходить тебе, служивый, в ортопедической обуви до конца дней. Ну, а благодарить, конечно же, надо не хирургов-травматологов, которые сделали невозможное, а самого господ Бога, что вообще жить оставил». Вот где-то так меня утешали коллеги-спасители. И они, наверное, были правы. Разумеется, характер полученной травмы никак не совместим с возможностью дальнейшего прохождения военной службы. Мересьевы по нынешним временам – отдыхают. Война не та и нужды в них нет. Дипломированных медиков с погонами и без таковых, хоть отбавляй. Только на душе все равно отвратно. Армию, которой я грезил с детства, надо забывать. Это меня особенно мучило. «Попробуй забыть?! Академию, гарнизоны, друзей... Встречу с Галей, такое прощание затянется на всю оставшуюся жизнь», – мысленно сокрушал я себя, в очередной раз осваивая на костылях территорию сквера возле госпиталя. Просто привыкнуть к себе, новому, не получится, нет. Костыли сменит палочка, возможно со временем обойдусь и без нее. Но без армии – это же катастрофа!

А в зеленом сквере уютно. Тепло и тихо. Над госпиталем висит как всегда спокойное, мраморное узбекское небо. На скамейке безногий бедолага выводит под гитару куплет:

*На что потраченные силы...
От боли сводит скулы –
Война кого-то проглотила,
А нами блеванула...*

И голосок какой-то еще ребячий, эдакий надрывный, потерянный тенорок. Паренек, кажется, просто вынимает слова и отдает их самому себе, вовсе не заботясь о мелодии, и получается жестко и трагично. Здесь же, рядом со скамьей стоит его инвалидная коляска. Он вдруг, смазав ладонью строй, зовет меня к себе.

– Садитесь, пожалуйста, – и бросает отчего-то голову в небо, морщит лоб. – Сигареткой угостите?

– Не курю, – отвечаю.

– Да и я не курил, а тут вот начал, – признается парень. А я так и стою, не двигаясь – меня гипнотизируют эти его культы. И совершенно непристойная мерзкая мысль нагло тычет башку: «Он же может еще и не пробовал». А парень, мягко улыбнувшись, опять приглашает:

– Да садись, командир. В ногах правды нет, это теперь я точно знаю. – Он легонько перебирает струны. – Слава Богу, хоть руки целы. Обычное дело – фугас. Да ничего, привыкаю, куда денешься. Сны только поганые. Ноги снятся, даже пятки чешутся, а проснусь почесать, шашь – и пусто... Да садитесь вы.

Но я все равно стою на месте. И, по-моему, боюсь шелохнуться. И вдруг парень, ударив пальцами по струнам и слегка взбрыкнув головой, вырывает сразу:

*Уж лучшие перед Богом в рост
На майский радужный погост...*

С каждым ударом по струнам он смотрит на меня в упор и мне просто становится неважно.

*Свеча, стопарь, а по щеке
Две крохотных слезинки...
Прости, что жив, отставить тост,
Слова просты, но я не прост -
Душа моя, как стяг в руке,
Пусть даже половинка...*

Я не выдерживаю очередного, устремленного на меня взгляда, поворачиваюсь и ухожу. Я хочу, чтобы этот парень не видел моих слез.

...Гале пишу регулярно и как правило – на два-три моих письма получаю одно от нее. К тому же по-отечески опекающий меня начальник госпиталя Андрей Андреевич, наконец, разрешил звонить домой в вечернее время из своего кабинета. Разумеется, с чувством меры. Но три вечера подряд в трубке я слышал только безответный крик сигналов, да собственные удары сердца. Я утешаю себя тем, что разница во времени не дает мне возможности стыковаться с ней ни на работе, ни дома. Не знаю уже на который раз, но я все-таки дозвонился. Супруга объяснила, что как раз была на выездных курсах в каком-то там районе области по линии Горздрава. Кажется, она весела и звонку моему, «такому неожиданному и такому родному», очень обрадовалась. Она, вообще, оказалась умницей. Успешно защитила диссертацию и даже подготовила к изданию монографию. «У тебя есть повод, Гаврош, гордиться своей ученой женой», – так и верещала она в трубку, а у меня почему-то торчала заноза в голове: «А ведь не прилетела на крыльях любви...» Нет, не поставила «на уши» командование, когда жизнь моя висела на волоске. И глаз не пришлось сомкнуть у постели любимого, после тяжелейшей операции. А теперь что? Процесс выздоровления в активной фазе – теперь остается только ждать да созерцать результат.

Так думал я, ковыляя к себе в палату, после того, самого первого телефонного разговора с супругой, и на душе при всем кажущемся удовлетворении, все-таки было скверно. Конечно, столь долгая разлука предполагает мысли о супружеской неверности, но мне трудно было представить мою Галку даже во флирте. Вот хоть убей, но не было у меня повода «уличить» хоть как-то женушку свою в измене – не того сплава этот человек, чтоб разбазаривать себя по мелочи, похоти ради. Но тут вдруг я уловил себя на чудовищной мысли: «А кто я теперь ей? Инвалид, лишенный, ну, если уж и не совсем, жизненной перспективы, то, уж точно, какой-то ее части. А она молода, красива... И Маришки нет. Дочери. Так что, по большому счету, ничего уже нас не связывает на этой земле, кроме прошлого. А любовь?.. Что могу теперь предложить ей, как муж, глава и хозяин, если стоять-то на земле путем не могу?!

Ночь, после того первого звонка супруге, оказалась бессонной. А утром следующего дня я предстал перед «светлыми очами» начальника госпиталя с рапортом о выписке. К тому же очень хотелось открыться этому старшему умному доктору о пережитом мной. Но, наверное, эти все мои сомнения так были ярки на моем лице, особенно в глазах, едва сдерживающих слезы, что Андрей Андреевич все понял.

– Вижу, капитан, наконец, вы дозвонились до супруги. – Здесь полковник сделал

длинную паузу. – Я вас очень понимаю. У вас же все сейчас на контрасте, на нервах. Она такая, а я вот такой. Банально, дружище, вы не первый. Поэтому выписку вашу придержу. Для вашей же пользы. Один месяц и это, капитан, приказ. Еще один – вам надо просто прийти в себя. Обрести форму. И, главное, закрепиться плотно на ногах. Так что, дорогой, я уже дал дополнительные рекомендации лечащему врачу. Поработаете с инструктором с удвоенной энергией. Домой только на своих ногах.

После этой встречи с начальником госпиталя я уже не просил телефона. И вообще перестал бомбить супругу письмами. Наоборот, ее послания стали приходиться чаще. Они были больше в объеме, но по-житейски больше рассудочны, чем нежны. (Конечно, мне хотелось обратного). Но что поделаешь, таковы издержки характера моей суженой. Письма по-своему успокаивали, да какая-то странная тревога нет-нет, но давала о себе знать. Предчувствие? Ой, ли! Во всяком случае я твердо решил для себя не сообщать о дне своего приезда. В неожиданном визите есть своя особенная прелесть праздника.

В госпиталь доставили тяжелораненого комвзвода из моей части. Леву Селиванова. Когда старлей после операции более-менее пришел в себя, я уже был у него. Опять наше расположение обстреляли из минометов духи. Внаглую, белым днем. К тому же «стингером» завалили летевшую нам на подмогу «вертушку». И не только нам досталось, кругом потери шли косяком.

– Мы в этой параше застряли по горло, старик. Мы уже не воюем, а спасаем долбаную нашу часть. Всем все надоело. Сколько же лет можно воду мутить. Потери, капитан, прут косяком. Кстати, доктор, бендежка твоя санитарная дотла сгорела. Благо, только там один отлеживался, поносник.

– Спасли? – спросил я.

– Да спасли, спасли. Увечило малость. Так что, если там у тебя какие личные вещи хранились, пиши пропало.

– Какие вещи?! – в сердцах выдохнул я. Альбом с фотографиями дочурки. Это жаль. Ну, еще письма из дома. Я ж все-таки надеялся, что вернусь в часть. А надо было бы, чтоб ребята привезли сюда, по случаю. Еще и подумал как-то, хотя с другой стороны, забирать все – примета плохая, если хочешь вернуться.

– Это забыть свое – плохая примета, – поправил старлей. – Вот ты мне скажи, доктор, исконопатило меня, похоже, крепко, но сами раны не болят, а вот в груди, как будто кол стоит. Воздуха не хватает. Я вот сказал своему лечащему. А он говорит – так и надо. Живой и радуйся. Ты-то радуешься, капитан?

– Не знаю, еще не понял. Досады больше. Ну болит, мать твою, куда денешься. Когда больше, когда меньше. Уже привык.

– Понимаю, капитан. Жаль, что мы с тобой сегодня не в форме, – осклабился вдруг в жалкой улыбке старлей. – А то б счас орден твой обмыли.

– Какой еще орден? – удивился я.

– Красной звездочкой тебя наградили, доктор. Замполит наш Чудов, не промах. После той вашей стычки с духами наградные послал. Как героически отразившим атаку противника. Так что к майским праздникам обещают. Дырочку-то не забудь просверлить, – сказал Селиванов и в глазах его сквозь улыбку блеснули слезы.

– На чем сверлить, – тронул я полу халата.

– Не бойсь, парадку к дембелю пришлю, – скосив глаз на мою ногу, сказал Селиванов. – Так я думаю.

– А Чудов как там? – спросил я, чтобы выйти из темы.

– Чудов-то?! А его и плешь не берет, землю роет. Хрен поймешь, кто у нас командир. То ли Семеныч, то ли он. Всех строит. Он уже господин подполковник. Во как.

– А вечером тосты? – усмехнулся я.

– Какие сейчас тосты, старик? Отгостился замполит. А бывало да, крутил веера. Папашкин, видать, опыт. Но ничего. Не стучит и славненько. Кстати говорил как-то, что ты его крестник.

– Ну, это он пургу нес. Какой там крестник. Еще сказать, кто чей...

... Той же ночью старлей Селиванов умер. Просто остановилось сердце. Устало...

Впрочем, ежели подводить итог моего пребывания здесь в госпитале, Мне было грех жаловаться на недостаток внимания со стороны друзей, близких и далеких к собственной персоне. Весточки шли ото всюду, даже от школьных товарищей. И, бывало, по две-три на день. Очаровашка Эмма, всякий раз, доставляя очередное послание адресату, не преминула заметить: «Любят Вас, Гавриил Алексеевич» и хитровато скосив глазки, добавляла: «Наверное, есть за что». Да и едва ли не каждый знакомый командированный в Ташкент мой коллега, считал своим долгом засвидетельствовать свое почтение мне лично, и что греха таить – под рюмку коньяка. И каждый раз – это был праздник!

Получил я письмишко и от своего тестя Сергея Сергеевича Федяева, отца, то есть, Галины, полковника теперь уже запаса. Послание, впрочем, на одной страничке. Но весьма убористо. А почерк – залюбуешься. Вот не смог недавний «начпрод» округа испортить свою природную каллиграфию накладными, дебетно-кредитными простынками и прочими казенными справками. Грамотность безупречная и каждый абзац в тему. О дочери, впрочем, вскользь – вроде того, что пашет дева на ниве отечественного здравоохранения, а после успешной защиты диссертации появилась возможность проявить себя на хорошей исследовательской работе. Зовут, однако, мою пассию и в руководящую номенклатуру. В личной жизни «блюдет» нравственность, ну и, само собой, ждет не дождется встречи. В общем, о всяких глупостях думать ей некогда, хотя и расцвела дева, прямо-таки цветочек. (Тут я не понял, к чему мой тестишко провозгласил сей румяный пассаж, но сердце тотчас тонюсенько отреагировало). Дальше бывший в большом авторитете вояка пунктирно пожелал мне «обрести себя на гражданке в новой действительности». И подытожил это место фразой, хотя и довольно банальной: «Главное – живой, а все другое поправимо». Тут я совершенно не понял, что собственно поправимо, но на душе стало тревожно.

Письмо, вроде как письмо. Душевно отметил старик. Но, черт возьми, каким-то приторным, где-то не очень искренним показалось оно мне. Я перечитал его дважды на одном дыхании и тревожная мысль всякий раз только усиливалась. Что именно поправимо? Моя нога и связанные с ней проблемы? Трудоустройство? Как он себе это представляет? Значит, что-то есть и еще, а что?.. Впрочем, почерк у бывшего «начпрода» все-таки отменный. В общем все так гладко, да так сладко, аж выть хочется.

Тридцать назначенных начальником госпиталя дней на «заключительный штрих» и доведение служивого до нужной кондиции дали результат. Ребята-инструкторы вложили душу по-моему по полной. На выписке я крепко, хотя и с помощью палочки, стоял на ногах. О костылях можно было забыть. Правда, с парадным мундиром со свеженьким орденом Красной Звезды (подоспел-таки гостинец Чудова) посошок в правой руке не очень монтировался, но, как гласит народная мудрость: «снявши голову по волосам не плачут». Проводы боевого офицера в красном уголке лечебного учреждения хоть и оказались скромны на кулинарные изыски, но все-таки выполнены были со вкусом. Ну, а чувств тем более было пролито много. Особенно, в тостах «за мощь и славу родного Отечества и его героических персоналий». Но то ли главное? Просто эти ребята в белых халатах, черт возьми, мои коллеги, вытащили меня из могилы, да еще и прочно поставили на ноги! А у моей крестной сестрички Эммы глаза были полны слез. И я не понимал, то ли от радости, от сознания выполненного

долга, то ли от предстоящей разлуки, теперь навсегда. Наверное, и то и другое. Только прощаясь со мной, она шепнула, нежно прислонившись губами к моей щеке: «Ежели что, я – ваша». «А ежели что – это что? – с глуповатым кокетством спросил я.

– Лучше б вас опять на войну отправили, – вдруг сказала она и лицо ее стало каменным.

– Это чем я вас так прогневал? Спасибо за гуманное пожелание, – все-таки нашелся я и прибавил с тем же кокетством. – Ну да понимаю, чтобы опять вернуться сюда. И видеть вас.

– Вы это поймете позже, – сказала еще эта восточная женщина и исчезла, оставив меня в изрядном недоумении. Благо, тут организовался новый гост и меня отвлекли.

Конечно, своими проводами я был бесконечно тронут, а если учесть, что мне подали еще и «персональный» самолет к назначенному часу и вовсе был сражен наповал. Ну, так же не бывает – летит служебный военный борт в Россию, по времени совпадая с моими проводами. Постарались ребяташки на славу. И главное – без афиш, сюрпризом. Из вещей – скромная дорожная сумка с восточными сувенирами – это близким. (Все на вкус Эммы и, разумеется, на мои деньги по положенному аттестату). Кстати, Родина неплохо компенсировала мои боевые заслуги и страдания. Сумма вышла приличная. Денег получилось много, но, вручая мне аттестат, старый служака-интендет заметил сухо с иронией: «Рано, капитан, радуешься. В России тоска. Надолго не хватит».

Провожала меня офицерская братва. Пять человек. Мой лечащий врач. Два командированных из Баграма старших офицера, один из них по поручению командования вручил мне орден. И еще парочка младших командиров – друзей по госпиталю.

У трапа дернули по наперсточку коньяку. Обнялись. И вот уже взмах руки: «От винта». А попросту «прощай Ташкент», «прощай Афган». Я припадаю к иллюминатору и вдруг вижу рядом с ребятами Эмму. Успела-таки к отлету. Она что-то кричит мне, но все штрихует рев моторов. И я читаю по губам, точнее пытаюсь прочитать, и у меня получается: «Я буду ждать».

Рев моторов усиливается. И вот уже качнулось крыло, самолет вырулил на взлетную полосу. Еще мгновение и легкий отрыв – и перед глазами такое вдруг бездонно-синее майское небо. Я жмусь к иллюминатору и вижу там, внизу, уже далеко-далеко маленькие фигурки людей – моих провожатых. И мне кажется, офицеры взяли под козырек. Прощай, армия!

3

В Москве пересадка. Если раньше я приезжал в столицу с «волнующим чувством бесконечной прелести очарования», то на этот раз я видел перед собой чужой, неухоженный город, серый от избытка походных масс, толчеи и бестолковости. И это в май! Всеобщая базарщина тупой своей неопределенностью угнетала взгляд – просто на лица моих славных соотечественников возлегла печать такой вселенской озабоченности, что хотелось выть. В подземных переходах попрошайки всех мастей. Все больше инвалидов военных действий и настоящих и прошлых, в старых гимнастерках или зачуханном кумуфляже. Но непременно с медалькой. Впрочем, от них несет не состраданием, а скукой. Тут я был, спокоен – такие формы не для моего душевного менталитета. Этому маскараду я знал настоящую цену. Зато красный цвет кумача под гигантским портретом Горбачева на очередном проспекте вызвал во мне странное чувство, то ли лубочной забавы, то ли детали психоза. И вот так, бегло суммируя все вокруг, напрашивался сам собой вывод: «Мы там воюем, а держава если еще не блюет, то определенно находится в предблеветном состоянии».

В магазинах все та же толкотня, безумные очереди. При одной только мысли

войти внутрь у меня перехватывало дыхание. У входа в метро все во что-то играют. И с государством и меж собой.

– Эй, служивый, поставь монету, – зазывает меня розовощекий удалец в кожанке.

– Поставь, не скупись.

– И получу живопись? – весело отзываюсь я.

– А ты поставь. Рискни. Кто не рискует, сам знает...

– Знаю, дорогой, долго живет. Хватит. Я свое отрисковал, – понянчил я перед ним свой костыль.

– Ну, выиграл же, – подхватывает мою реплику этот бодряга.

– Чего? – не понял я.

– Жизнь, служивый, жизнь! – подмигивает он мне. – Значит везучий. Повезет и еще.

Возле рядка телефонов-автоматов я останавливаюсь – надо бы позвонить тетушке. Сообщить, что вернулся, вот уже в Москве. О том, что я лежал в госпитале, она знает. И даже как-то прислала мне письмишко. Помнится, я ей ответил так же, как и всем остальным. О том, что мое ранение тревоги не вызывает и скоро вернусь в свою часть проходить дальнейшую службу. Конечно, можно бы звякнуть, обрадовать тетю. Но одним разговором дело не ограничится. И вряд ли я смогу отказаться от приглашения. А это – время. Лучше как-нибудь потом. Сейчас мне нестерпимо хочется домой. И чего греха таить – к жене любимой. Да, я уже тороплю время. Бегу.

Я ловлю такси и мчусь во Внуково. Мне плевать на заявленную цену. Просто, кивнув в знак согласия, я молча усаживаюсь на заднее сидение, как бы заранее страхую себя от вопросов. Я могу хоть на мгновение забыть Афган?! А водитель крепкий, коренастый мужичок в летах, так и норовит отстрелять меня взглядом в зеркальце заднего вида и задать вопросик. Да про Афган же, мать его... Конечно, на моей роже написано, что я оттуда. Да еще и эта инвалидская палочка-стукалочка. Но, я пока молчу и избегаю с ним встречи в зеркальце заднего вида. Хотя на всякий случай придерживаю фразу: «Хрен нас туда занес» и, полагаю, дальше будет уже без подробностей. Какие могут быть воспоминания о войне сейчас, когда уже все мысли о доме, встрече с женой. Если все уже позади и, кажется, так далеко. Однако во Внуково водитель берет с меня только половину суммы.

– Не понял, – удивлен я.

– Все нормально, браток. У меня сын в Кандагаре, – объясняет водитель.

И мне становится стыдно.

– Я служил под Баграмом. Но в принципе везде одинаково. Но я уверен все будет хорошо. Просто скоро все это кончится.

– Дай-то Бог, – подхватывает водитель вздохом и прячет от меня лицо. – Моего только отравили...

А у касс меня ждало разочарование. На ближайший, он же и последний, вечерний рейс билетов не оказалось.

– Вот только перед вами бронь отдала, – посочувствовала мне взглядом полноватенькая кассирша. – Только на завтра на утренний.

– Давайте, деваться некуда, – соглашаюсь я.

Купив билет, я отправился в гостиницу – от путешествия по Москве у меня чертовски разболелась нога. В номере, приняв душ, я рухнул в постель, предупредив горничную, чтобы разбудила утром за час до вылета. Но неожиданно проснулся в десятом часу вечера и, по-моему, от голода. Так что в ресторан я попал в самый разгар веселья. Играл оркестр. Выписывала под него вензеля публика, но не густо. Свободные столики были. А общий тон вечерки задавала компания преимущественно молодых людей. Они собрались в глубине зала, островком. Мой официант по заявленному на лацкане белого пиджака имени Слава, эдакий изящный юноша с тонкими

усиками, чудесно пахнувший парфюмом, принимая заказ, попутно поведал, что вот «нежданно-негаданно» нагрянули сотрудники одного из Московских НИИ, чтобы проводить своего коллегу в командировку, в Америку. И еще этот Славик предложил мне в качестве памятного сувенира, юную особу, некую Виолетту, скучающую за бокалом шампанского, через столик напротив. Но, по-моему эта самая Виолетта еще задолго до официального предложения начала пасти меня, считай с порога. И под ее назойливым взглядом я чувствовал себя неловко. От такого десерта я отказался, сославшись на недостаток времени, и если и омрачил этим Славу, то нежно. Я сразу перевел разговор на шумно провожающую сослуживца компанию.

– Странно, не правда ли? Ребята отправляют человека в Америку из Внуково.

– А может, здесь у нас погуляют и затем рванут в Шереметьево. К посадке, – предложил свою версию официант. – У нас дешевле и оперов нет.

– Маневр прямо-таки впечатляет, – вяло согласился я и улыбнулся себе. – Уж чего-чего, а оперов у нас хватает везде.

Впрочем, отужинал я спокойно. Скучающая Виолетта удалилась, не допив и второго фужера шампанского. Это был не ее день. Уходя, она сделала мне ручкой, точнее двумя пальчиками и я ее пожалел.

Только после ресторана меня поджидала тяжелая ночь в гостиничном номере. Сна не было. Нагрянул Афган со всеми подробностями. И потом это все мало-помалу переключалось в дрему, в эдакий полусон, полуявь. Обрывки воспоминаний своей чудовищной аранжировкой являли кровавые сцены: изуродованные тела, эдакий конвейер измученных страданием людей, в котором, к своему ужасу я находил и себя. Но весь этот адский мрак меня не будил, а наоборот, загонял вглубь, к еще большей мерзости. Впрочем, предстала почти подробно последняя стычка с «духами» по пути в Баграм, но в отличие от предыдущих картинок – эта оказалась мягче – такой щадящей отдушиной. Особенно когда я увидел дочь Маришку и старика Рериха. И только с появлением восточной красавицы Эммы, которая о чем-то со слезами на глазах умоляла меня, я начал выбираться из видений к свету. Веки наконец разлепились и предо мной возникло подернутое бледно-серым рассветом гостиничное окно.

– Черт, и всего-то выпил две сотки коньяка, – в сердцах пробурчал я и отправился в душ. И хотя до регистрации и посадки была еще уйма времени, ни о каком продолжении сна не могло быть и речи. Так что, когда горничная явилась меня будить, она встретила сидящего в кресле и при полном параде офицера с журналом в руках. Поздоровавшись, с явным изумлением в лице, она только и молвила:

– У военных свой будильник срабатывает точно.

– Все зависит от обстоятельств, – слегка позанудничал я.

... Регистрация и посадка – все как всегда. Слава Богу, хоть и май, но грозовые фронты в стороне от моей авиалинии. Так что «ноу смокинг» и пристегните ремни. Через каких-то пару часов я буду дома. Всего два часа – а сколько позади?! Возвращение всегда дольше, а если думать о том, откуда ты – вдвойне. Мыслей нет, то есть их так много, что не знаешь – какая из них важнее в данный момент. А чувство одно, но зато какое?! Всем чувствам чувство! Я еду с войны, я живой, живой, черт возьми! И вот уже под крылом самолета я вижу знакомые улицы и проспекты города моей любви.

На привокзальной площади шустрый таксист со знойным именем Аганес подхватывает мою дорожную сумку и под названный мною пункт назначения лихо берет «под козырек» черной своей копны.

– Афган, командир?

– Он самый, – согласно киваю я и сразу перевожу разговор. – Мы сможем по пути купить цветы?

– Это без проблем. С цветами у нас напряженки нет, – все-таки чертовски весел

этот Аганес. И немного поныряв в дорожной толчее и лихо откупорив пару дорожных пробок в центре, подгоняет к цветочному пятачку. Ну, сплошь из своих соотечественников. – Пожалуйста. Розы на любой вкус и цвет.

– Пусть будут розы. Но только не красные, – вздохнул я.

– Понял. Тогда будут белые, – решительно открывает дверцу Аганес. Я даю ему деньги. – Все сделаю в лучшем виде, капитан.

Розы Аганес выбирает придиричиво. Со своими соотечественниками здоровается в обнимку. И каждый предложенный вариант обсуждается на языке Кавказа темпераментно. И вот, наконец, он вручает мне цветы – ну просто роскошный, на длинных ножках букет в целлофановом блеске.

– Ну как формат, командир?! Люби не хочу. Еще и со скидкой, – так и фонтанирует радостью жизни этот Аганес. А запах... – и уже в салоне и уже серьезнее, говорит. – После Афгана, да? Рай! Кстати, если есть валюта, можно маленько-хорошенько отовариться к столу. Тут одно местечко имеется. Ну, там виски, икорка разная... Дефицит для своих.

– Спасибо, дорогой. С этим все в порядке, – отвечаю я. В самом деле, мои провожающие ребяташки прибомбили мне в Ташкенте спецпаек с полным арсеналом деликатесов. Тут я был спокоен. А бутылочку хорошего армянского коньяка мне презентовал сам начальник госпиталя. И заметил еще, хитровато: «Как коллега коллеге». Надеюсь, у моей суженой найдется что-либо в праздничное «ДП», помнится, хозяйкой-то она была запасливой, – подумал я уже в откровенном нетерпении. Сегодня четверг. Можно устроить вечер на двоих, так просто «вечер на двоих». А официальную встречу с друзьями на выходные... Сладкие мысли еще сильнее озаряет голос знойного кавказца.

– Прибыли, командир. К какому подъезду подавать?

– А вот к тому, четвертому, – указываю я рукой и ловлю себя на волнении. Странно, в довольно людном дворе ни одной знакомой физиономии.

– Есть! – таксист лихо подгоняет к парадному входу и помогает мне выгрузиться. – Что-то не вижу духового оркестра и радости на лицах встречающих. Или так задумано?

– Так задумано, – отвечаю я и с грустью нахожу идею с неожиданным явлением фронтовика пред ясные очи возлюбленной полным блефом.

Аганес подает мне руку.

– Ну, будь здоров, командир. Если кто обидит, ты знаешь, где меня найти. – Он останавливает взгляд на букете. – А розы?! Я тебе завидую, командир. Ой, что будет, что будет!

– Спасибо, дружище. Ты меня освежил, – говорю я.

– Как горный ветерок, да? – подмигивает Аганес. – И вдруг мрачнеет. – Эт ты Богу скажи спасибо. Ему важнее. А я так, извозчик.

Легкий вскрик сигнала и автомобиль исчезает, оставив меня у закрытой двери моего подъезда, в полной пустоте и недоумении: «Господи, как же долго я ехал».

...Я хочу вот так, одним махом взлететь на третий этаж к своей квартире, но не получается. И дело не в ноге. Какая-то сила придерживает меня и еще – сердце. Оно как будто не во мне, а рядом, я чувствую его тормозящий пульс, да такой, что на очередной лестничной площадке останавливаюсь, перевожу дыхание. И вот она – моя родная дверь, ничуть не тронутая временем, с той же тонкой микротрещиной посередине! И все тот же коричневый кругляш звонка с белой кнопочкой внутри. Я гляжу на часы – время обеденного перерыва. Галя обычно приходила на перерыв. Несколько коротких сигналов и один длинный – так всегда звонил я. Это мой пароль! Молчание... Я повторяю вызов и опять тишина. «Не пришла. И сердце не подсказало», – пронесится в мозгу. Надо как-то скоротать время до ее прихода. А

еще лучше, позвонить ей на работу – какие теперь к черту сюрпризы. Конечно, я огорчен. Я задерживаю взгляд на букете и тоска, та самая, уже подзабытая, госпитальная тоска, заполняет душу.

Я звоню в дверь напротив – молчание. Затем в соседнюю. Я делаю длинный, ну просто нахально длинный сигнал. Кажется, здесь живет инвалид Барков – уж он-то должен быть дома. Мне очень нужен телефон. Надо элементарно отловить Галю в клинике. Я бросаю взгляд на букет, психую: «Не торчат же мне здесь, сушить этот веник?!». Наконец, за дверью возникает движение – щелчок и появляется девушка. Сначала я вижу ее волосы – пышные, до плеч, каштановые кудри, а уж потом глаза. Вот у меня всегда так, лицо вторично, вначале – что на голове. А в глазах улыбка на грани изумления. Вероятно, я своим общим нетерпеливым выражением, да еще с этим букетом, выгляжу анекдотично, как заблудившийся дамский угодник. Но я все-таки говорю достойным тембром:

– Здравствуйте. Тут раньше жил Николай Николаевич Барков.

– Так вы к нему? – удивлена девушка.

– Да нет, я в квартиру напротив, – кажется, у меня от волнения пышет лицо. – Понимаете, я муж Галины Сергеевны, вашей соседки. Я приехал, а ее нет дома. А, помнится, тут жил Барков. Я хотел от него позвонить.

– Ну, так бы сразу и сказали. Вам нужен телефон, – немного разочарована хозяйка.

– Да вы проходите. А Барков умер. Теперь это моя квартира. Убитую однушку мы купили у его родственников.

Мы стоим в коридорчике – кажется, у этого инвалида Баркова всегда дурно пахло. А сейчас здесь свежо. Хозяйка увлекает меня в небольшую прихожую. Встроенный шкаф, овальное зеркало, инкрустированная тумбочка под ним. А на ней белый аппарат телефона.

– Вот, пожалуйста. Так вы – муж Галины Сергеевны? – спрашивает она и мне кажется, что у нее какой-то совершенно нездоровый блеск в глазах. Впрочем, эти глаза я уже где-то видел, что-то связано с ними. Что-то очень, очень близкое.

– А почему Вас удивляет, что я муж Галины Сергеевны? – спрашиваю я.

– Да, ну что Вы! Сама не знаю, почему спросила, – ответила девица, но по-моему не очень искренне. – А что ж вы не предупредили супругу о своем приезде. Хотелось сюрпризом да?

– Именно им, – согласился я.

– Вы точно из Афганистана.

– Ну..., – замялся я с ответом.

– А оттуда все чудики возвращаются. Мой брат тоже недавно вернулся, без опознавательных сигналов, как с неба свалился. А маму сердечный приступ хватил.

Тут я чувствую, мне мешают цветы.

– Вы извините...

– Аня, меня зовут, – улыбается девушка. – такое простое русское имя.

– А меня Гавриил, ну Гавриил Алексеевич, теперь еще один ваш сосед.

– Давайте цветы, я пока поставлю их в воду. Они же вам мешают, правда? – догадывается девушка.

– Правда. – Я вручаю ей букет и она уходит с ним в комнату. А я набираю номер и, пока идут гудки, все пытаюсь вспомнить, где я видел эти глаза.

– Слушаю? – наконец перебивает мои мысли хрипловатый женский голос.

– Мне бы Галину Сергеевну Апраксину...

– Воспитанные люди сначала здороваются, – ворчливо одергивает меня абонент.

– Ох, извините, здравствуйте...

– А она здесь не работает. Две недели, как ее назначили главным врачом центральной городской больницы.

– А вы не могли бы дать ее служебный номер, я ее...

– Не уполномочена... – щелчок и короткие гудки.

– Узнаю родное здравоохранение, – в сердцах говорю я, а хозяйка за моей спиной уточняет:

– Не дозвонились.

– По крайней мере узнал, где она теперь работает. Главный врач горбольницы.

– Ну, так тем более это просто. По справке. – Кажется, мою гордость в голосе за жену Анна проигнорировала.

– Да я тоже так подумал. Наверное, по справке. И решил. Сюрприз пусть остается сюрпризом. Так что спасибо вам, я пойду. Где-нибудь скоротаю остаток времени. Скоро рабочий день закончится. Больше ждал.

– Ну и не так уж скоро, – взглянула на настенные часы соседка. – А знаете что, оставайтесь. Отдохните. Ну, куда вы пойдете?.. Мне совсем несложно приютить защитника Отечества.

– Думаете? А это удобно? – я определенно испытываю неловкость.

– О чем вы говорите?! Не так часто ко мне в гости даже случайно заглядывают вот такие герои, – тут эта соседка Анна явно кокетничает. – Так что оставайтесь и будьте, как дома.

– Спасибо. Убедили. Извините, а у вас что, выходной сегодня? – спросил я, чтобы как-то избавиться от застрявшего занозой в мозгу словечка «герой».

– Да нет. Обыкновенно удрала с работы.

– Ну да! Разве так можно? – Я удивился скорее искренности, чем поступку.

– Я работаю бухгалтером в аэропорту. Пошла в налоговую и всякие там финорганы с бумагами. А так как все знают, что там везде очереди, то это, как правило, затягивается на весь день. Социализм – это же учет, правда?

Я пожал плечами: «Наверное».

– Но мне повезло, я все документы сдала в числе первых. Вот и решила устроить себе выходной.

– А такой маневр не опасен для вашей репутации? Вдруг кто стукнет?

– И такое бывало. Но я в своей организации на доске почета красуюсь, как общественник. У меня культмассовый сектор.

– Ну, это, конечно, аргумент, – улыбнувшись, только и развел я руками.

– Ой, а что мы здесь стоим?! Проходите в комнату. Вот сюда, пожалуйста, – засуетилась хозяйка, уступая мне проход.

Тут я оказываюсь в большой со вкусом обставленной комнате. Орехового цвета стенка, мягкие кресла, диван, на полу ковер.

– А у вас уютно, – заметил я.

– Ох, если бы вы знали, что тут было? – воскликнула хозяйка.

– Догадываюсь. – Квартиру инвалида Баркова я помнил.

– А знаете что, я предлагаю караулить вашу жену и обедать. Как раз время. Только, пожалуйста, не говорите, что вы не голодны.

– Не скажу, – улыбнулся я. – Но идея караулить на брудершафт мне нравится.

– Тогда я на кухню. Китель-то снимите. Я уже знаю, что вы герой, – советует мне эта Анна-Анюта и в глазах ее вспыхивают лукавые огоньки.

– Есть снять! – Я подал ей китель и сказал, теряясь в смущении:

– Я так понимаю, Анечка, вы не замужем.

– Правильно понимаете. Была, – глаза ее вдруг роняют блеск.

– Извините...

Анна нашла место моему героическому кителью среди своей одежды в шкафу-стенке. И, взглянув на меня, решительно заявила:

– Расслабьтесь, капитан. Никуда ваша жена не денется, заберет вас у меня целехоньким и как вы хотели – сюрпризом.

– Думаете? – Меня определенно начала забавлять эта дева с очень знакомыми глазами.

– Уверена. Ну, я на кухню. А вы отдыхайте. Диван к вашим услугам.

– Нет, так не пойдет. Я тоже с вами на кухню. Может моя помощь потребуется, – сказал я и шагнул за ней.

На кухне Анна усаживает меня на белый пластмассовый стульчик, а сама открывает холодильник, минуту чего-то там себе морокует и озвучивает: «Есть суп-лапша. Куриные котлеты. Ну, это из тяжелой артиллерии. Еще салат «Оливье», правда, вчерашний. Сыр, колбаса «Московская», ну и всякая чепуха в баночках типа «сайры», «шпротного паштета». И, обернувшись, говорит мне:

– Надо подумать с чего начать, да? Гость у меня неожиданный.

– Точнее незванный, а он, как известно...

– Дерзить извольте, офицер, – не принимает мою шутку хозяйка, а я отмечаю для себя, что ей к лицу этот пестрый, укороченный халатик. Да еще эти густые, необыкновенно вьющиеся, вольно разбросанные по плечам волосы. «И глаза – господи, где же я видел эти глаза?». Конечно, такая женщина, да нет, еще девушка – подарок судьбы, – отмечаю я себе, и тотчас внутренний голос опротестовывает: «Это ты сощурился по женской ласке, капитан. Она обычная».

– ... Да, а что будем пить? Где-то у меня была бутылочка шампанского. Осталась со дня рождения. Мои тут из отдела нагрянули с поздравлениями. Погудели чуть – так и воркует хозяйка. Майская я. Вот и маюсь свой век, то есть, начало положено. Итак, будем пить...

– Коньяк армянский, – подхватываю я и шагаю к своему саквяжу у входной двери. Там я беру бутылку и попутно баночку черной икры. Конечно, меня немножко «душит жаба» – это ж к столу любимой. Но лажаться не стоит, – уверенно говорю я себе. – До прихода жены уйма времени. А если еще и с ее административной задержкой – того больше. Его же надо прожить с этой неожиданной дамочкой-соседкой достойно.

Словом, коньяк и икру я кладу на стол как само-собой разумеющееся.

– Даже так у нас будет? – удивляется Анна. – Вообще-то я девушка неизбалованная. Душно, правда?

Она открывает форточку.

– А хотите квасу? У меня мама специалист по квасу. Она делает его на меде.

– Можно и квасу, – и я с удовольствием пью этот охлажденный напиток из удлиненного бокала, пока хозяйка штурмует стол.

– Сейчас мои подружки заняты или карьерой или женихами, а я ни тем ни другим, – воркует она, как будто сама с собой. – Мне все равно. Как будет, так и будет уже. Мне пока двадцать пять...

Тут она оборачивается и чуть задерживает на мне взгляд.

– ... Никакие советы не принимаются.

– Боже, упаси, – роняю я, ни черта не поняв, о каких советах идет речь. Только в эту минуту я нахожу в ней бездну обаяния.

– А сколько вам, капитан? Тридцать?

– А сколько не жаль, столько и будет, – шучу я. – Немножко не дотянул до майора.

– Главное – голова цела, – серьезнеет девица. «Вроде, мне уже кто-то это говорил» – мелькает в мозгу. – Тут вдруг Анна срывается к выходу. – Я все-таки приоткрою дверь на цепочку. Чтoб нам слышно было. А вдруг ваша супруга появится раньше. Вот убежит с работы. Сердце позовет.

– Я тоже об этом думал. Ну, мы ж пригласим ее за стол? – бросаю я вслед.

– Принепременно, – живо соглашается соседка и скоро возвращается с блеском в глазах и чувством выполненного долга. – От старого жильца цепочка на двери осталась. Все хотела выбросить, а вот пригодилась.

Наконец стол накрыт. На кухне – случайное знакомство не предполагает широких проектов. Все хоть скромно, но с чисто девичьим изыском. С бутербродами, поджаренным хлебом и даже затерявшейся так кстати, коробкой конфет «Ассорти». Но, главный тост, конечно, за славное прибытие славного воина и, стало быть, за его здоровье. Потом и так далее тосты «за нас – красивых». Конечно, разговоры о службе, о близких и далеких. Но весь я там, у дверей на цепочке. Конечно, шумы на лестничной площадке возникали, но это были соседи, а может и чьи-то гости, но не моя Галя. Я метался от стола к двери, жена явно задерживалась, за окном уже потянулись сумерки. Тут соседка искренне мне сочувствовала. После уж какой по счету мензурки коньяка она поведала мне печальную историю своей первой любви и своего замужества. Супруг – военный летчик-испытатель погиб. И совершенно нелепо. Было это три года назад. Она только что закончила институт экономики и финансов. А замуж вышла еще на четвертом курсе. Юрий, так звали ее избранника, служил на Севере и решили молодые, что заберет ее сразу после окончания института.

– Приехал. Столько радости было. Лето. У родителей свой дом с садом, вот в саду и столы накрыли. Гостей пригласили. Папа как раз из плавания вернулся – он у меня старпом на сухогрузе, в загранку ходит. У мамы отпуск начался, большой, учительский. Все сложилось. Считаю, свадьба. А в разгар веселья приехал меня поздравить мой школьный товарищ на мотоцикле. Ну Юра и попросил прокатиться. И не сильно выпивший был. Два квартала проехал, а тут грузовик вывернул. Удар был такой силы... И все. Как пережила, не знаю... Вот такая моя судьба–судьбинушка, – заключила Анна и на глазах ее выступили слезы.

Говорить что-то в таком случае я посчитал неприличным – просто на этот миг мои проблемы с томительным ожиданием супруги показались мне мелкими и недостойными. Я лишь взял ее руку в свою и мы долго молчали. Затем Анюта капнула себе коньяка и залпом выпила.

– Я вот только стала в себя приходиться. Ну, хватит об этом. А то я вам всю обедню порчу. У вас праздник возвращения. Встреча.

И в этот момент мы оба услышали шум в подъезде – сердце вздрогнуло, я абсолютно был уверен, что это моя супруга. Только вот по ходу движения, мне не показалось, нет, шли два человека.

– Это она, – сказал я и метнулся к двери. Кажется, они уже были близко, когда я окончательно понял, что моя супруга с мужчиной. И я тотчас захлопнул дверь.

Подошла Анна и недоуменно спросила:

– Она? Но зачем вы закрыли дверь?

Я приложил палец к губам и Аня, поняв, согласно кивнула. Глаза ее сначала выруглились в изумлении, а потом как-то сразу печально заострились. И я, наконец, узнал их – это были глаза очаровашки Эммы, моей сестрички из госпиталя.

– Вообще подслушивать не прилично, – прошептала Анна.

Но я упорно держу палец на губах.

–... Ну, все, довел, тут уж меня точно никто не украдет. – Голос жены. – Спасибо за хороший вечер.

– Может мне остаться? – басок мужчины.

– Я устала, Семен. Столько разных событий.

– Ну, приятных же. Ты уверена, что я сегодня тебе не нужен? – легкий смешок.

– Еще не поздно, одиннадцатый час.

– А вдруг мой придет?

– А, может, уже приехал и ждет там за дверью, прислушивается к каждому шороху, – все так же с игривой усмешкой говорит мужчина.

Тут мы с Аней переглянулись. Аня покачала головой.

– Ключей он не брал, а соседям мы никогда на хранение не оставляем. Хотя по всем срокам Гавроша должны выписать. – Ну нет, он бы сообщил телеграммой, чтобы встречала. Надо было все-таки позвонить. Да тут же с этой работой, погрязла, столько всего навалилось...

– Работала б у нас на кафедре и никаких проблем, – перебивает мужчина...

– В общем, не знаю, сообщит не сообщит. Мало ли что в голову взбредет инвалиду после такой контузии, – проговорила Галя как бы себе.

Мы опять с Аней переглянулись. Лицо у нее бледное, представляю – каков я?! Еще мгновение и не выдержу.

– И что ж будем делать? Дальше-то как? – напористо спрашивает мужчина.

– Как-как? Ты ж мне не оставил выбора. Успокойся, – отвечает жена.

Тут Анюта лезет к глазку. Я придерживаю ее за руку. «Да все равно не видно, они уже у самой двери», – шепчет она мне.

– Я думаю, мы неплохо отметили твое назначение, – говорит мужчина.

– Очень хорошо. Я довольна, – подхватывает моя жена и следом возникает долгая пауза. Мы, переглянувшись, понимаем, что там целуются.

– Ну, все. Съел мою помаду. Спокойной ночи.

– До завтра...

Щелчок открывшейся двери и шаги удаляющегося человека.

Кровь ударила в лицо, и я рванул к двери, но Анна закрыла ее собой.

– Так, офицер, спокойно, – берет она меня за обе руки. – Вы сейчас можете надевать много глупостей, о которых будете жалеть.

– Пустите, прошу!

– Нет и нет, – придерживает меня взглядом соседка и я нахожу в глазах решимость. – Сейчас медленно перемещаемся в большую комнату – там воздуха много, дышать легче и будем долго разговаривать.

– О чем? Понимаешь, я ехал к ней с войны. – Еще секунду и мое мужское самодлюбие выльется в какую-нибудь отвратительную мерзость. Я отшвырну эту стоящую напротив девицу, рвану дверь, и вломлюсь к ней, единственной, о которой так грезил! Я устрою разбой, дикий и беспощадный.

– У меня не было ни одной женщины, кроме нее. Никогда! Понимаешь?! – с гортанным хрипом вырвалось у меня.

– Понимаю, миленький мой сосед. Очень понимаю. Только, истерика вам не к лицу. – Аня все-таки проталкивает меня в большую комнату, усаживает на диван и не отпускает моих рук. – Успокойтесь, что собственно случилось? Баба изменила.

– Не баба, а жена, – сердито поправил я. Хотя бы во имя памяти нашего ребенка. Как она могла?!

– ... Памяти ребенка? – удивленно переспросила Анна.

– Да, дочь у нас умерла и не так уж и давно. Случайная травма головы. Три годика было моей Маришке.

– Значит, тем более Бог отвел тебя от этой женщины. Ничего у нее не было к тебе. Ей могло показаться. Любовь не умирает, если это любовь. Может я наивная дура. Все же не могу представить, как бы я могла изменить своему мужу. Вот ты ее прими такую и урони.

– Урони?! Красиво говоришь. Урони... Кажется мы перешли на ты, – с усмешкой заметил я, чувствуя как все-таки ослабевает во мне нерв и наступает какое-то тупое наркотическое равнодушие. – Конечно, зачем ей инвалид, если есть вполне здоровый, на крепких ногах, самец. Ты слышала, он ей выбора не оставил.

– Не унижай себя, Гавриил Алексеевич. Ну, какой ты инвалид? Живой, здоровый, интересный. Хватит плакаться. Как мальчишка. Ты ж войну прошел... Войну...

И вдруг меня начинают сотрясать судороги смеха. Я понимаю – это истерика. Но я хватаюсь за живот и сквозь собственный гортанный хохот пытаюсь что-то выразить:

– Мать твою, ха-ха как в анекдоте. Таким, ха-ха, дешевом-дешевом. Муж возвращается с командировки и застаёт жену с любовником. Ха-ха это слышишь Анечка, про меня! Я такой вот убогий подкараулил свою красавицу жену... Ну анекдот, кому скажи...

А Анюта смотрит на меня в упор и не смеется.

– Нажраться, что ли... – тупо торможу я и мне вдруг становится стыдно.

– Все? Еще скажи – пойти поколотить. Не разочаровывайте меня, офицер.

– Да все я понимаю. Нервы. Прости меня.

– Ты так говоришь, как будто жизнь прошла. А по большому счету все только начинается, дорогой мой сосед. Сам говоришь – с войны приехал.

– И все-то ты знаешь, девушка Аня. Начинается, – улыбаюсь я ей. Нет, что не говори, а ее слова – бальзам. Трудно представить, как бы я смог пережить этот свой «сюрприз» без нее. Только что делать сейчас, сию минуту. Ведь, черт меня возьми, я все-таки хочу ее видеть. Я все-таки ее люблю.

– Ну, сегодня ты к ней не пойдешь, – читает меня соседка. – Сейчас я предлагаю, капитан, выкупаться с дороги и на сон грядущий принять рюмашку. А утром на свежую голову посмотрим.

– Чего смотреть? Я трудно себе представляю встречу с ней, – голос мой дрогнул. – Хотя все равно придется. Идти-то мне некуда. Разве я мог подумать, что так получится. Сюрприз... мать твою. – Ну все, все, успокойся. А выйдем мы завтра утречком вдвоем. Подождем, когда она соберется на работу, и встретим ее на лестничной площадке, как бы случайно.

– Не понял, ты хочешь выйти со мной из своей квартиры? – Я таращу от изумления глаза. – Это значит, я ночевал у тебя? И не побоишься? Взять такую ответственность. Нет, Анечка...

– А я не сделала ничего такого, за что мне было бы стыдно. Чего мне бояться? А вот она пусть задумается. Я ее не раз видела. Мы здороваемся по-соседки. Интересная женщина. Не скрою. Но зачем вот так... Я решила. Все.

Я по-мужски жму ее руку. И не могу сдержать восторга.

– Ну ты, Анюта, стратег! Такие жертвы.

– Допустим, это еще не все мои достоинства, – как-то плутовски повела глазами соседка. Но моя похвала в форме «стратега» ей определено понравилась. Ну а сейчас – ванная и сон, товарищ капитан. Вот здесь на диване я вам и постелю

– Я полагаю, ты на нем спишь. Я и на полу прилягу, – возразил я.

– Митинговать не будем. На кухне диванчик, я на нем умещаюсь. Уж как-нибудь скоротаю ночь. Сменное белье, надеюсь, у вас есть.

– Мы опять на вы? – перебил я.

– «Ты, «вы», сейчас это не важно. Просто, капитан, надо выспаться и привести себя в порядок. Впечатлений много. Расслабься, пока я подготовлю ванную. Сразу предупреждаю – напор душа слабый. Все как-то не получается пригласить сантехника. Ну а все необходимые прибабасы – шампуни и прочее, на месте. Так что готовьтесь, Гаврош...

– Никогда не называй меня так, – сказал я.

– Понимаю, это ее эксклюзив, – поскущнула Анна-Анюта. – Может, еще помиритесь.

– Ну, это вряд ли. Ты же слышала, у нее нет выбора. – Я шагнул к ней. Знаешь, Анечка, ты просто молодец. Я б тебя с удовольствием сейчас поцеловал. Вы же, мадам, меня спасли.

– Давай как-нибудь в другой раз с поцелуями. Без повода, – легонько отстранилась от меня Анна и вышла из комнаты.

– И откуда ты взялась, мать Тереза, – прошептал я.

... В самом деле, душ в ванной напором не баловал, а жаль – напор струи успокаивает нервы. Впрочем, возился я долго – проблемная нога требовала особого отношения. Но, в принципе, выкупался нормально, даже почувствовал некую легкость в теле, так что удар пережитого слегка притупился. Из кухни выглянула Анна.

– С легким паром, – улыбнулась она. – Я там постелила. Подъем в шесть, по будильнику. Спокойной ночи!

– Спокойной...

На тумбочке возле дивана под светом лампы стояла наполненная коньяком рюмка, а сверху маленький бутерброд с икрой. Такая деталь меня тронула до слез. Я взял рюмку, но, подумав, оставил – как-то теперь не монтировался этот поток благороднейшего напитка с темой вечера. Я выключил свет, лег и мгновенно провалился в сон.

Будильника я не слышал. Я почувствовал легкий толчок в плечо, открыл глаза и увидел пред собой Анну. В голубой утренней дымке, в светлом халатике она... почудилась мне Эммой – госпитальной сестричкой – сходство было просто поразительным, я даже попытался смахнуть рукой видение.

– Доброе утро, капитан. Время, – сухо по-деловому сказала Анна и вышла.

– Доброе, – бегло ответил я, соскальзывая с дивана и мгновенно с головой окунаясь в действительность, почувствовал первый, пробный удар тоски. И в следующую секунду навалилось вчерашнее... Галя. Я надел брюки, встал. У дверей ванной встретил Аню.

– Я почти не спала. Все думала, думала. Раньше будильника вскочила. Не торопитесь, пока время есть.

– Мы опять на «вы»? – спросил я, отметив себе, что Анюта уже успела привести себя в порядок. Макияж, детали. И, несмотря ни на что, вид свежий.

– На «вы на «ты», я еще путаюсь, – ответила она, трогая улыбку краешком губ. – Кстати, завтрак уже на столе. А коньяк так и остался целехонек...

– Зачем? Один я не пью.

За завтраком Анюта сказала, что время уже побежало и расслабляться не стоит. Супруга моя – руководитель, а всякий уважающий себя начальник, должен появляться на рабочем месте раньше своих сотрудников. Плюс дорога.

– Я все посчитала, нам надо стоять...

– На стреме, – подхватываю я.

– Ну да, без четверти семь.

– Есть стоять на стреме без четверти семь! – живо соглашаюсь я.

– Странно, а чему вы радуетесь? – удивлена Анюта.

– Не знаю. Это так, эйфория после шока. Пытаюсь бодриться, – честно признаюсь я. В самом деле, тяжесть в груди по-прежнему не отпускает. Но той острой боли все-таки нет – сейчас просто волнение и печаль в тупом тандеме. Ну а вчерашнюю рюмку коньяка, может и для храбрости, я выпил.

И вот мы у двери. Аня заранее ее приоткрыла, то есть сняла все преграды, и мы твердо заняли позицию. Вдруг Анюта сорвалась с места, нырнула в комнату и оттуда вернулась с моим букетом белых роз.

– Забыли, – шепнула.

– Еще чего?! – психанул я. – Верни на место.

– Вернуть, так вернуть. Спасибо, – ответила Анюта и хорошо мне улыбнулась.

Пошел восьмой час.

– Что-то не торопитесь ваша пассия, а я точно на работу опоздаю, – занервничала

Анюта. И только она это провозгласила, щелкнул дверной замок – сомнений не было – из нашей квартиры.

– Подождем, пока закроет дверь на ключ, – шепнула мне Анна. – Держись, только держись. И сделай нормальное лицо, а то, как мертвец.

Тут я ловлю ее взгляд, полный какой-то очарованной жертвенности и мне становится легко – если так смотрит женщина на мужчину – жди подвига. Впрочем, стоит ли обольщаться на сей счет, всякая жизнь обещание...

4

Поворот ключа, щелчок, еще щелчок. Пауза – это моя супруга прячет ключи, а я нервно трогаю козырек фуражки. Очередной удар тоски, как девятый вал, едва ли не сносит крышу и какое-то мгновение я следую за своим сомнением, но вот Анна-Анюта резко распахивает передо мной дверь и мы дружно, ну просто обворожитель-но-ласково вытряхиваемся на лестничную площадку.

– А вот и моя Галя, – говорю я с откровенно придурковатой иронией и, перекрывая всяческую возможность развития любопытства супруги, тотчас обращаюсь к Анюте. – Познакомься Аннушка – это моя жена Галина. Тут я лезу нагло целовать супругу, и мне явно мешает козырек фуражки. А Галя отступает, воротит лицо. На нем и неловкость, и вопрос одновременно.

– Ты как здесь?

– А мы немножко знакомы, по-соседски. Здравствуйте Галина Сергеевна, – мягко так вступает позади меня Анюта.

Черт возьми, кажется, мы идет верным курсом, ибо на лицо моей суженой ложатся тени, а в глазах начал свою работу нерв, заметался – от сомнения к досаде, а от нее к самолюбию. «Чует кошка, чью мышку съела», ловлю я себя на дерзкой мысли и мне вдруг становится ее жаль. Просто в эту минуту моя жена – эдакий образец зрелого женского обаяния, ухоженности, обыкновенно проигрывает молодости Анюты, какой-то особой чувственной ее простоте. Она пытается смотреть на соседку снисходительно, с вызовом и не может скрыть задетого самолюбия. А соседку мою так и несет:

– Знаете, Галина Сергеевна, мы вас вчера долго ждали и столько хорошего ваш муж рассказывал о вас. Он очень хотел вам сюрприз сделать неожиданным своим приездом.

– А сделал, похоже, вам?! – обретает, наконец, дар речи моя жена.

– О чем ты, Галя? – тотчас нахожусь я – Тебя не было дома, я заглянул к соседке позвонить от нее. Не дозвонился. Ты же теперь большой начальник.

– Это я понимаю. А вы уж, милочка, проявили заботу и по полной программе. До самого утра, – ядовито блеснули глаза жены в сторону Анюты.

– Ну, знаете ли? Оставлять защитника Отечества в ночь на лестничной площадке – это не гуманно. Не караулить же вас, когда вы вернетесь, – капризно возразила соседка.

– А вы караулили, значит? – лицо моей суженой сминает гримаса вымученного любопытства и тревоги. «Ай да молодец, дева, ай да bravo», – возликовал я. Намек моя проглотила.

– ...А человек устал с дороги, да еще и акклиматизация, – так и шпарит текст Анюта, ну прямо-таки, на бис. – Пришлось создать все условия. По-христиански...

– Да-да, только по-христиански, – попыталась съязвить жена, но укол не прошел. На Анютином лице улыбка – сама искренность. – Что ж, спасибо Вам, за доставленные хлопоты.

– Ну, что вы. Я от души. Знаете, Галина Сергеевна, у вас муж хороший человек. Такой настоящий. Я вам очень завидую.

– А ты-то, что молчишь, защитник Отечества? Поблагодари соседку за приют, – все-таки не может выскользнуть из бабьих разборок моя супруга. – Или ты уже поблагодарил?

– Ладно, разбирайтесь без меня, – шагнула к лестнице Аня. – Я на работу опаздываю.

– Да-да, спасибо Аня, всего доброго, – совершенно обнаглел я. – Ну ты, Галя, может, откроешь мне все-таки дверь. Я домой приехал.

– Не узнаю тебя, Гаврош, – пытается вставить ключ в замок моя жена, заметно нервничая. Конечно, ее мучает вопрос: знает или не знает муженек о полюбовнице?

– Ты это о чем? – не понял я.

– Чужой какой-то ты стал, – наконец щелкает ключ в замке.

– Ну там, где я был все объясняет. – Я сужал ответ до минимума. В голове который уж раз отзывается эхом: «Ты ж мне не оставил выбора». И я ловлю себя на том, что мне все время хочется спрятать от нее глаза. Но, слава Богу она, наконец, отпирает дверь и пропускает меня вперед.

Мы заходим в квартиру. Галя включает свет в прихожей и, придирчиво оглядев меня сверху донизу, спрашивает:

– Как нога? Откровенно говоря, я ожидала худшего.

– Нормально. Дефект есть, но с ним, мне пообещали, жить можно. Вот и сувенир на память, – встряхиваю я палочкой и, кажется, только в эту секунду наши глаза встречаются. Возникает неловкая пауза.

– А это тот самый обещанный орден, о котором ты писал? – касается Галя пальчиком награды, разряжая мгновение.

– Может, все-таки поцелуемся? – игнорирую я вопрос.

Жена, наскоро улыбнувшись, подставляет мне щеку: «Губы накрашены». И я мгновенно вспоминаю укол: «Съел мою помаду». Но поцеловал, чего уж.

– Я очень тороплюсь, Гаврош. У меня серьезная планерка с представителем горкома. Ты тут как-нибудь сам. Еда в холодильнике. Ванна на месте. Хотя тебя, наверное, и выкупали и накормили.

– Кофе пили, – совершенно проигнорировал я ехидство супруги. – Ну ты иди, опаздываешь...

– Да, конечно, бегу. Все подробности потом. Я постараюсь выбраться пораньше..., – говорит она уже на лестничной площадке.

«Старик, разве о такой встрече мечтал ты там?» – произношу я вслух, когда шаги Галины истаяли вконец и стало тихо, ну просто зверски тихо вокруг. Я сел на стульчик у входа – мне предстояло снять свою ортопедическую обувь, натянуть, если получится, старые комнатные шлепки и, по крайней мере, для начала обойти все свои, некогда родные углы. Встретиться со знакомыми вещами и задохнуться, наконец, запахами такой, кажется, уже далекой и такой желанной жизни. «Галя, как она могла?!» – рвет душу настоящее. Как же не хочется этих предстоящих объяснений, разборок, лжи. «Лучше бы тебя отправили на войну», – вдруг вспомнилась мне жесткая реплика Эммы. Да-да, лучше бы. Но я вот дома. А дома нет. Потому что в нем нет и никогда уже не будет любви.

... Я снимаю, наконец, обувку, нахожу в тумбочке свои древние шлепки и медленно, но впрочем, безо всякого вкуса обхожу квартиру. Все на месте, как и давным-давно, даже запахи. Только в нашей с Галей спальне я задерживаю взгляд на большой, цветной фотографии дочери у двери. Маришка держит в руках мяч и широченно улыбается миру. И я чувствую, как наливается в уголке глаза, тяжелеет слеза... И тогда я снимаю китель, отворачиваю край покрывала и, рухнув на постель, зарываюсь в подушку.

«Да жив ли я, господи?...»

... Я проснулся от яркого света. У кровати, уже в домашнем халате стояла жена.

– Поднимайся, Гаврош. Вечер. Будем ужинать.

– Сами или ты уже пригласила гостей? – не отнимая головы от подушки и медленно обретая себя, несущая явный вздор. Какие гости?!

– Пока сами. Папа обещал прийти, но не смог. Он говорит, что тебе несколько раз звонил, но так и не дозвонился. Ты спал мертвым сном.

– А может я продолжаю спать этим способом? – поднимаюсь наконец я.

– Ну, тебе виднее, – усмехается супруга. – Давай в ванную, освежись и к столу.

– Праздничному? Со свечами? – по-моему, мой голос нервно дрожит – это все пережитое, затопталось, задергалось, закривлялось перед глазами. – Значит у нас вечер встречи на двоих...

– Скажи еще опять. Хватит баловаться. Ты дома и слава Богу живой... Я приготовила ужин.

– А который час?

– Девятый.

– Это я спал двенадцать часов, – тряхнул я головой от удивления.

– Ну, наверное там, где ты был выспаться не дали, – все-таки пустила жалые глаза супруга.

– Там, где я был, не до сна было. А все остальное – ваши фантазии, – спокойно отразил я и встал. Галя оказалась напротив, близко и ласково, как давным-давно, мне улыбалась. Она была красива и желанна, как никогда. Той особенной женской красотой, которую только и можно оценить после долгой разлуки или на грани прощания. Я едва подавил в себе искушение сейчас же немедленно прильнуть к этим губам и она это поняла.

– Не надо на меня так смотреть, – последовала ее рассудочно-холодная фраза и глаза погасли.

– Как именно? – спросил я, безнадежно теряя остатки ее очарования.

– Мне не двадцать лет, Гаврош, и мы не на даче у папы. Иди лучше в душ.

– Да, конечно. Что еще остается, – сказал я и шагнул мимо жены к выходу. Ее холодность была очевидной. «Интересно, как мы переживем сегодняшнюю ночь после долгой разлуки?» – в сердцах подумал я.

Приняв душ, я облачаюсь в спортивный костюм, еще из довоенных, старых запасов и прохожу на кухню. Стол накрыт от души с присутствием начальственных деликатесов. А я думаю о том, что в моем дорожном бауле тоже кое-что припрятано из «заморских» вкусок, в нем, кстати, и подарок Гале – шаль искусной восточной работы. Но сумарь позабыт в нервной спешке в прихожей, а там еще топчется тоска, и я говорю себе: «Потом». Галя предлагает открыть шампанское и я с удовольствием салютую в потолок, ловко разливаю по бокалам и меня охватывает эйфория – это пережитое как-то тупо, без подробностей, делает шаг назад, уступая место настоящему, вот только этому мигу...

– За тебя, Гаврош, – искренне, немножко с грустинкой, говорит жена и я ей прощаю все – ну не могут эти глаза лгать. Мне очень этого хочется.

Я выпиваю свой бокал до дна и ловлю себя на том, что боюсь первым сказать – любое слово, любую безделушку – вот боюсь и все. Вероятно, такое испытывает и моя жена – она отпила чуть больше половины бокала и как-то уж очень осторожно поставила его в глубь стола. Кажется, еще мгновение и ухнет тишина, но Галя заметным усилием воли зажигает на лице улыбку и говорит:

– Гаврош, я так старалась. Не задумывайся, приступай к еде...

– Да я гляжу и ты не спешишь?

– Когда готовила, хотелось, все-таки с работы, – как-то виновато повела головой жены. «Переживает, – подумал я и жалея ее, решительно набрасываю себе в тарелку какой-то салатик. Однако делаю это не слишком уверенно и Галя старается мне помочь. Тут меня подстерегает мысль, а не взять ли вообще инициативу в свои руки. Партейка, понятно, проиграна, но хоть лицо сохранить.

Впрочем, я и не ем-то, а так, клюю из тарелки, не ощущая вкуса и жду каких-либо движений от моей жены. Как мне служилось, она знает, а как жилось ей, все-таки интересно. Событий-то тут было много кроме ее блуда. Вот и главное медицинское учреждение города приняла. Интересно. Могла б для начала и поведать. А там уже «базар покажет». А Галочка спокойно пригубливает себе из бокала и что-то еще и на вилку накалывает. И глазками постреливает. Понятно, волнуется, как актриска перед первым в жизни выходом. А мне хочется сказать ей: ну смелей, раскальвайся, наконец. Может, я тебя поддержу. А то, ей-богу, так мучительно-тяжело смотреть уходящей любви вслед. Молчание достигает наивысшей точки, и я не выдерживаю.

– По-моему, Галочка, ты мне что-то очень хочешь сказать? Я думаю, наша утренняя встреча не повод для чего-то серьезного. Это пустяк. Любящая женщина, да еще и дождавшаяся мужа с войны парализована счастьем. По крайней мере, так в книжках пишут и в кино показывают. Как там: «живой, родненький, вернулся». А все другое – мелочи. Ревность, ущемленное самолюбие. Есть человек. А у нас сейчас не встреча после долгой разлуки, а инерция прошлого и ожидание.

– Чего? – упирается в меня широченно открытыми глазами жена.

– Спектакля, Галочка. Все просто, кто первым откроет занавес, тот и главный герой.

Галина делает паузу и зовет на помощь глоток шампанского.

– И где ты, Апраксин, так красиво, так задушевно научился говорить? Неужто на войне было время думать о душе.

– А вот представь себе, было. Просто там другие измерения и душа другая.

– Банальности это все, Гаврош. Какая душа? Я врач и как и ты лечу тело. А что касается души – это скорее к Богу. По-моему не о том мы сейчас...

– Спорить не буду. Ты большой специалист по вскрытию тел, даже вот ученую степень приобрела, а что касается души? – Тут мне нестерпимо хочется сказать: «В госпитале, мадам, я вами бредил», – но я изо всех сил подавляю в себе эту сейчас очевидную безделицу, и возникшая пауза комом подкатывает к горлу. Но я говорю, точнее, сомневаюсь вслух... – Хотя нет, не в этом дело...

– Тогда в чем, прояснишь? А то уж я совсем темная – по-бабьи нехорошо усмежаясь, выплескивает вопрос супруга.

– Ты-то сейчас, сладкая моя, обеспокоена другим. Куда муженька положить после баньки и праздничного стола? На прежнее брачное ложе? Ой, ли... А только взглянул на тебя и сразу понял – прошла любовь-то...

– Прошла, Гаврош, лукавить не буду, – после длинной паузы соглашается Галина и отворачивает от меня лицо.

Странно, но я весьма спокойно принял эти ее слова. Я понимаю – фраза пока легла на самый верхний слой души и осознание придет позже, когда к сердцу подступит. И все же я люблю эту женщину. И, похоже, это уже мой крест.

– А может, ее и не было? – осторожно трогаю я самое святое.

– Как не было? – вздыхает Галина и заглядывает мне в глаза. – О чем ты говоришь?! Была... Просто после смерти Маришки, что-то надломилось во мне. И тебя нет. Пусто стало.

– Стоп. Только о дочери не надо, – поднимаю я руки. – И ты встретила другого. Вот так случайно. Чтобы заполнить пустоту. Да?

– Ну, не так уж и случайно. – Она опять отворачивает от меня лицо и, кажется,

вытирает слезу. – Он был моим научным руководителем, когда я готовила диссертацию.

– И получала письма мои оттуда... И отвечала, что-то обещала... – почти шепчу я. – И что – это уже все? Изменить ничего нельзя? А вдруг это просто увлечение?

– Все гораздо сложнее, Гаврош. Я на четвертом месяце беременности. – тут она поворачивается и прямо в упор с заганенным ужасом смотрит мне в глаза. – Я не хочу терять ребенка. Его может больше и не быть. Ну не судьба у нас, Гаврош...

– А ты уверена? Это тот случай? – мне стоит невероятных усилий продолжать разговор.

– Да. Это тот случай. Не была бы уверена – не решилась бы. Ты знаешь меня. Конечно, я поступила с тобой подло. И меня все осудят, но я не хочу терять ребенка... Я боюсь... А тебя я любила, ты первый мой мужчина. И это еще не прошло... Ну, совсем не прошло. Ты – память, понимаешь? О моей юности.

– И как же нам теперь с этим жить? Мне съезжать?

Тут Галина лукаво блеснула глазами.

– Я думаю, один ты не останешься. Вот только появился и уже...

– Это так, Галочка, вынужденное знакомство. Через дорожку переходить не собираюсь. И в мыслях не было, – говорю я и чувствую – вот-вот взорвусь. – В госпитале я считал дни, и все фантазировал нашу встречу. А ты уже была беременна...

– Да дрянь я, дрянь! – вскакивает из-за стола Галина и, пряча слезы, уходит.

Я наливаю полный фужер шампанского, неторопливо пью, а точнее тупо загоняю в себя хмельную горечь обиды. Потом шагаю к окну, а за ним в лилово-красных тонах разлился по-майски поздний южный вечер. И желтые шары фонарей на проспекте, и неторопливо-вязкое движение людей и автомобилей показалось мне нереальным, далеким, чужим. Тут я подумал о том, что мне всерьез-то и не пришлось пожить в этом доме. Квартиру мы получили перед самой моей отправкой в Афган. Новому жилью больше всех радовалась Маришка.

Вернулась Галина. Кажется, она взяла себя в руки. Это я почувствовал по голосу.

– Вот такой ты всегда, Апраксин, – проговорила она за спиной. – Ну не ударил бы, так хотя бы обматерил по-мужски. А ты на душу, воспитываешь...

– Постели мне, пожалуйста, на диване, – процедил я. – Ударил, обматерил – сути не изменит. Загнала ты меня, мамочка, в тупик. Для себя-то ты выход нашла. Легко. – Тут я едва сдержался: «Сначала умерла дочь, а теперь вот и ты ушла от меня»...

– Если переживаешь о жилье, папа устроит что-нибудь. Мы помним, что квартиру давали при твоём участии. В крайнем случае, поменяем на две однушки с доплатой, – так и не поняла Галина, о чем я.

– Ну да... Вы уже и этот вариант обсудили? – наконец, отворачиваюсь я от окна. – Ничего менять не будем. Как-нибудь устроюсь. Зачем лишать будущего ребенка жилья. Я полагаю у твоего научного деятеля ни кола, ни двора? Иначе б разговор о жилье не шел.

– Ну и выдержка у тебя, Апраксин?! На войне ты стал мужчиной, – как-то исподлобья, некрасиво морща лоб, смотрела на меня жена. – Но без жилья мы тебя не оставим. А если честно, я всякий предполагала разговор, но такого?! Удивил ты меня, Апраксин. Очень удивил.

– А это во мне кровь играет дворянская. Апраксины верой и правдой царю-батюшке Петру служили. Дстойные, знаешь были люди. Выдержанные. Так что – гены, Галочка Сергеевна, – с меланхолической наигранностью, ее явной передозировкой после шоковой эйфории выплел я. – Так что, стелите, мадам, красноармейцу, может, в последний раз.

– Кстати, Гаврош, о работе не думай. У меня есть возможность тебе помочь, – сказала жена чуть светлея глазами. – И вообще я не хочу, чтоб мы расстались врагами.

– Ну, за помощь спасибо. Только я сам как-нибудь.

– Конечно, понимаю. Мы такие теперь дворяне, гордые, – обиженно поджав губки, отозвалась супруга.

Тут я ловлю себя на том, что продолжать разговор не имеет смысла.

– Одним словом, ты предлагаешь тему вояки-рогоносца закрыть, а топор войны закопать? Согласен. У меня просто нет выбора, – изо всех сил креплюсь я. – Так что организуй, пожалуйста, постельку. У меня на нервах всегда болит нога. Уже чувствую...

... «Вторую ночь на диване, одну в гостях, другую в родном доме, по-моему это клиника, старик», – улыбнулся я себе, вдыхая аромат свежего белья и привыкая к тупым, гулким ударам сердца и ноющей ноге. Рой мыслей не отпускал – в голове было так тесно, а на душе так мерзко, что хотелось каких-то крайностей, любого идиотского поступка, чтобы забыться. А вместо этого я лежал, глядя на осыпанный белесыми пятнами света от окна потолок и жевал едва пережитое. Там, за стенкой, Галя. Такая желанная и такая уже далекая, чужая. «Ее нет, нет, и никогда не будет в моей жизни, – шептал я себе, – не будет, не будет». И вдруг я слышу в дверях шорох и вижу силуэт Галины.

– Не спишь? – спрашивает она вкрадчиво, как давным-давно.

– Пробую, – отвечаю я, ловя себя на неожиданном волнении. «Господи, сделай так, что все, что я слышал было шуткой, вот такой идиотский способ проверки, что все у нас, как прежде», – так и ударило в голову.

– Я принесла тебе подушку. А то эта, как камень. Подними голову, – говорит она и просто, легко меняет подушку. И, не дав мне опомниться, предлагает. – Может сделать тебе укол обезболивающий? Болит нога-то?

– Больше душа... Только, думаю, анестезия ей не поможет. Скорее – хирургия.

– Ну, специалисту виднее, спокойной ночи. Я закрою дверь, чтоб тебя не будить утром.

И сразу следом, легкий хлопок двери и уходящие в вечность шаги бывшей жены.

Странно, но после исчезновения Галины на меня нашло тупое, на грани равнодушия, спокойствие. И в голову тотчас полезли картины службы, но не Афган, нет, а те, самые первые, полные красивых иллюзий и надежд гарнизонные зарисовки – вот здесь, в энском подразделении энского военного округа. С офицерской общагой, с веселой, острой на язык братией, с нашей кафешкой, со скромным застольем торжеств, танцами по субботам. И, конечно, с молоденькой Галей. И с этим сладким багажом я так и вломился в прозекторскую госпиталя в Баграме. Трупы один за другим выгружают из «Урала» солдаты в белых халатах. А я ставлю свою роспись в журнале передачи. Следом за фамилией, званием, должностью и номером части. Как я сам держусь – не знаю. Меня, кажется, подпирает густо и толсто перебинтованное бревно ноги. Тут же рядом суетится в белом халате старик с лицом Рериха. Он как-то странно, с щенячьим подобострастием заглядывает мне в глаза и видеть мне его не приятно. Сейчас от его взгляда исходит какой-то сладкий страх и одновременно любопытство. И я догадываюсь – он ждет, когда же я спрошу его о дочери. И я готов, но тут вдруг появляется замполит Чудов.

– Не путайся здесь, капитан, – говорит он мне жестко. – Ложись вот на каталку и жди.

Он провожает меня до каталки и помогает лечь.

– А чего ждать-то? – спрашиваю я.

– Отправки. Сейчас вот ребят подготовим.

Тут мне хочется сказать Чудову, что документы на каждого из убитых сверены. Но Чудову не до меня. Он торопится. Я только вижу, как моих ребят снимают со

столов и укладывают в цинк. И огромный человек с брезентовым фартуком поверх халата, отчего-то подмигнув мне, надвигает на глаза черные очки. «Это пайщик» – с ужасом догадываюсь я.

– Извини, капитан, но лететь нам всем «черным тюльпаном». Тебе повезло, – опять возникает передо мной Чудов.

– Ну да, это я уже слышал от Львова. Так он этот транспорт имел в виду? Шутник, – говорю я.

Тут Чудов берет мою руку:

– Терпи, боярин. Поехали.

И кто-то как будто толкнул тележку и передо мной открылась вдруг гигантская пасть самолета. «Черт возьми, сколько же здесь цинка?!» – с ужасом подумал я, а рядом идущий замполит, сует мне фляжку.

– Хлебни, доктор. Это родниковая вода. Наша родимая...

И я жадно припадая к фляжке, просыпаюсь от дикой жажды.

– Что там тебя, черти рвали? – слышу я знакомый басок тестя. – Стонал.

Он появляется откуда-то сбоку. Он весел, как прежде.

– Уже полчаса тебя караулю. Спал крепко, жаль было будить, а потом вдруг задергался, застонал. Афган, небось, на посошок?

– Афган, – приподнимаюсь я и протягиваю ему руку. – Здравствуйте, Сергей Сергеевич.

– Ну, здравствуй, здравствуй, дорогой, – пожимает мою руку тесть, и сунув усмешку в седой, некогда гусарский ус, прибавляет. – Эти сны теперь на всю жизнь. Привыкай.

– Во рту все пересохло. Язык кожаный, вроде и не пил ничего такого. Одно шампанское... – проговорил я, высвобождая руку из мягкого пуховичка тестевой ладошки.

– Значит, я подросел вовремя... с пивком, – запустив лучики лукавых морщинок под глаза и поигрывая улыбкой, сказал Сергей Сергеевич. А я подумал в сердцах: «Чему он радуется?! У нас семья рухнула, а с него, как с гуся вода» – Ну, айда к столу. Пивка поьем и, как там у вас говорят – погутарим.

– Да уж погутарили вчера, – вздохнул я и встал. Тесть любезно подал палочку. Я взял и отставил. Надо привыкать без нее. Шагнул. Тесть конвоировал следом до ванной. – Я быстро, Сергей Сергеевич.

– Есть. А я пока лужайку подготовлю, – засуетился тесть. – Коньячок. А может все-таки, холодненького пивка пока?

– Давайте...

– Баварское, – подал он мне откупоренную бутылочку. – По спецзаказу, лично для защитников Отечества.

– Спасибо. – Меня стала забавлять хлопотливая услужливость полковника. Впрочем, он всегда был таким. И если сейчас и хитрил, то самую малость.

Я не заставил себя долго ждать. А тесть, в свою очередь, наскоро наметал на стол вчерашние деликатесы и, гася улыбку, заключил:

– Похоже, пировали вы вчера не густо. Видать не до еды было.

Я промолчал. Честное слово меня не очень грело погружаться во вчерашнее.

– Может, по коньячишке за возвращение? – спросил Сергей Сергеевич. – Если ты думаешь, я каким-то боком в оппозиции...

– Не надо, Сергей Сергеевич. Конечно, я не думаю, что вы поддерживаете выбор дочери... Ну не судьба и все.

– О каком выборе ты говоришь, сынок? – глубоко вздохнул тесть, так что морщинки у глаз выгладились и лицо как-то нехорошо, гневно заострилось. – Ты бы глянул на этот выбор. Мужик немногим моложе меня. Двое взрослых детей. Только

и достоинство, что профессор, доктор наук, какое-то там светило. В общем, заболтал девку. – Тесть между тем откупорил бутылку коньяка, прицелился в мою рюмку, но я перекрыл ладонью. – А я выпью. Прости. Только мне кажется, залетела доченька моя, а когда уж деваться было некуда придумала себе любовь. Господи, у нее и мать была такая же шелопутная. На одного мужика глянет – двоих жалко. Царство ей небесное. Тут у нас с Галкой такие бои были! Какое там?! «Люблю», хоть убей. Хотел я тебя подготовить в письме, чтоб помягче удар ты принял. Но слов подходящих так и не нашел.

Тесть, наконец, опрокинул рюмку и тотчас налил себе другую. Выдержал паузу, лысину потер. То, что он не лукавил – было очевидно. А я так и держал бокал с пивом. Жажду утолил, а есть не хотелось. За столом зависла тяжелая пауза. Тесть основательно расстегнул пуговицы форменной рубашки, как-то размяк. Потом заглянул мне в глаза, точно спрашивая разрешения, и, видно, ничего не найдя в них желаемого, поднял рюмку, выпил.

– Конечно, осточертели тебе эти разговоры, – сглотнув тяжеловатый ком, выдохнул он. И вдруг, ухмыльнувшись, встряхнул головой. – Ну, гусь лапчатый. Черную свою «Волгу» подгонит к клинике, в которой Галка работала, очки роговые бросит на глаза, весь, мать твою, на понтах. Даже моя Эльвира запела: «Он такой импозантный, такой импозантный. Конечно, Галкин инвалид ему не конкурент». Думали-то, что ты там тяжелый совсем.

– Ну, спасибо, Сергей Сергеевич, что я вас разочаровал, – рассмеялся я. Эта искренняя исповедь тестя в этом месте меня определенно позабавила.

Тут он мрачно посмотрел на меня.

– Гаврюш, по-моему, я что-то не то сморозил. Ну, ей-богу, Галка только что дочь мне, сам понимаешь, кровь, а то ... Она всегда характерная была, вся в мать. Да и кто ее воспитывал после пятнадцати, когда матери не стало? Гарнизонные сучки. Слава Богу, хоть училась хорошо.

– А может, тут дело в другом? – хлебнул я из бокала баварского пивка. – Элементарно, в любви. Может, и не было ее.

– Ну эт ты брось. Вспомни. Чего-чего, а тебя она любила. И была бы жива Маришка – этого б не произошло.

– Не надо, Сергей Сергеевич, – тронул я его руку. – Мы в общем-то обо всем вчера поговорили. Войны не будет.

– Вот поверь, мой дорогой зятек, недолго будет эта бодяга. Она еще не раз о тебе пожалеет. Ты только борись за себя. Нога, тяжелая травма, но справиться можно. Что делать-то намерен?

– Не знаю. Все как-то вот свалилось, – вздохнул я. – Тут хотя бы немножко в себя прийти. Ну, а потом думаю к родителям на недельку смотаться. А после как-то надо устраиваться, – проговорил я, стараясь не смотреть на тестя. В этом месте разговора мне стало вдруг и грустно и стыдно. Грустно от потери, а стыдно от невозможности исправить действительность или хотя бы принять ее. Как ни крути, а рога носец. И кажется тесть меня понял.

– Вот что, капитан. Давай для начала поступим так. Тебе надо в самое короткое время отсюда съехать. Я все понимаю, квартира общая. Ну, это мы разрулим позже. Пусть ее гусь тоже подумает, – сказал Сергей Сергеевич и для убедительности что ли встал из-за стола, застегнул пуговицы форменной рубашки, как бы подчеркивая всю свою полковничью значимость и важность момента. – Мы тебя не бросим, точнее – я, ты всегда мне как сын. Но чем быстрее ты отсюда съедешь, тем лучше для тебя. Толкаться и видеть ее.

– Да, конечно, вы правы. Как раз это меня и мучает, – легонько вклинился я в его рассуждения.

– Для начала я тебя попробую поселить в общежитии приборостроительного завода. Друг там у меня в замах по хозяйству, когда-то служили вместе. Хорошие условия у них, я как-то случайно бывал. Отдельная комната гостиничного типа. Все удобства. Ну и дарю тебе еще и свою дачу.

– Ну это широко, Сергей Сергеевич, – исхитрился я.

– Нормально. Мне ею некогда заниматься. Эльвиру, молодку мою, туда не вытянешь. Она попробовала слегка повозбуждать насчет сего подарка, дескать, не слишком ли шикарно – каменный домик, озеро рядом, но я отлуп представил по полной. Ты крестьянский сын – это хозяйство потянешь. А потом, когда мало-помалу боль рассосется, забросаем Министерство обороны – так, мол, и так: инвалид, участник войны и без жилья. Да и к местной власти топтать дорожку надо бы. Награды на китель и вперед. Кстати, гражданские документы не спеша получать. Я имею в виду паспорт. Я полагаю, будет развод с дочурой. И очень скоро. И марасть документы разводами не стоит. Получишь только свидетельство о расторжении брака. И все, как говорится, начнешь с чистого листа.

– Хорошая перспектива. Вот уж не думал... там, – усмехнулся я. Истовый напор тестя при всей искренности вызывал нехорошие подозрения.

– Так что, дорогой зятюшка, за эту самую перспективу и выпьем. Галка-дочь, душа по ней болит, но и ты для меня родной.

С этими словами полковник налил рюмки и встал. Пришлось следовать за старшим по званию. Чокнулись.

– Прости ей дура и отпусти с миром. Все-таки она ребенка ждет.

Выпили. Тут я совершенно некстати вспомнил про забытый баул у входа. Там же подарки. Я вернулся со свертками. Развернул шаль.

– Вот любимой женщине вез.

– Красивая вещь. Ну, восток – ясное дело! – восхитился тесть. – Только я думаю, этого подарка она не достойна. Лучше матери. Ты матери-то что-нибудь привез.

– Да так, парфюм... А отцу и вам по бритве «Филипс».

– Никаких парфюмов, только шаль. Представляешь, как мама будет рада.

И на глазах тестя внезапно выступили слезы.

... Прощаясь, пожимая мне руку Сергей Сергеевич сказал: «Ну, свой «Филипс» я потом заберу». И вдруг спросил:

– Ты в партию-то вступил?

– Вступил, там по-другому нельзя, – откровенно удивился я вопросу.

– Ну и правильно. Все сейчас горазды на партию валить... Все забыли, все. Ну, диссиденты само-собой, а тут еще какие-то сомневающиеся демократы появились. Ну не последнее ж доедаем.

Я хотел спросить Сергея Сергеевича – какие еще демократы? О чем это он? Но тот уже протиснулся в дверь.

– Главное, капитан, без паники, – только и сказал...

Какое-то время еще я тащусь в фарватере беседы. В голове застряла занозой эта его фраза «Не последнее доедаем». Что он имел в виду, я так и не понял, но задумался. «Что вообще тут в Союзе происходит?» – задаю я себе вопрос, расширяя границу конкретной его величества рога носца, темы и не нахожу ответа. Тут я малость позаблуждался в идеологических сомнениях и вернулся к щедротам дорогого тестюшки. Конечно, добротный особнячок в дачном поселке недалеко от города если и подарок, то, несомненно, царский. Но нет ли в проекте выселения служивого на сей счет некоего лукавства? Любые отступные только уходи? Ответ, впрочем, завис. Похоже, старик был искренен. «Но дача?.. Без Гали?.. Все самое первое было там. Отказаться?» и тут я вдруг вспомнил об Анюте. Она-то уж точно б помогла разрулить ситуацию. Хотя не в этом дело. Просто на этот день и час очень хочется где-нибудь спрятать душу.

В агонии ожидания встречи с любимой, во всей этой суматохе я не удосужился взять телефонный номерок соседки. «Даже фамилии не спросил, так торопился, – мысленно корил я себя. – А «перейти» дорожку стыдно. Надо теперь ждать случая, только когда он будет, этот случай?..»

Я прошел на кухню. Сел за стол. Взглянул на початую бутылку коньяка, на измазанную нелепым сооружением закусок скатерку усмехнулся и сказал вслух:

– Чужой ты, Апраксин, на этом празднике жизни.

5

Ну и что? Импровиз мужа, щелкнувшего по носу загулявшую жену фальшивым адюльтером, в итоге обернулся фарсом. Всякая душа-потемки, а нелюбящая – этими потемками только утверждает мрак. Равнодушие Галины стало просто непереносимым. Каждое твое неумышленное движение к ней, взгляд, бытовая реплика воспринимаются уж если и не агрессией, то точно – «посягательством на свободу личности». А если еще и случайно в ванной комнате ты натыкаешься на раздевающуюся для приема душа женщину, ту самую, которая делила с тобой ласку и шептала еще что-то нежно и страстно, и память, как пасть разъяренного животного, набрасывается на тебя деталями, будь проклят миг, ибо в следующую секунду тыловишь взгляд такой лютой ненависти, от которой впору пустить себе пулю в лоб. И попробуй объяснить ей, что надо не забывать запирать за собой дверь и притом трижды извиниться – все против тебя. Нелюбовь такая же мерзкая в своем выплеске, как и ложь во имя ее спасения. Просто два обнаженных нерва на крохотном пяточке – это много. А если учесть, что в недрах этой ауры твое ущемленное самолюбие, обида и, черт возьми, все-таки чувство, то жизнь медленно переплавляется в ад. Вулкан нереализованной страсти из любой трещины легко создает пропасть. И выхода нет. День кажется годом, а ночь вечностью.

С каждым часом моего пребывания в этой квартире я ощущаю себя временным и у меня такое чувство, что за нами наблюдает дочь Маришка. Впрочем, Галина старается подольше «задерживаться» на работе. Поначалу меня просто душила ревность, а потом я вдруг стал себя ловить на том, что отсутствие ее меня успокаивает.

Редко, какими-то вспышками, я вспоминаю Анюту. Но вот так просто заявиться к ней не решаюсь. Что я ей скажу? Что можно предложить женщине, которая так и не тронула сердце? Поплакаться «в жилетку», пооткровенничать на предмет всего этого ужаса в поисках сочувствия? Нет. Самолюбие не позволяет. А просто так смелить декорации, ослабить нерв, ей-то оно нужно? И все-таки пару раз я выходил на лестничную площадку ко времени ее прихода с работы. Ждал «случайной» встречи. Анюта так и не появилась. Иногда я гуляю вечерами по городу, нередко допоздна. Только чтоб меньше видеть Галину. Но душевная рана не дает покоя. Даже во сне.

Между тем я зарегистрировался в военкомате, оформил необходимые документы для пенсии. Впрочем, всякий раз испытывая смущение, когда меня пропускали вне очереди. Инвалид.

Наступило лето. И вместе с бледно-голубой бездонью небес на землю пала ядреная южная жара. Тоска мая стала какой-то неопределенной, явочной. В один из таких дней в квартире возник, наконец, затерявшийся со своими «сувенирами» тень. «Есть комната в общежитии!» – громыхнул он с порога и я тотчас предстал перед его ясными очами.

– Собирайся, Гавриил, едем смотреть, – деловито скомандовал он. И уже в своих «жигулях»: – Это недалеко от центра, на Флотской улице. Комната на первом этаже, буквально в метрах от парадного входа – очень удобна для тебя. Ну, ремонт надо бы сделать. Сантехнику поменять.

– А что за завод? Какие приборы он выпускает? – спросил я, чтобы как-то соответствовать разговору в дороге. Нет, не грело меня переселение в какую-то общагу.

– Завод вполне серьезный. Что-то варганят для судов... Даже есть оборонный заказ. Конечно, не то, что раньше. Страна так глубоко заплыла в перестройку – берегов не видно. Промышленность трясет, связи не те. С работой трудно. Это слава Богу, я пригнулся в мобилизационном комитете при округе. А так – соси лапу на одной пенсии. Ты давно по магазинам ходил?

– Давно. В Москве пытался. Очереди...

– Да и у нас так. Все по благу. Великую продовольственную программу похоже дохавали, – усмехнулся полковник.

– Только в репродукторе по-прежнему бравурные марши и рапорты. Все кругом досрочно. Добыто, отлито, отгружено, – съехидничал я.

– Ну, партия знает, что делает, – не сдаваясь, отозвался полковник. – Временные трудности, главное – курс. Ну вот и приехали.

Общага – эдакая типовая пятиэтажка из белого кирпича с широким козырьком над парадным входом – выглядит довольно свежо. Корпус как бы задвинут в глубь зданий интерьера улицы, а с местом для стоянки авто и зеленой зоной отдыха – лавочками под каштанами – впечатляет. Во всяком случае, я ожидал худшего и оно, худшее, впрочем, тотчас навалилось на меня, едва я перешагнул порог. В нос сразу ударил спертый духман ядерной бытовухи, настоенной на запахах кухни, где-то туалета и, конечно, тоски временного пребывания.

Впрочем, когда в подобное учреждение являются два офицерских чина и один, к тому же, с полковничьими погонами, в глазах вахтера легкая паника, как впрочем и у мгновенно возникшего коменданта, высокого, худощавого мужчины неопределенного возраста. Заветное словцо моего тестя и вот в руках коменданта, как по мановению волшебной палочки, возникает связка ключей.

– Извините, товарищи, только номерок вашей комнаты 13, – сказал комендант заискивающе заглядывая в глаза полковнику.

– Ничего, мы не суеверны, – бросил тесть, ища взглядом дверь под таким номером.

А комната оказалась тут же, рядом, на первом этаже, вблизи от дежурного поста. «Вскрытие» произвело на меня удручающее впечатление. Она была убита напрочь, и в этом, с позволения сказать «гостиничном» номере, мне предстояло коротать холостяцкие деньки до хороших времен. Радовала, пожалуй, планировка. Достаточно объемная прихожая, из которой, по предложению тестя вышла бы неплохая кухонька и большая комната с видом во дворы близлежащих многоэтажек. Санузел с умывальником и несвежим унитазом вполне соответствовал теме.

– Ну как тебе все это, – кисло оглядев обшарпанные стены, спросил Сергей Сергеевич. – Попрет?

– А у меня есть выбор? – ухмыльнулся я.

– Давай так. Завтра же я присылаю сюда ребятишек, и через неделю они тут такое нарисуют. Ты доверишь мне?

– Доверяю. Я никогда этим делом не занимался, – наскоро согласился я, только чтобы быстрее покинуть эту вонючую берлогу.

– Нужны обои, кафель и прочие штуки, этим займется моя Эльвира. У нее вкус и связи, – между тем деловито вышагивая по комнате, рассуждал тесть. – Кстати, из этого встроенного шкафа, прилегающего к туалету, можно сварганить душ. Деньги у тебя есть?

– Сколько надо – дам.

– Тут главное сантехника. Надо бы что-нибудь попримочнее. Кстати, вода, газ, все имеется, претензий нет. По крайней мере, зам. директора несет ответственность за свои слова. – Крутнув кран, из которого закашляла ржавая вода, тесть спросил.

– Ты в военкомате на учет стал?

- Да, конечно, святое дело.
- А с Галкой как? Напряг?
- Не то слово.
- Вся в мать. По неделям, бывало, не разговаривали. – Тесть тряхнул головой.
- Я попытался было с Галиной потолковать, чтоб поаккуратнее с тобой себя вела. «Вы своей Эльвирой занимайтесь, папочка». Понял? А кормитесь как? Попролам или каждый себе?
- Вначале деньги на питание не брала. Но после того, как я заявил, что перейду на общепит, взяла. Она ведет себя так, точно я всему виновник.
- Тесть усмехнулся, видно что-то хотел добавить, но передумал.
- Ну что, приступаем! Как говорят – вперед и с песней. Отремонтируем большую комнату и в принципе можно переезжать. Кстати, от Галки тебе надо выписаться, чтоб получить право на жительство здесь.
- «Конечно, с дорогой душой», – подумал я, тяжелея в мыслях. – Как же он торопится выпереть меня из нашей квартиры! А может хорошо. «С глаз долой – из сердца вон...»
- На обратном пути Сергей Сергеевич спросил:
- Когда к своим собираешься. Ждут, наверное, служивого не дождутся?..
- Ждут, – согласился я, теплея душой. – С отцом дважды по телефону разговаривал. Брат тоже должен подгрести.
- То-то будет праздник! На всю станицу. Встретины, – искренне возрадовался тесть. – Два офицера.
- Да нет я попросил без этого. Просто, скромно, по-семейному посидим. Чему радоваться?..
- Может быть, – тесть сглотнул паузу. – Поедешь, отвлечешься. Тут-то тебя уже ничего не держит. Сомнения прочь...
- Не держит, точно... – тихо подтвердил я, чувствуя, как к горлу подступает ком.
- На следующий день я передал деньги Сергею Сергеевичу. Он аккуратно записал сумму и число в маленький блокнотик, сказал:
- Рабочие уже приступили. Сегодня с Эльвирой помотаемся по базам. Так что ты можешь отправляться к родителям. Порадуй, наконец, стариков.
- ... А вечером того же дня за ужином Галина заметила вскользь, что подает на развод. Я промолчал.
- Утром после ухода Галины на работу я собрал вещи и отправился на вокзал. Я ехал на родину, к своим. От областного центра до моей деревеньки почти двести километров – три с лишним часа на электричке. Я прибыл на вокзал, имея в запасе время – уж лучше здесь коротать его, чем слоняться из угла в угол в чужих уже стенах. Я присел на лавочку на привокзальной площади под раскидистым каштаном, достал заранее приготовленный в дорогу журнал «Огонек» и ушел в чтение. Не минуло и нескольких минут, как вдруг кто-то тронул меня за плечо.
- А я стою и гадаю. Он или не он? – раздается вдруг звонкий девичий голос.
- Я поднимаю глаза – Анюта!
- Ты как здесь?! – вскакиваю я. Что сказать, я удивлен и обрадован одновременно.
- Я из командировки. В Астрахани была. Иду с главного вокзала мимо площади к троллейбусу и вот вы.
- Анюта в светлом брючном костюме, с дорожной сумкой небрежно брошенной на плечо. Густые локоны волос все так же лихо разбросаны веером. Только в глазах улыбка осторожно тянется к грусти. Она какая-то новая.
- Ну что, будем здороваться, товарищ капитан, – лукаво усмехается она. – Как вы здесь оказались?

– Будем, конечно, будем, – искренне рад я. Наклоняюсь и целую ее в щеку.
– К родителям еду в деревню. Ты же помнишь, я сельский паренек.

– Нет, не помню. Некогда вам было, офицер, свою биографию рассказывать. Делом мы были очень важным заняты.

– Ну да, женушку непутевую караулили, – подхватываю я весело. – Исправляюсь. Корни деревенские. Отец агроном, мать ветврач... Заждались меня.

– А я гляжу – с пригородного. Это здесь, недалеко?

– Относительно. К вечеру доеду.

– А я как-то подумала, ну вот, помирился сосед с суженой своей и забыл про соседку. А цветочки ваши долго стояли. – Глаза Анюты погасли. – Все забывается.

– Нет, что ты. Такое не забудешь. Если честно, я несколько дней тебя на площадке поджидал. Ни телефона, ни фамилии твоей. Все надеялся на случай. А постучаться – сил не хватало. – Я вздохнул. – Расстались мы. Жена на развод подала. Она на четвертом месяце беременности.

– Сочувствую, – Анна отбрасывает локон волос и смотрит на меня в упор, и мне почему-то становится стыдно. – Ну да я помню те ее слова «Ты ж мне не оставил выбора».

– А чего ж ты не самолетом в командировку? Сапожник без сапог? – сооружаю я первый попавшийся на ум вопрос, чтоб не затеряться в неожиданно нахлынувшей тоске.

– А у нас бортами летает только начальство, – отвечает Анюта и скользит по мне чуть насмешливым взглядом. – А по вас не скажешь, что вы убиты горем.

– Это я креплюсь. Пережил, чего уж, рогоносец, – пытаюсь острить я. – Кажется, мы были на ты?

– Были, – соглашается Анюта. – Но давно. А что, заново надо привыкать?

– Будьте так любезны, черкните мне номерок телефона и вашу фамилию. – Это я шепчу ей на ушко.

– А это очень нужно? – так же шепотом спрашивает Анюта.

– Очень.

– Ну, тогда вот вам мои данные. – Она ныряет в сумку и достает глянцевою визитку. – Новенькая. Начальство распорядилось всем организовать визитки.

– Ну вот и кстати, – принимаю я блестящую картонку, читаю: «Анна Николаевна Кремнева, экономист».

И в эту минуту голос в репродукторе объявляет о времени отправления моей электрички.

– Это моя, – говорю я. – Ну, теперь я спокоен. Сразу по приезду из деревни позвоню. Я на пару недель... А может и раньше.

Анна протягивает мне руку. Улыбается.

– А что бы ты хотел услышать на дорожку, капитан?

– А чего не жаль, – смотрю я ей прямо в глаза.

– Я буду ждать звонка, – отвечает она и тоже не спешит снимать с меня взгляд.

Шагнув от нее, я обернулся. Она смотрела мне вслед.

... К себе, в деревеньку я добрался под вечер. Солнце над горизонтом уже загустело и первый влажный ветерок чуть тронул зной.

До станицы по витиевато спускающемуся вниз тракту пара километров. Не успел я сделать и нескольких шагов, как возле меня лихо затормозил УАЗ. Председательский! Я открыл дверцу – за рулем сидел белобрысый паренек с очень знакомыми глазами. Я поздоровался с ним за руку и спросил:

– Ты, случаем, не Прохора Коршунова сынок?

– Так точно, товарищ капитан. Юркой меня кличут, а я вас помню. Вы нашего агронома сын.

– Отвечаешь «так точно», служил?

– На Кавказе, только пришел. Вот председатель свою тачку и доверил. Счас только в район его отвез. Сказал, чтоб не ждал.

– Батько-то как?

– А помер батька от водки этой зимой, – как-то нервно дернул головой парень

– И ты так смело об этом говоришь? – удивился я. – Мог бы и помягче диагноз придумать для чужих. Все же отец.

– А тут что хошь придумывай. Полдеревни под бухлом ходят. Противно. Малость оклемаюсь и рвану в город, чтоб не пропасть...

– Смело, – только и вздохнул я. – Жалко Прохора, хороший был кузнец.

– А вы из Афгана, да? – спросил парень и, не дожидаясь ответа сказал: – У нас тут похоронка вместе с гробом пришла. Моего одноклассника Колю Самохвалова «духи» подстрелили. Ну, схоронили. Солдаты приезжали, стреляли... На минувшей неделе.

Повисло молчание, так мы его и донесли до моего дома.

На пороге в форменных офицерских брюках и маечке-тельняшке восседал мой младший брат Федор, курил. Кажется, я предстал перед ним неожиданно. Он какое-то время ошалело бегал по мне глазами, потом, отшвырнув окурочек, бросился на шею.

– Гаврюшка, братуха, живой, – тыкал он в мою щеку свой влажный нос. – И я живой, живой...

Брат Федор повыше меня – в плечах косая сажень. Лапищи-тиски. Так просто из них не выберешься. Наконец отпустил. Он опять присел на порог и меня увлек.

– Ты сядь пока, сядь. Значит так, мать прибалывает, сердечко. Ты ее не грузи особо о своем ранении и вообще. Ты отцу вот в телефонном разговоре намекнул, что у тебя какие-то там нелады в семье.

– Развожусь... – прервал я его, присаживаясь.

– И когда мы с тобой, братуха, в последний раз вот так на порожках сидели?! – Он обнял меня за плечи. – О проблемах с Галинкой, о разводе тоже не слова. Чеши, что все путем там у вас. Бате потом втихую скажешь. – Федор прогнал ладонь по ежику волос. – А чего это ты с ней разводишься? У вас, вроде, любовь-морковь и все такое. Вот дождалась тебя с войны. Ты на ногах, чего ей надо? Костыля твоего по горбьяке?

Я улыбнулся себе. Вспомнил. Мы никогда с братом не ссорились. С самого детства он уважал меня. И мое слово, как и отцово, было для него законом. Но сейчас, под его крепкой рукой, я почувствовал себя слабым – просто перед глазами возникла Галя.

– Вот такая получилась любовь-морковь, – едва проронил я. – Как в анекдоте: вернулся муж из командировки и застал жену с любовником.

– Да ты что?! Вот б... И прямо внаглую, – вытаращил глаза брат.

– Наглее не придумаешь. Беременная от него.

– Я б сразу в рог. Ну и дела. В общем, обо всем этом молчок. Если спросят, почему без Галинки, придумай что-нибудь.

– А тут и придумывать нечего. Некогда ей. Она теперь главный врач городской больницы. Только приняла хозяйство.

– Ну а этот любовник-то кто? Бугор какой-нибудь? – спросил Федор и вновь сунул в губы сигарету, закурил.

– Ученый. Профессор медицины. Какое-то там светило.

Тут на пороге появилась девушка, маленькая, тоненькая, почти подросток, с русой косой на груди. Повела стрелочками бровей и в большущих, васильковых глазах вспыхнуло любопытство.

– Ой, извините.

– Это жена моя, Варя, – сказал Федор и ей, супруге своей, улыбнувшись. – Познакомься, это мой братуха Гавриил.

Я поднялся и подал руку. Девушка откровенно засмушалась, бросила виноватый взгляд на мужа, и сказала, едва касаясь меня теплой ладошкой.

– Федя о вас рассказывал. А в жизни вы лучше, чем на фотографиях.

– В жизни все лучше, – буркнул Федор. И ей, жене: – ты пока там никому не говори, что Гавриил приехал. Мы вместе зайдем.

– Мама к столу приглашает, – уже в дверях сказала девушка.

– Ну ты, братец, попал к столу, прямо как по расписанию, – прокомментировал приглашение Федор.

– И когда ж ты успел стреножить это дитя? – спросил я, когда Варя исчезла.

– Все как в кино. В одном купе из Москвы ехали. Ну, глаз я на девушку положил. Тронула душу. Разговорились. Воронежская. Ездил в Москву, хотелось ей поваром устроиться в какой-нибудь приличный ресторан. Она торгово-кулинарное училище закончила. Какие-то там родственники в столице. Но испугалась. Куда не сунется, везде мужики пристают. А девушка она честная. В общем, полночи толковали в тамбуре про жизнь. Ну, я и решился. Сошел следом за ней в Воронеже и потащил жениться. Уговорили в ЗАГСе начальство. Показал документы, срочно, мол, командировка к черту на рога. Пожените нас, люди... Расписали. Я б может и не решился, но убедила меня дева, что не тронутая. И я рискнул. Посидели в кафешке, шампанского выпили. Сирота она. У тетки воспитывалась. Ну а брачная ночь – в гостинице.

– Ну, и как риск? Благодородное дело? – рассмеялся я.

– Так точно. Честная девчонка. Факт. Девятнадцать лет исполнилось. Такое нынче редкость. Да нишняк, братуха. А пироги шьет, пальчики оближешь! Счас оценишь.

– Значит, ты в отпуске. Домой ехал и заодно прибомбил дивчину и на показ, да? – все так же весело предположил я.

– Они еще не знают. За столом объявим, что расписались. – У Федора самодовольно поблескивали глаза. – Я думаю, они простят, что без благословения, учитывая специфику моей работы... Какой отпуск, брат?! До очередного вызова. Спецназ, сам понимаешь, он и в Африке спецназ. Блюдем интересы державы.

– Нравится?

– У нас не спрашивают. Приказ. Нравится не нравится, спи моя красавица, – шлепнул он меня по коленке. – Пока Бог милует. Хотя пацанов теряем. Пуля ж – дура. Ладно, капитан, пошли в дом стариков радовать.

Федор выплюнул недокуренную сигарету, встал и толкнул дверь.

– Ну, ты меня понял. О своих проблемах ни-ни...

– Гаврюша, сынок?! – шагнул мне навстречу отец, а следом за ним и мама. Обнялись, отец прижался колючей щекой и я почувствовал слезу. – Так неожиданно, сынок.

А сзади мама: «Пусти меня, Алексей, за тобой не успеешь», – взмолилась она.

Я обнял и мать и сердце тиснула боль – она стала как-будто меньше ростом, такая маленькая, ломкая. Кажется, ее сотрясали мелкие судороги плача.

– Мама, мамочка моя, я тебе как врач запрещаю волноваться, – пытался я обуздать этот стук тяжелой энергии в потоке материнской любви... И не мог.

... Раз в год, вот уж на протяжении скольких лет, я навещал своих родителей Алексея Петровича и Евдокию Ивановну и каждый раз не переставал удивляться их энергии и оптимизму. И внешне они всегда казались для меня постоянны – не трогало их время. И только сейчас, впервые, я сердцем почувствовал перемены. Отец большой, сильный человек с какой-то особенной руководящей статью в осанке, за

минувший год заметно огруз, как-то даже стал меньше ростом, поскученел, а мама и вовсе похудела, на лице, под глазами залегли морщины. А ведь ей еще далеко до шестидесяти. Они как-то единым тандемом прильнули ко мне и я чувствовал ползущий к горлу ком. Ситуацию разрядил брат Федор. Он возник неожиданно в парадке с наградами. Капитанские погоны, два ордена Красной звезды, россыпь медалей. Он сказал, нарочито сердясь:

– Родители, вы про меня забыли. Я не то, чтоб ревную... – И подмигнул мне.

– Да за таких сынов, не грех и в храм сходить, – отнимаясь от меня, сказала мама.

– Не грех, но не стоит, – широко развивая счастливую улыбку, возразил отец.
– Ну что, к столу.

– Может, соседей позовем, Катужовых? – осторожно предложила мама.

– У нас семейный праздник, Дуся. Как-нибудь в другой раз. Тут я вспомнил про подарок, достал из баула шаль и набросил на плечи матери. Кажется, отец отвернул взгляд пряча слезу...

... Через неделю глубокой ночью отца сорвал с постели звонок из правления колхоза. А звонил сторож и срочно требовал в контору к межгороду сына Федора... Утром все на том же председательском УАЗе капитан отбывал на службу. И, как всегда, без подробностей.

– Мама, оставляю тебе помощницу, жену свою Варю. Она вас тут разгрузит маленько и скучать не даст, – улыбнулся брат, мизинчиком аккуратно снимая слезинки с личика жены. Потом Федор со всеми крепко обнялся, а мне шепнул: «Так мы с тобой сазана и не поймали». Я ответил: «Ну, какие наши годы?..»

В самом деле, за прошедшую неделю, кроме ежедневных прогулок на реку и помощи родителям по хозяйству только раз удалось вырваться в ночь на рыбалку. Мелочи набрали с ведро, на легкую ушницу, а сазан только хвостиком помахал.

Из всех достопримечательностей моей следующей недели в деревне была встреча выпускников школы, которую опять-таки отмечали на реке. Палили костер, танцевали под магнитола и пили – много, с тостами и без. Вспоминали всех учителей и хороших, и не очень. Всем щедро прощали. Впрочем, жизнь-то по большому счету только началась – отчет предварительный. И вот день прощания. Скромное застолье в палисаде. Родительские поцелуи на дорожку: Галочке, жене, то есть как и положено, большущий привет. Ну и серьезный сумарь с продуктами в дорогу – это традиция.

... С тяжелым чувством я вонзил себя в электричку и долгие часы езды мусолил один и тот же вопрос: как теперь жить, без Гали? В самом деле, меньше всего я думал о том, где буду жить – общага, так общага, больше о том, что без Гали. Нет, не хотелось верить, что это уже навсегда. Что Галя, Галчонок мой, уже чужая женщина. И что греха таить, не было дня в эти две недели в деревне, чтоб я не вспомнил о бывшей своей жене. А предстоящий развод вообще представлял себе с ужасом. Что я скажу, если на моей физиономии крупным шрифтом написано одно слово «люблю»?

На вокзале я позвонил с телефона-автомата домой, жене. Номер был занят. У продавщицы газировки я наменял «двушек» и достучался лишь с четвертого раза.

– Галя, здравствуй! Как там дела?

– А, это ты. Приехал... Какие конкретно дела тебя интересуют?

Вопрос застал меня врасплох. В самом деле «какие»?

– Если по общежитию, то можешь уже въезжать. Ключи у меня – опередила Галя.
– Тебя ждать?

Я медленно заводился и не найдя ответа такому равнодушию ответил.

– Сегодня, пожалуй, не стоит.

– Ну, как хочешь.

Я бросил на крюк трубку. Кажется, я кипел. Хотя б ради приличия поинтересовалась здоровьем родителей. В сердцах я набрал номер телефона Анюты.

– Слушаю вас.

– Здравствуй, Анечка, едва роняю я, – меньше всего мне хотелось сегодня встречаться с соседкой. Но обещал же позвонить по приезду.

– Гавриил Алексеевич, вы? Приехали? – услышал я откровенно радостный голос.

– Так точно. Вот сразу звоню тебе с вокзала. Анечка, вечер только начинается, я могу совсем обнаглеть и напроситься на ужин?

– Можете, капитан, – после микропаузы ответила Анюта.

– Спасибо, но у меня есть условие.

– Условие? – смех в трубке. – Вы меня интригуете.

– Да нет, пока. А условие простое, мы прочно переходим на «ты».

Тут же в привокзальном киоске я покупаю бутылку шампанского, а в цветочном ряду букет хризантем и беру такси. Сумарь здоровой крестьянской еды при мне и как удалец, вполне свободный от семейной присяги, я ломлюсь к соседке Ане. Сейчас мне плевать, что этим же путем я хаживал долгие лета к объекту обожания – небеса оказались глухи к моему надрывному зову, приходится сдаться судьбе. «Анна, Анюта, а почему бы и нет! – думаю я. – Это все же лучше, чем коротать вечерок в бесперспективных иллюзиях и тоске по ушедшей любви».

Анюта встречает меня с легкой улыбкой и только рассеянный взгляд выдает ее волнение. Конечно, к этому слегка деформированному вояке особых чувств пока нет – разве что любопытство, где-то симпатия, очень может быть неутоленная жажда – природу-то не обманешь. Она подставляет щечку для поцелуя, но я нахожу ее губы, и она роняет цветы. И поцелуй – долгий и жадный.

– Вот так сразу, без объявления войны, – выскальзывает она из моих рук, счастливо смеясь.

Я разгребаю в себе улыбку теперь уж легко – без признаков отягчающих душу обстоятельств. У ног разбросанные хризантемы, тут же совершенно нелепый толстый сумарь с едой и торчащим в нем горлышком шампанского. Боже, остановите абсурд.

– Здравствуй, Анечка, хорошая моя, – избавляюсь я, наконец, от томившего душу зноя и Анюта отвечает почти в унисон.

– Здравствуй, дорогой мой военный человек. – И глаза ее блестят, и нет той уже далекой озабоченности, только смятение и радость. Она ждала, определенно, ждала.

– Ну, что у нас сегодня праздник? – то ли спрашиваю, то ли утверждаю я.

– Да, праздник. Я пока не определилась с названием, – явно кокетничает она. – Встретины уже были.

– А если просто. Пришел мужчина к женщине, – заявляю я тему.

– Не очень оригинально, но пусть будет так. – Она наклоняется и собирает цветы, мы, кажется, про них забыли, а затем увлекает меня в большую комнату, усаживает на тот самый диван и садится рядом.

– Устал с дороги? Сейчас будем кушать. У меня все готово. – Она держит в руках букет хризантем и все-таки продолжает кокетничать. Вообще-то легкое кокетство украшает женщину. Она как бы становится воздушной. Это без вариантов. Только вот о чем говорить?.. О любви рано. Конечно, она бесконечно мила и, кажется, изо всех сил тянется к моей душе. И это я ценю. Но ради Бога, ничего не надо обещать. Все пока так зыбко. Это еще не чувство, а скорее мое отчаяние или того хуже – обморок. Галя рядом, Галя во мне...

– Да, кстати, загрузи продукты в холодильник, – вспомнил я о родительских гостинцах. – Хорошо, а ты пока в душ с дороги. Я починила. Напор тебе понравится, – предлагает Аня, встает и берет из «стенки» вазон, закладывает в него цветы.

– Душ так душ, – деланно улыбаюсь я. Черт возьми, я теряю интонацию.

Она уходит на кухню – налить в вазон воды и тотчас возвращается – ставит цветы на маленький столик. Кажется, темп встречи теряется и мы оба испытываем неловкость.

– Вообще, в душ бы надо, – говорю я, что бы что-то сказать, просто тупо наваливается дефицит общения.

– Я подготовлю, – срывается она и мне вскользь. – Раздевайся, капитан.

– Не рановато ли? – шучу я.

– В самый раз. Лето, – не принимает шутки Анюта.

Я разделся до пояса, достал бритву. Вошла Аня.

– Все готово. А ты успел загореть.

– Каждый день река... Деревня-магушка.

– Я тоже хочу куда-нибудь на речку, – вздыхает Анюта. – Я такая белая. Вообще ко мне загар прилипает плохо. Даже морской.

– Ну, это мы поправим. Загар требует системы, – уверенно говорю я и отправляюсь в душ.

... За ужином мы болтали долго о разном и по-моему бестолково. И она и я понимаем, что за окном надвигается вечер, а впереди ночь и надо на что-то определенно решаться. Но все, впрочем, произошло как-то естественно, как-будто нас уже связала однажды интимная встреча. Просто она, как гостеприимная хозяйка, опять постелила мне на своем диване, а я весело заметил:

– По-моему, Анюта, ты забыла вторую подушку.

– Ты уверен? – пристально заглядывая мне в глаза и легонько краснея, спросила Анна. – Не пожалеешь?

– О чем? – удивился я.

– Ты ж еще там, – она кивнула головой в сторону моей квартиры. – С ней.

– В данный момент я об этом не думал. Ты мне нравишься и как человек и как женщина. Ну, если ты в чем-то сомневаешься...

– Ну, вот мы уже и губки надули, – перебила меня Анюта. Повернулась, открыла дверцу в стенке и достала вторую подушку. Положила рядом, оправдываясь. – Как представлю себе спать на диванчике в кухне. Это только для сильных духом.

Конечно, я высоко оценил ее выдержку.

... Перед рассветом я проснулся от плача. Анюта сидела на диване и, закрыв лицо ладонями, громко всхлипывала.

– Что с тобой, Аня? – обнял я ее. – Я тебя чем-нибудь обидел?

– Ну что ты говоришь, господи? – хрипло отозвалась она. – Просто мне приснился страшный сон. Вроде бы похороны Юры. Он лежит в гробу в форме, такой юный и такой красивый. И все поочередно подходят и целуют его. Я тоже подхожу, наклоняюсь... – тут она резко поворачивается и падает мне на грудь. – А это лежишь ты...

От такого поворота легкий озноб пробежал по моему телу. Слов не было. Анюта билась в плаче, и у меня решительно не нашлось сил остановить ее. Впрочем, приступ оказался недолгим. Она отнялась от меня, положила голову на подушку и тихо сказала:

– Не бросай меня, пожалуйста. Я еще не знаю, люблю я тебя или нет, но сердце подсказывает, что только ты мне нужен. Не торопись. Уходи от нее так, как позволит сердце. Я подожду. Жизнь научила меня терпению.

... Господи, если бы я знал тогда, в ту самую первую нашу счастливую ночь, что ждет нас впереди...

Я не ответил, я только крепко обнял ее, прижал к себе и не отпускал до тех пор, пока Анюта не уснула.

Утром за завтраком Анюта сказала:

– Я полный холодильник твоей едой набила, может, возьмешь?

Но я на нее взглянул так, что комментарий не потребовалось.

– Ну, я убегаю на работу, оставляю тебе ключи. Захочешь перекусить...

– Анечка, ты рожала? – неожиданно, в упор спросил я. – У тебя есть ребенок?

Анна побледнела, отвела взгляд:

– А как ты догадался? У меня ж ни одной растяжки...

– Я врач...

– Когда погиб Юра, я была на шестом месяце беременности. Выносила, как положено. Но ребенок родился мертвый, – потупилась Анюта.

– Извини, – я обнял ее.

– Ничего. Я сильная оказалась. Две смерти выдержала. Только не жалею меня, капитан. Если сможешь полюбить, полюби, но не жалею.

6

Запирая дверь Анютиной квартиры, я почему-то вспомнил данное мной обещание Галине «через дорожку не перебежать». Перебежал, но какого-либо угрызения совести не испытывал. Правила устанавливал не я.

А в квартире на кухонном столе лежала записка, придавленная простым ключом с колечком.

«Гаврош, это ключ от твоего жилья. Бери все, что считаешь нужным, вплоть до мебели. Все твои вещи я собрала. Они в спальне. Сумки и чемоданы, ты знаешь, на шифоньере. На всякий случай напоминаю, наш развод через неделю. Галина. P.S. Позвони папе, он очень просил».

Я дважды перечитал послание – сердце отреагировало тупой болью. Я сел на кухонный стульчик, задумался. У меня было такое чувство, что прошла жизнь и вот я старый и немощный просто сижу и тупо созерцаю уходящий мир. Потом я встал, прошел к телефону и позвонил тестю.

– Рад тебя слышать, Гавриил, в бодром здравии, – ответил Сергей Сергеевич.

– Ну насчет бодрого не уверен, – едва промямлил я.

– Прекрати, капитан, тебя в Афгане убивали, ты духом не падал. Тридцать для мужика не возраст. Ключ у тебя? Галя передала?

– Так точно.

– Ну, подгребай и я с Эльвирой подъеду. Примешь работу. Душу мы вложили.

– Хорошо, только полчаса на сборы.

Впрочем, на сборы ушло и того меньше. Галина все аккуратно разложила «по интересам»: одежду, белье, мелочевку. Кстати, в ней, в мелочевке, я обнаружил целофановый пакет с хирургическим инструментом. Тот самый, с которым я начинал работу в госпитале. В этом месте сердце тронула боль, просто есть такой диагноз, памятью называется... Вещей набралось на большой чемодан и дорожную сумку. Я вызвал такси и в последний раз с тяжелым чувством обошел квартиру. В спальне я задержался у портрета дочери. И, подумав, решительно снял. Уложил в чемодан.

– Вот теперь, капитан, тебя здесь ничего не держит, – сказал я вслух и шагнул к входной двери.

Я едва подъехал с общежитию и выгрузил вещи, а на стоянку уже заруливала зеленая «копейка» моего тестя. Первым бросился помогать мне Сергей Сергеевич, он подобрал чемодан, а Эльвира, то бишь, Александровна, только сделала робкую попытку помочь мне взять сумку, но я этот ее благородный порыв отверг. Впрочем, я впервые созерцал Эльвиру «живьем» и в принципе другой себе и не представлял. Еще в «афганскую пору» активной переписки с женой, образ ее она изобразила, как смесь «кустодиевской купчихи с чеховской душечкой». В самом деле, это была пухленькая, полногрудая дамочка лет сорока, с глазками-ягодками, которым все время неймется, и скрытой глубоко в них улыбочкой подобострастия и хитринки одно-

временно. То, что она заполучила в бессрочное пользование бесхозного пожилого, с брюшком мужика с полковничьими погонами и далеко не блещущим офицерским изыском, с определенной целью, не вызывало сомнения. Это бросалось в глаза. Только, похоже, в доску разбитый «последней страстью» полковник в упор не хотел замечать деталей. Верховодила она и потому, протянув мне для знакомства свою белую ручку, Эльвира смело заняла позицию у моего плеча. Так мы и пошли с ней к парадному входу, а сзади с чемоданом, сгоняя июньскую испарину со лба, тащился полковник. И уже в комнате окончательно и бесповоротно инициативой овладела Эльвира. Как-то само-собой вышло, что все представшее пред моими очами – это ее рук дело. Впрочем, удивляться было чему. Из вонючей берлоги, в которой разве что могли тусоваться бомжи, получилось весьма приличное жилье с импортными «под золото» обоями на стенах в основной комнате, с элитной сантехникой в туалетной и прочими приятными штучками. Едва тесть пытался вставить свое веское словцо, тотчас очередной козырной картой покрывала его заслуги Эльвира. Я метался меж двух огней и благодарил налево и направо.

– Вчера вот только закончили. Я наняла тут девочек – они все вымыли, – сказала Эльвир, как бы подводя итог.

– В две смены работали, – подкрался к ее последним словам тесть.

– А диван, стол откуда? – спросил я.

– Это все наше, – тотчас подхватила Эльвира. – Ну сойдет же на первый случай. Вот только шифоньер, столик на кухне, стулья – это местный сервис. Не понравится, потом заменишь.

Эльвира открыла дверцу шифоньера. Вот тут мы тебе и бельишко кое-какое положили. И даже новый постельный комплект.

Конечно, я был тронут.

– Спасибо, ребята. – Честное слово, ни о каком другом умысле, кроме искренней помощи бывшему зятю, думать не хотелось. – Денег хватило? – спросил я.

– Хватило не хватило, не важно. Кстати, холодильник «Саратов» почти новый. Из закровов самого директора, – сказал тесть и открыл дверцу. – Ну вот и сувенир наготове.

Конечно, бутылка шампанского и стаканы, обнаруженные как бы случайно, были тотчас выставлены на столик. Обмыли ремонт. Отдельный дамский тост посвятили моему знакомству с Эльвирой Александровной.

... Уходя, тесть поинтересовался здоровьем стариков. Это для приличия и пообещал на следующей неделе проехать на дачу, решить и там вопрос собственности.

– Я своих слов на ветер не бросаю, – подчеркнул Сергей Сергеевич.

Надо было видеть брошенный в этот момент на него взгляд Эльвиры. «Ну ты, кажется, влип, батенька» – тотчас отреагировал мой внутренний голос. Со словами: «Обживайтесь, мы будем всегда рядом» они удалились.

Первое, что я сделал после их ухода, повесил над диваном портрет дочери. Правда, для этого мне пришлось заглянуть к коменданту, попросить молоток и гвоздик. Все это он мне выдал без колебаний и сказал вслед: «Подготовите, офицер, документы на оформление жилья и прописки. Подойдете как-нибудь». В тот же день я отдал тестю офицерское удостоверение и уже на следующий день Сергей Сергеевич вернул мне его со штампом «выписан». И потом под диктовку коменданта я написал плачевное заявление на имя директора завода и через пару дней был прописан на Флотской улице.

Однако дачный вопрос, который так настойчиво внедрял в мое сознание тесть, временно отложился. Сергей Сергеевич неожиданно отправился в Белокаменную в командировку. В один из вечеров я пригласил в гости Анюту. Получилось импровизированное новоселье с разными вкусностями на столе, от души приготовленными подружкой. Немного поколебавшись, она осталась ночевать. Впрочем, тот первый

удар жадно реализованной страсти прошел и теперь все мое, как бы подернутое легкой дымкой забвения чувство к Гале, включая детали интима, вновь вернулось на круги своя. Просто сам не ведая того, я почти автоматически сравнивал Анюту с Галей. И, несмотря на нетронутую еще опытом в деликатных моментах и такую трогательную девичьест Ани, меня тянуло к Галине с ее яркой чувственностью Я понимал, что инерция женщины некогда разбудившей в тебе мужчину, все-таки явление временное, но каково Анюте просыпаться от сонного бреда рядом лежащего мужика и слышать стенания типа «Галчонок мой».

– Любишь ты ее, Гавр, любишь, – иной раз вздохом роняла она, заглядывая мне в глаза и ища вероятно хоть маленькую в них надежду... – Не ушел ты еще от нее...

– Это пройдет, Анют. Не торопи меня.

– Может нам расстаться? – робко предлагала она.

– Может, но не стоит, – пытался я несложно улыбаться ей и не мог. – Ты понимаешь, ее нет, и никогда уже не будет в моей жизни. Ну, это как орган, который удалили из человеческого организма, а он все болит, болит.

– Фантомные боли, я слышала.

– Ну, вот видишь, какая ты умница. Именно, фантомные боли. Просто нужно время. Вот родишь мне девочку, и все станет на свои места.

– Я полагаю, капитан, это такая шутка. Я уже однажды родила, – потупилась вдруг Анюта и на ее глазах выступили слезы...

Между тем подоспел означенный срок бракоразводного процесса и я подъехал к известному учреждению на такси. Я прибыл на сей акт в гражданской одежде, в джинсах и тенниске и впервые за все послегоспитальное время без палочки. Конечно, мне казалось, что хромота моя чудовищна и все обращают на меня внимание. Правда, не скрою, движение без костылика давалось нелегко. Мне все время хотелось опоры. Ну, когда-то же надо привыкать и пусть это начнется в такой памятный день. Конечно, волнуясь, я ожидал нечто похожее на судебное заседание в большом зале, разумеется, с судьей в мантии и прочими атрибутами. А все вышло скучно и до обидного просто.

Галя подкатила на своей служебной «Волге» и, окликнув меня, подошла. Поздоровались.

– Никаких вопросов никто задавать не будет. Подпишем бумаги и все, – объяснила она.

– То есть будем свободны друг от друга без проволочек, – слегка взбодрился я.

– Именно, – поощрено улыбнулась Галина. – Это хорошо, что ты пришел в гражданке. Я уж и не помню, когда тебя видела таким.

– Ничего не понял, почему хорошо, – сказал я уже в спину Галине, уверенно направляющуюся к выходу.

В кабинете по мебели и общему виду, похоже, руководящему, пожилая женщина в светлом костюме, поздоровавшись персонально с Галиной, а мне кивнув головой, сказала скрипучим канцелярским тембром:

– Ваши документы.

Жена подала паспорт, а я протянул офицерское удостоверение. Женщина – руководитель достала бумаги. Положила перед нами.

– Подпишите вот здесь и здесь.

Потом она поставила штампик в паспорте жены, а у меня то ли спросила, то ли уточнила:

– Вы, наверное, не успели получить гражданские документы?

Я кивнул в знак согласия, наткнувшись на откровенно лукавый блеск в ее глазах.

Потом она выдала нам по свидетельству о разводе и, вздохнув, просто и скорее себе, сказала:

– Сколько лет работаю, а к этой процедуре не могу привыкнуть. Всего доброго.
– Ну что, Галчонок, отметим наш развод? Давай завалим в какую-нибудь кафешку. Я полагаю, этот цирк готовила ты? – я кивнул в сторону учреждения.
– А что тебя не устраивает? Ты хотел бы публичной порки жены?
– Да все правильно ты устроила. Просто как-то пресновато. Пойдем шампанского треснем. Вот когда горько-то кричать надо.
– Ладно. Гаврош, шампанское будем пить по другому поводу, – сделала жалкую попытку соответствовать моему настроению теперь уж моя бывшая. – Счастливо тебе. У меня дел по горло.
– Жаль, – бросил я. Галя шагнула к машине, усаживаясь взглянула на меня, и я вдруг крикнул. – Эй, а возврата не будет.

Галя придержала дверь, оглянулась и, кажется, на лице ее замер испуг. Я еще долго смотрел вслед автомобилю – на душе было мерзко. Я чувствовал одиночество, пустоту... На работу надо тебе устраиваться, старик. К людям и чем быстрее, чем лучше, – подумал я.

В тот же день у коменданта общежития я выпросил городской телефонный справочник и выписал ряд номеров медведомств. Конечно, к акции трудоустройства можно было бы подключить тестя – ему-то в этом городе все пути-дорожки известны, но это будет слишком. «Сам, старик, сам», – сказал я себе и следующим утром, устроившись у аппарата дежурной, приготовился к обзвону. Первый звонок, как и положено, в приемную начальника горздравотдела.

– Слушаю вас, – ответил мне милый голосок секретарши.

Я, заметно волнуясь, объяснил ей свои намерения, указав между прочим образование, потом несколько слов о своем опыте хирурга в войсках и на территории Афгана, но девушка перебила:

– Молодой человек, я вам советую написать подробное о своей работе досье и с ним в 34 кабинет к Жанне Иосифовне – это заместитель по кадрам. Вас устроит сегодня после обеда? Часика на три, я с ней согласую.

– Да, конечно.

– Адрес наш знаете? Подбельского, 190, рядом с институтом экономики.

– Да-да, спасибо, я помню.

– И не забудьте необходимые документы. Всего доброго.

– Всего...

Какое-то время я тупо созерцал черный телефонный агрегат, пока дежурная старушенция не заметила ворчливо:

– Ну, слава богу, дозвонились сразу....

– Да-да, спасибо, – ответил я и шагнул к себе «рисовать» досье.

Точно в 15.00 я стоял у кожаной двери заместителя начальника горздрави по кадрам Жанны Иосифовны Бельс. Запустили меня, однако, в руководящее чрево в 15.30. Впрочем, хозяйка кабинета сплошь заставленного шкафами с папками, мило извинилась. На прием я оделся в военную форму, с орденом. Медали и всякие знаки я оставил на парадном мундире. Лето. Конечно, я рдел от смущения. Жанна Иосифовна – довольно молодая женщина с эффектной стрижкой совсем не походила на канцелярскую чинушу. У нее были подвижные глаза и какая-то общая интеллигентная утонченность. Она вышла из-за стола мне навстречу и пожала руку. И это было приятной неожиданностью.

– Значит, вы у нас хотите работать? – щедро улыбаясь, усадила она меня напротив себя. Я сразу же достал из папки документы, диплом, партбилет, досье.

Она бегло прочитала досье. Более внимательно остановилась на дипломе.

– Вы такую фирму закончили, – то ли удивилась, то ли восхитилась она. – Ленинградская военно-медицинская академия... А как здесь оказались?

– По распределению, военный округ, госпиталь... потом Афганистан.

– Скажите, а Галина Сергеевна Апраксина, главный врач горбольницы, кем-нибудь вам приходится? – ни с того, ни с сего вонзила кадровичка вопрос.

– Наверное, однофамилица, – откровенно нагло соврал я, но благо развития темы не последовало. Жанна Иосифовна углубилась в чтение досье. Потом заглянула в диплом.

– Ну что я вам скажу, с бумагами у вас более, чем в порядке. Правда, не вижу удостоверения личности...

Тут у меня откровенно запылало лицо. В офицерской книжке запись семейного положения. И бывшая в нем, с именем и отчеством.

– Сдал на оформление гражданских документов, – быстро нашелся я. Но Жанна в этот момент увлеклась моим партийным билетом. Сказала:

– Очень хорошо, что вы член партии. Вам бы, по вашему статусу, Гавриил Алексеевич, не плохо бы возглавлять клинику.

– Ну, я не уверен, что из меня получился бы хороший организатор. Я практик, мне живое дело ближе.

– Понимаю, в хорошую команду хирургов. И такие у нас есть. Но вакансии заняты под завязку. Где-то через полгода будет местечко хирурга в дорожной клинике. Там хороший доктор, но возраст уже зашкаливает все допустимые нормы. А так чем мы располагаем? – Она вздохнула. – Есть вакансии участковых врачей. Особенно на поселках, но это совсем не для вас. – Конечно, она имела в виду мое увечье. – Еще вот вакансия патологоанатома...

– Только не это. Мне Афгана достаточно, – решительно прервал я.

– Ну, тогда скорая. Только что там проводили врача в декрет. Место свободно. Поработайте каких-нибудь полгодика, и я вам обещаю место хирурга в дорожной клинике. Ну что, соглашаемся? – улыбнулась Жанна Иосифовна.

– Хорошо.

– Ну, тогда я не откладываю в долгий ящик и звоню Георгию Ивановичу Зимину в неотложку. Это на улице Суворова. Вы город знаете?

– Конечно.

– А, ну да, вы ж в госпитале работали. Поезжайте прямо сейчас туда. И я думаю, все будет в порядке. – Она подала мне мои документы и встала из-за стола. – Мне приятно было с вами познакомиться, коллега. Я конечно о вас проинформирую начальство и, думаю, наш разговор останется в силе.

Я пожал руку, откланялся.

Посещение оставило приятное впечатление. «Скорая, конечно, не подарок судьбы, но во врачебные скрижали меня, кажется, внесут», – приятно подумал я, покидая главную медицинскую контору города.

Георгий Иванович Зимин – главный врач скорой оказался довольно тучным мужчиной с лобатым лицом и мясистым подбородком. Тяжелые роговые очки придавали его лицу какую мрачную завершенность.

– От Жанны, – сказал он плотным баском и подал мне мясистую лапу. – Садитесь. Ну, досье на вас в устной форме имею. Вот даже набросал на листке твои данные.

В кабинете устоявший тяжелый запах пота и курева. Скрипящий вентилятор дышит вяло, натужно. Рукава халата главврача завернуты по локоть, и тяжелые волосатые руки массивно разбросаны по столу.

– Хирург – это хорошо, – произнес Георгий Иванович, слегка свежая лицом. – И, похоже, повидал всякое.

– В общем да, – откровенно смущаясь, согласился я.

– Все к нам идет от нужды. Потарахтят малость и велят. А у нас, может быть, самая главная служба.

Тут я подумал, что меня агитировать не надо, и Георгий Иванович, вероятно, это понял.

– Ладно, митинговать не буду. Ты прошел войну – это дорогого стоит. Мы тут тоже воюем, но по-своему. Врач скорой – это многостаночник. И роды принять и клизму поставить. Я уж не говорю про ДТП. Задолбали.

Тут я открыл папку, достал документы.

– А это мне не надо. Это для отдела кадров. Жанна мне о тебе все в деталях рассказала. Заявление напишешь, я подпишу. Только ты извини, что я сразу на ты. Так проще, без китайских церемоний.– Тут он опять поднял со своего стола листок, пробежал. – Так ты значит, Апраксин Гавриил Алексеевич...

– Так точно.

– Слушай, а Галка, то есть Галина Сергеевна Апраксина, главный врач горбольницы каким-нибудь боком имеет к тебе отношение?

– Мне этот вопрос уже задавали. Однофамильцы мы, – занервничал я.

– Правда... Ну да Бог с ней... с Галкой-то. Значит так, работаем сутки через двое. Транспорт, ты проходил по двору видел, вроде ваших военных таблеток, только цвет другой. Водители иногда меняются. Ты с ними познакомишься. А вот твоя напарница Милана Никольская – медсестра будет постоянной. Я подчеркиваю не Мила, а Милана. Для нее это принципиально. Ей под тридцать, холостячка. Ну, переросла баба, замечу, красивая, так, скажем, блондинка польских кровей. Ты парень, я понял холостой, не вскружи ей голову... Хлопот не оберешься.

– Это ни мне, ни организации не грозит, – улыбнулся я и подумал, уж сам-то он не положил на нее глаз?

– Так-то оно так, но мое дело предупредить. Ты парень видный, офицерская выправка. Гусар. Вам пообещать жениться просто. Но обещал – это не значит женился. А мне лишняя головная боль ни к чему. Ну что еще, материально-техническая база у нас в полном соответствии с лучшим здравоохранением в мире. – Тут Георгий Иванович позволил наконец себе ухмылочку. – С медикаментами напряг. Нелишне спросить у пациента про лекарства. Ну, а контингент всякий. Гипертоники, астматики... Пьяные травмы, алкогольные психозы и т.д. и т.п. В общем, все как у людей. Вот, пожалуй, и весь инструктаж. Сейчас ты черкнешь заявление и завтра к восьми.

Тут же за столом главного врача я написал заявление. Зимин подписал, поднялся из-за стола и подал руку.

– Отдел кадров по коридору налево. Ну, будь здоров, однофамилец, – лукаво усмехнулся он. – Если что, извини за напряг.

Первое суточное дежурство прошло относительно спокойно. Пара гипертонических кризов, одно отравление, одна почечная колика. И один жестоко избитый хулиганами подросток, доставленный в травматологию. Медсестра Милана, в самом деле, была красоткой, но как бы уже привяленной. Я как-то сразу определил дистанцию и, по-моему, девушка это оценила. Пожилой водитель Иван Иваныч оказался балагуром и весьма тонким остряком. В молодости он служил на флоте, в чине старшины какой-то там статьи и истоки юмора оттуда. Если не считать места дислокации Одессу. И хоть руки мои чесались по настоящему делу, но первым рабочим днем я остался доволен.

У проходной общежития меня остановила дежурная и сказала, что заезжал проведать меня пожилой военный. Я ответила ему, что слышала – вы на работе. А он очень удивился, даже переспросил, уж не перепутала ли чего я, – протараторила дежурная. – Просил, чтоб вы позвонили. Как придете.

Я тут же набрал тестя.

– С приездом, Сергей Сергеевич, – весело начал я. – Здравия желаю. Как вам столица?

– Не понял, Гавриил, эт на какой ты еще работе? – без приветствия вот так «в лобешник» спросил тесть, минуя вопрос.

– Устроился на скорую. Да тут череда событий.

– Да знаю, знаю. С Галкой зад об зад и кто дальше?

– В общем-то, да.

– Скорая? Не поспешил ты? Мог бы и меня дожидаться.

– Спасибо, Сергей Сергеевич. Что ж вы меня все время будете пасти. Спасибо, пора и меру знать.

– Ну, ты меня не обижай, – пробурчал тесть, и возникла пауза. – Ладно, надо же завершить процесс по делу дачной усадьбы.

– Сегодня я с дежурства. Если можете, завтра в любое время.

– Я всегда могу. А со скорой ты все-таки поспешил. Боевой офицер, хирург. Не в коня корм.

– Спасибо, тронут, – сказал я и повесил трубку. Кажется, своим трудоустройством я тестя разочаровал.

Он подкатил на следующий день лишь к полудню. Я в буквальном смысле занудился его ждать, даже психанул: «Вот приедет и pošлю я дорогого благодетеля куда подальше с его подарком». К чему мне эта лишняя головная боль – пусть оставит ее Эльвире, а то она вконец его заточит. Но, пожимая руку Сергею Сергеевичу, «в доску» озабоченному опозданием: «Генерал на ковер вызвал на внеочередную профилактическую «клизмотерапию», – мою решимость отказать от дачи, как рукой сняло. (Даже страшно подумать, что было бы со мной, если бы я тогда отказался).

В общем, мы дружно завалили в его зеленые «жигули» и сразу берем с низкого старта. Впрочем, ездить с моим дорогим тестем, надобно иметь крепкие нервы. Кажется, для отставного полковника не существует ни ГАИ, ни дорожных знаков, ограничивающих скорость, ни самого дьявола. Видимо, автор знаменитого анекдота «мастер едет», имел в виду моего тестя. Я нервничал, а он лишь подмигивает и откровенно валяет дурака.

– Спокойствие мой друг, только спокойствие. Вот тут мы ее и обойдем с легонца. И с этим «легонцем» считанных минут хватило, чтобы мы наконец вырвались из цепких лап города. А в полуденный час пик – это что-то! Но мое напряжение окончательно сняло лишь когда выехали на загородную трассу.

– Ну, я должен заметить!.. – воскликнул я.

– А моя Эльвира песни поет. Ей нравится, – самодовольно ухмылялся тесть. – Хочу официально заявить, за последние два года ни одного наказания. Даже замечания в устной форме.

– Погоны вас спасают, полковник.

– Привык. По-другому не могу. Да тут все гоняют на грани фола. Город...

Мы выехали в зеленый дачный поселок. Но Сергей Сергеевич покотил не привычной дорогой, а повернул на другую. Мы переглянулись.

– К председателю кооператива едем. Я ему перед отъездом позвонил, чтоб никуда не свалил. Сначала оформим документы и потом к себе, – объяснил тесть.

И тут я почувствовал волнение, то далекое, подзабытое уже. Просто бродячей собакой ткнулась в колени память. Сколько времени я провел на этой даче с Галкой, не поддается счету. Эдакий ломоть жизни! Здесь Галка потеряла девственность, а я утвердился в качестве достойного мужчины, «единственного на всем белом свете».

– Чего сник-то? Галчонка вспомнил? – догадался тесть.

– Вспомнил. Все самое первое было здесь, на этой территории.

– Любишь ты ее, капитан. Как и я ее мать. Вот таких непутевых и любят-то.

– А Эльвира? – исхитрился я.

– Эльвира – это месть ушедшей молодости. У нее двое непутевых деток, сын и дочка. И каждому дай. Вот мы и повязаны по интересам. Эльвира живет в моей трехкомнатной квартире в законном браке. Значит, если я, тьфу-тьфу, откинусь, все ей останется. А дачу ей – это слишком. Поздняя любовь, сам понимаешь, наказание. Но и ей предел есть. Такое вот оно счастье наше. Как в той песенке, так себе

и «бродит в Парагвае, прячется в банные листы» Вот приехали. Соберись, офицер, потом спасибо скажешь.

– Я и сейчас, скажу, чего ждать-то, – улынулся я.

Управление дачного кооператива – это по сути добротный хозяйский дом, где руководитель отвел одну из своих комнат под служебное помещение. Поставил, как в кабинете, двухтумбовый стол, рядок стульев у стены, для усиления эффекта напротив – портрет генсека, ну, и черный телефонный аппарат по правую руку. На столе под стеклом какие-то формуляры с печатями, у края – кожаная папка средней толщины, как же без нее.

Впрочем, из-за стола вышел высокий, осанистый мужчина с проседью, пенсионного возраста по гражданскому летоисчислению. И хотя он был в пестрой клетчатой шведке, простых, несколько широковатых брюках, но по мере подачи себя, уверенному рукопожатию, и главное, командирскому голосу я без колебания определил в нем бывшего офицера, старшего по званию.

– Здравствуйте. Заходите, хлопцы, усаживайтесь, – пригласил он просто.

– Здравия желаем, – ответили мы едва не в унисон.

– Это Петр Иванович Стрельцов, – представил мне руководителя кооператива тесть. – Из нашей, значит, гвардии. Летун. Полковник ВВС.

– Отлетался. Теперь только во сне, да с кровати на горшок, – проходя к себе за стол, то ли пошутил, то ли поведал нам свое огорчение этот Стрельцов. Впрочем, мне он понравился. Какая-то надежность исходила от него. Ну, чтоб не тянуть резину, Сергей Сергеевич, сразу пишем заявление. Один о выходе из кооператива, другой о вступлении. Задача ясна?

– Так точно, – ответил тесть и достал ручку.

Петр Иванович поднял стекло на столе и вытащил из него листок.

– Это форма. А вот вам бумага, размер стандартный «А-3» для подшивки в дело. – Несколько листков этого самого «стандарта» он вынул из папки. – Ознакомьтесь с формуляром и вперед. И данные своих документов не забудьте.

Писали мы, впрочем, не долго. Летун в это время покуривал у входа.

– Продаешь или душевно? – спросил у Сергея Сергеевича председатель, почитывая листки и то снимая очки, то набрасывая на кончик носа.

– Дарю, Петр Иванович, я ж тебе говорил. Это ж мой зять.

– А ну да, ну да, помню. Душевно значит. Скоро Сергеич, закон новый примут, все будет не просто так, я отдал, ты взял. А по закону. Каждый участок и строение будет оформлено и переходить в собственность, со всеми юридическими тонкостями. Через нотариуса. Гуртове-чартове заканчивается. Это счас время поганое. Опускаемся. Крайние дачки уже, считай, бросовые, ворье, шпана, разбирают. Металл на сдачу. Ну боремся, как можем. А наступит время – эти сотки за большие деньги покупать будут. Город рядом. Перелесок, озерцо. Золотое место. Вот попомнишь мое слово. Вода питьевая подведена, энергия тоже... Цены не сложишь.

– Может быть, может быть! Вот пусть молодые и обустраиваются, – подмигнул мне тесть. – А если что, много нам надо? Раз в недельку наведаться к зятю в гости. Пустишь, Гавриил?

От такого неожиданного вопроса я как бы слегка приглупел, ответил после паузы:

– Как можно, конечно, с радостью.

– Вот так, Иванович. Не чужим людям отдаем. – А я подумал: «Чужим уже получается».

После крепкого рукопожатия тесть предложил обмыть сделку. Но инициативу председатель не поддержал – он срочно отбывал по делам в город. «Как-нибудь в другой раз, офицеры», – сказал он и заторопился.

Уже в машине, продвигаясь по территории к себе на участок Сергей Сергеевич проговорил.

– Да хворый он. Только с виду бодряга. В каких только переделках не бывал. Контуженный-переконтуженный. Он же легчик-испытатель. Даже, говорят, во Вьетнаме нашим инструктором работал, когда американцы на рога весь мир ставили. – Тесть встряхнул головой и ушел на какое-то время в себя. – А ничего, сейчас по месту обмоем сделку. Зря я что ли коньячок покупал. Пахомыч подгробет.

– А кто такой Пахомыч?

– Сторож. Историческая, скажу тебе, личность. С ним не пропадешь.

Солнце завалилось на вторую половину неба, но зной не отступал. Было душно, от озера потягивало сложным запахом настоящей на травах влаги, но ядреная смесь плодового цвета все-таки властвовала. Я почувствовал, как к душе подкрадывается грусть.

Тесть лихо заруливает на нашу стоянку, и я вижу в глубине дом. Почему с годами все как бы убывает в размерах – загадка, то ли ты становишься больше, то ли мир вокруг теснее, но дача – гордость семейства, из хорошего облицовочного кирпича с широкой застекленной верандой показалась мне простенькой, мелкой. Там, в Афгане, я часто видел ее во сне, с Галей, конечно и представлял дом большим, просто-таки необъятным. А всего-то, следом за верандой кухонька, затем комнатуха, направо – спальня, а за ними, тестева гордость – большой каминный зал. Все это я обхожу махом и мое сердце в руке у Галины – они тискают его, как хочет. Впрочем, у каминна я задерживаюсь и стою долго, пока тесть на кухне выставляет на стол содержимое сумки.

– Ты только слезу не пусти, – кричит он мне из кухни.

– Может, все-таки в беседку пойдем? – предлагаю я.

– А что, верно. Потосковали и будет.

Пока продвигаемся к беседке, я замечаю, что дача ухожена, ни травинки. На импровизированном огороде весело зеленеют всходы. Неужто Эльвира?

– Это все Пахомыч, – замечает мой восторг тесть. – Он тут у нас за главного. И садовод, и огородник. Эльвира-то тяжела на подъем. Ну, отстегиваю старику помаленьку. А яблоки в этом году хорошо цвели.

Только мы расположились в глубине сада в беседке и вот он тут как тут этот самый Пахомыч. Тесть вышел из беседки к нему навстречу, легонько приобнял после пожатия руки.

– Знакомся, Гавриил, легенда местного охранный управления, гроза всех босяков Кондрат Пахомович...

Передо мной стоял весьма щедушный, невысокого росточка, лысоватый мужичок лет шестидесяти и как-то извиняюще-жалко тискал улыбку. В его небольших серых глазах замерло изумление на грани обиды.

– Какая еще гроза, скажете такое, – сказал он таким крепким баском, что я как-то внутренне подтянулся. Полное несоответствие голоса внешности – этот непонятный парадокс природы меня откровенно изумил. Я протянул ему руку.

– Гавриил. Вот этого военного человека, – кивнул я на тестя, – зять.

– Да-да, я о вас слышал. Ну, когда вас в Афган отправили, тем же годом я сюда вот на службу и заступил, – не отпуская мою руку, сказал сторож.

– Ну что, к столу, – позвал Сергей Сергеевич. И после первой стопки, спросил Пахомыча. – Ну, доложи, Кондратий, как блюдешь интересы дачников на вверенной тебе территории?

– А сказать нечего, товарищи офицеры. Я сужу шире. По ситуации в стране.

– Во как? А какова ж ситуация, Пахомыч?

– Извините за некую неинтеллигентность в выражениях, но если держава уверенным маршем дислоцируется в район заднего, извините, места, то и настроение

у народных масс окраинных территорий будет в полном соответствии стратегии. Начинается массовая экспроприация окраинных дач. Тянут металл, разумеется, на сдачу, строительные материалы, инструмент и вообще, что-либо ценное. А так как стрелять, извините, на поражение, права не имеем, то наши «пукалки» – этот воровской элемент только забавляют.

– Грустно, – вздохнул тесть.

– Ну, вам-то не грозит, – улыбнулся чисто по-детски старик. – Я-то рядом, сюда ближе к центру они все-таки побавляются. Как-то, вы помните, Сергеич, милиция снизошла до наших просьб и облаву устроили. Ну, пошугали, а что толку. И телефон у меня теперь.

– Слышал, Гаврюша, есть связь. Тебя они не тронут. – Тут я уловил вопрос во взгляде Пахомыча на тестя. – Да забыл тебе, Кондратий Пахомыч, представить уже нового собственника моей дачи. Вот прошу любить, да и жаловать моего зятя, Гавриила...

– Бывшего зятя, – вдруг брякнул я.

– Ну, если ты так считаешь, – обиделся тесть.

– Юридически, – попытался исправиться я.

– Ладно, как есть, так и есть, – сказал Сергей Сергеевич, и я не понял, обиделся он или нет.

– Так-таки разошлись. Жаль, – сказал Пахомыч. Видимо, историю моих отношений с Галиной знал.

– Ну ладно, подведем черту. Ничего не изменилось. – Тесть поднял стакан. – Все живы и все здоровы. За то и выпьем.

Прощаясь, Пахомыч сказал:

– На следующей неделе пойдут свежие огурчики, а там и помидор на подходе. Так что жду хоть по одиночке, хоть парой.

– Прими к сведению, хозяин, – холодно заметил мне тесть.

... С дачи мы возвращались молча. Откровенно говоря я пожалел, что принял этот подарок. И, кажется, тесть это понимал. Впрочем, перепад настроения не мешал ему гнать машину вопреки всем правилам.

Жара начала спадать, но от полуденного зноя город уходил в не менее вязкую и томительную предвечернюю духоту.

– На Флотскую? – спросил Сергей Сергеевич. – Или у тебя какие-нибудь другие планы?

– Остановите в центре. Пройдусь по магазинам, – сказал я. Конечно, особой нужды прогуливаться по магазинам не было, но мне почему-то показалось, что тесть сожалеет о своем подарке. И молчать дальше просто было невмоготу.

Он остановил мне у кинотеатра «Мир» – от него начинался торговый центр, спросил:

– Тут пойдет?

– Пойдет, – ответил я, открывая дверцу.

– Ты, это, не бери в голову. У меня иногда бывают перепады, – сказал Сергей Сергеевич.

– Уже не беру, – улыбнулся я. – Спасибо, Эльвире привет.

Я хотел сказать еще, что в принципе ничего не изменилось. И дача, по-любому, остается общей для всех. Но тут тесть достал из бардачка ключи, протянул:

– Ты забыл главное. Ключи.

– Надеюсь, у вас есть дубликат? – спросил я.

– А зачем? – тесть бегло, неискренне улыбнулся. – Как говорят, уходя, уходи.

Наверное, я как-то особенно взглянул на него.

– Да не грузи себя. Все нормально. Будь здоров, – отвечает тесть.

Я выхожу из машины и какое-то время, ошарашенный, смотрю ей вслед.

РОДНИК

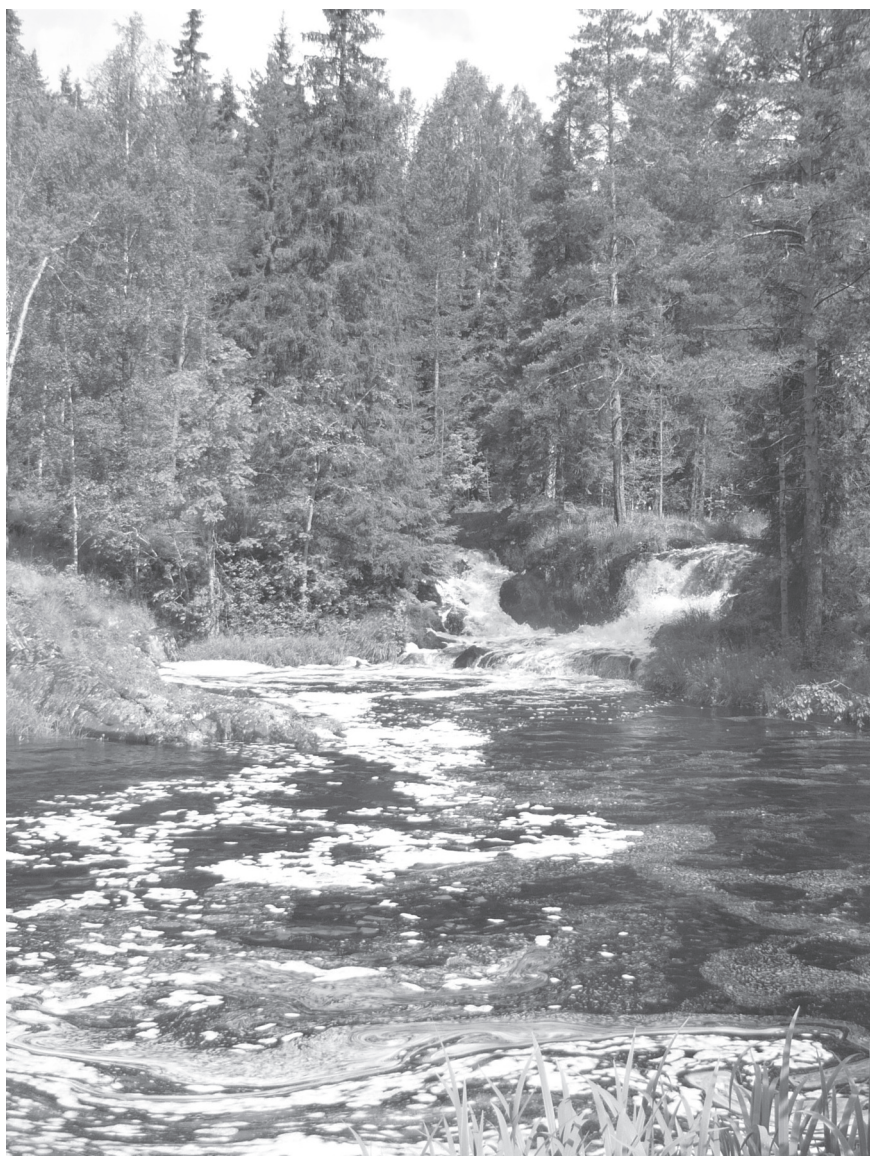
Альманах в альманахе

---

*Люблю я степь польминую
С приправой чабреца
И степь твою Бьелминую
Без края и конца...»*

Анатолій Сафронів

**Победитель альманаха
«Дон и Кубань» № 1 (14) за 2012 г.
в рубрике «Родник»
Михаил Серопорнов
ЛТО «Логос»
г. Туапсе Краснодарского края**

Притчи

Советы

Торопясь войти в автобус, старушка оступилась и от неожиданности испугалась.

– Осторожней! – предупредительно воскликнул один из мужчин на задней площадке.

– Надо внимательнее смотреть, старая, куда садишься, – недовольно проворчал второй.

Третий же, ничего не сказав, подал руку и помог бабушке подняться в автобус.

Мораль? Вы думаете, конечно, что лучше всех поступил последний мужчина. Нет, самым правильным был поступок второго. Старушка ошиблась, ей нужен был автобус совсем другого маршрута.

Ура!

– Ура! – воскликнул полководец, взметнув над головой шапку.

И тотчас же за ним откликнулось тысячеустым ревом войско. Лавина ринулась вперед и смяла противника. Помялась и сама немного.

– Ура! – снова вскинул клинок полководец.

Эхо на этот раз прозвучало слабее. У оставшихся лежать на земле уста были сомкнуты.

– Ура! – прохрипел еще раз полководец и уже не взмахивал своим холодным оружием.

Отклика сзади не последовало: некому было откликаться.

А из рядов противника устало сказали:

– Отдай шапку.

Учёба

Не нами сказано – на ошибках учатся.

Правильно. Ошибки надо анализировать, надо изучать.

Чтобы не повторять их в будущем. У будущего должны быть свои ошибки.

Чтобы будущие поколения имели самые свежие пособия для учебы.

Визит

Я жил очень одиноким человеком.

Один в пустой квартире.

Один в большом доме.

Один в многолюдном городе.

Один в многомиллионной стране.

Один в мире.

Один во всей Вселенной.

И не было ни одной живой души на свете, которая пожелала бы встречи со мной. Никто даже видеть меня не хотел.

И тогда я решил сам сходить в гости. К самому себе. Ничего другого не оставалось.

Я долго и тщательно собирался: в гости же шел.

Я чувствовал всю необычность предстоящего события – ведь я, живущий один в этом огромном мире, мог, наконец, покончить со своим одиночеством, обрести друга, товарища, собеседника.

Я шел на встречу!

Но – увы! Я никого не застал. Ведь я шел к себе. А меня-то дома не было: я же отправился в гости.

Команда

– Раз, два, три – прыгнули!

И все прыгнули в воду.

На берегу остался только он.

– Налетай на инструмент! – скомандовал он. – Несмелому не достанется.

Несмелым оказался он.

– Хватай... не хватай... хватай! – дал он сигнал при дележе пищи, которой явно недоставало для всех.

Лучший кусок оказался у него.

Крыша

Когда шел по краю, еще подумал: оступлюсь или нет?

Оступился.

Когда катился по крыше, еще подумал: долго или недолго буду лететь?

Оказалось, недолго.

Когда приближался к земле, еще подумал: крепко ударюсь или нет?

Крепко.

Придя в себя, еще подумал: целы ли кости или нет?

Целы. Кое-где.

Когда снимали гипс, еще подумал: скоро ли смогу обходиться без костылей?

Скоро. Если сидеть – в ту же минуту. Если передвигаться – и полгода не прошло, как перешел на палочку.

Когда проходил мимо того самого дома, еще подумал: а стоило ли вообще забираться на его крышу?

И еще подумал: почему эта мысль не пришла в голову тогда?

Полёт

Взлететь хочется? Подняться ввысь? Ведь хочется?

Смотри, как это делается.

Прими нужное положение, взмахни крыльями и – полетел, полетел, полетел!

Не получается?

Попробуй еще раз. Крыльями взмахнул и – полетел, полетел, полетел!

Проза... Проза...Проза...

Вячеслав Зименко

г. Ростов-на-Дону

Лепота!!!

Рассказы

Абрикосовый дождь

Звонко запела черепичная кровля дома, гулко и ритмично ее поддержал шифер на крыше летней кухни, глухо застучали о землю спелые, душистые, солнечные ягоды: пошел абрикосовый дождь! Заканчивается июнь – оранжевые шарики просыпались с деревьев, наполнив воздух медово-фруктовым ароматом. Началось явление и наступило время, которые у меня ассоциируются с ежегодным чувствованием выпускников родной школы.

К «выпускному» в деревню съезжаются со всех уголков России, а иногда и «из-за бугра».

В горячем, медленно остывающем к вечеру воздухе, повисают музыка и торжественность, а в сгущающихся, пронизанных неоновыми фонарями сумерках носятся в одинаковой тревожной тональности летучие мыши и стрижи.

У парадного крыльца дома культуры снуют детвора и молодежь, группами «кучкуются» «ветераны» – те, у кого прошло 20, 30, 40 и более лет после окончания «Alma mater». Порхают бальные платья и платица, чинно стоят и восседают на скамейках строгие костюмы; море цветов, запахов и возгласов:

– Ба-а-а..., какие люди и без охраны!

– Привет! Что, так изменился, что не узнаете?

– Лицо знакомое, но имени, извините, не припоминаю.

– А у меня внучка сегодня выпускается!

– Ну, ты и мамон отрастил!!! Хочешь, подарю радикальную диету?

– А помнишь как тогда?... Вот было время!!!

– Ты же знаешь, что Толика Б. уже нет?

– Знаю. Но давай относиться к этому, как поется в одной альпинистской: «Друзья от нас, конечно, не уходят, а просто с нами быть перестают!».

Обычно «Встреча» проходит по заранее всем известному сценарию: стихийные братания на центральной улице, торжественная часть в доме культуры с поздравлениями, объявлением достижений, званий и регалий, награждениями, историческими и современными слайд-шоу. Затем следуют концерт самодеятельности и застолье до самого утра где-нибудь под яблонями или в виноградной беседке.

Интересна традиция, когда юбилейный выпуск очередного года вызывают

в полном составе на сцену. В степенных и седовласых дядьках трудно узнать прежних разгильдяев и оторвил, а в чрезмерно раздобривших (и чего греха таить – постаревших) дамах – школьных красавиц.

Перегородив дорогу, под руки идем на «Встречу». Транспорт терпеливо и без нервов по обочинам объезжает гуляющих.

– Братан, нэ подскажешь, гдэ здэс улица «Какая-то», дом № 2, а может № 66? Савсэм, панымаеш, башка нэ варыт! » – из бесшумно подкравшейся сзади «BMW» последней модели высунулась улыбающаяся и довольная физиономия вечного оптимиста Николая Забейвороты. Если приехал Забей, значит будет весело! У этого человека в голове хранятся тысячи невероятных историй, произошедших с ним лично. Причем его рассказы обязательно сопровождаются соответствующими описываемым событиям звуками и телодвижениями. Soundtrack легко льется из веселого рассказчика, переплетается с нитью повествования и, дополняясь гримасами, как бы подает рассказ в 3D формате.

Традиционно искренне тискаем друг друга в объятиях, расспрашиваем о произошедших с момента прежней встречи жизненных переменах.

Утолив первый информационный голод, задаю Николаю всегда актуальный для меня вопрос:

– Не знаешь, как здесь рыбалка в этом году? Я только приехал и еще не решил – на какой из прудов сходить?

– Рыбалка замечательная, но ты лучше послушай, что со мной приключилось в прошлое воскресенье на «Ильмутьяновском»!

Моментально «обрастаем» толпой случайных слушателей. Воодушевленный заранее благодарной аудиторией Забей, выдержав лекторскую паузу, начинает очередную байку:

– А дело было так... На камсу брался приличный окунь, я уже заполнил рыбой садок и собирался домой, как вдруг удочка медленно поплыла! Схватив удилище, я подсек, но не почувствовал ни какого движения снасти, а только огромную тяжесть. «Наверное, коряга» – подумал я, продолжая тянуть (далее следуют жесты и звуки, в красках показывающие этот изнурительный, высококвалифицированный и смешной процесс). Вытащил, ... (пауза) ... черепаху! Черепаховый суп я не ем, хотел бедолагу отпустить, но возникла проблемка – как освободить крючок? Ведь черепаха втянула голову под панцырь! Вертел, вертел в руках этот «диск», тряс, стучал по корпусу, кричал и свистел в отверстия, пускал туда сигаретный дым. Уговаривал, как Петруха из фильма «Белое солнце пустыни»: «Покажи личико, Гюльчатый», обещал конфетку и 100 грамм водовки – бесполезно, до крючка не добраться.

Но ты же знаешь, Забея просто так не возьмешь!

– Конечно, ... знаем, – закивали согласные слушатели.

– У меня всегда с собой щипчики, а у черепахи чуть-чуть, но все же выглядывает кончик хвоста! Думаю: «Ущипну за хвост, она голову и высунет, чтобы сказать все, что думает по этому поводу, а я крючок и вытащу!» Ущипнул... Головы так и не увидел, но черепаха угостила меня приличной порцией свежего навоза! И тут же кто-то обидно и скрипуче надо мной посмеялся.

Оказывается, «Ха-ха-кха» орали пролетающие мимо чайки, хотя до этого момента, заразы, кричали совсем иначе. В общем, пришлось обрезать леску, отпускать улов и застирывать в пруду. Вот такие пироги с черепаховыми котятками! Кста-а-ти! – продолжил он. – А ты знаешь, как рыбачит старый цыган Ромка? Нет? Тогда слухай сюда! У него всегда с собой три удочки: две телескопические углепластиковые, а третья – натуральный четырехметровый дрын из молодой акации. Смотрю как-то из кустов за процессом, впитываю драгоценный опыт – у этого рыбака есть чему поучиться! Глаз у меня снайперский, но, почему-то пеленгую только два цыганских поплавка. Обе цивильные удочки Ромка периодически перебрасывает, а «оглобля» стоит на рогатине молча, кажется, от нее даже леска не отходит. Клева в этот день вообще нет! Я заскучал, но потом вижу – цыган метрах в трех от своего насеста крошит хлеб прямо на землю. Подумалось – перегрелся «чавел» на солнышке, ждет выхода рыбы на бережок! Ан, нет! Из соседней травки робко выходят молодой петушок и пара курочек, наверно деда Егора, его двор ближе всех к пруду. Петух важно приглашает свой гарем на халявную пирушку и пестрая компания увлеченно начинает клевать крошки. Дальше... вы, наверное, уже догадались, чем это закончилось! Рома медленно берет удилице и «перетягивает» с разворота бревном птичек, вкладывая в удар не только всю свою силу, но и вес. Ша-ра-х!!! Перья долетели аж до моих кустов! Ромка быстренько зыркнул по сторонам и спрятал дичь в лежащий рядом мешок. Почему-то мне показалось, что в мешке уже лежала пара курочек. Так, что дорогой профессор, – Николай похлопал меня по плечу, приклеивая на свою хитрющую физиономию китайскую улыбку, – иди смело на любой из прудов. Без добычи не останешься, клюет везде: если не в воде, то на берегу – точно!

На темном небосводе «включилась» пульсация самых ярких созвездий, над горизонтом, прячась за деревьями, появилась молодая, ущербная луна. Мутными сгустками материи обозначили свои космические координаты соседние галактики и протопланетные облака, а здесь, внизу, на маленьком клочке Земли – уличные фонари закипели в стремительном танце сотен ночных бабочек и жуков. Ночь накрыла степь, деревню и дом культуры своим черносливым пологом, растворила силуэты людей, деревьев, домов и автомобилей, тихо задышала слабым ветерком.

И тут по внешней радиотрансляции прозвучало: «Всех приглашаем в зал дома культуры. Начинается торжественная часть!»

Народ дружно потянулся в фойе ДК, а на асфальт и лужайки по периметру здания так же дружно полетели спелые абрикосы. Еще долго шуметь этому удивительному фруктовому дождю, радуя муравьев, ос, пчел и другую живность, лакомящуюся нектаром солнечной мякоти оранжевых плодов.

Лето!!!

Кузя

Тона сердца ровные, пульс хорошего наполнения, дыхание глубокое и спокойное, живот мягкий и безболезненный, цвет лица красный. Взгляд

отсутствующий (внутри себя), лицо не изуродовано интеллектом – перед нами преподаватель военного института в своем обычном состоянии ничегонеделания. Экземпляр редкий и уникальный во всех отношениях. Подполковничьи эполеты «удачно» дополняют золотая цепь (толщиной с палец) и два массивных перстня: один с камнем, другой в форме львиной головы с устрашающе разинутой пастью. На форменном галстуке две заколки (вы поняли, две!). Круто!!!

Чугунный затылок, бритый череп, глубоко посаженные глазки придают физиономии сходство с гамадрилом, получившим лопатой по голове.

Но внешний вид, часто вдохновляющий местных карикатуристов на творчество, все же обманчив. Угрюмый и молчаливый квадрато-шар (последствие занятиями культуризмом) на самом деле – не злобный гном, не браток из банды Хромого, не гопник из профессионально-технического училища, а представитель вузовской интеллигенции и добрейшей души человек. Коллеги между собой зовут его Кузей (производное от первой части фамилии). Но студенты этого не знают и на утренних построениях перед началом занятий падают от страха, когда подполковник неожиданно резко и громогласно приветствует их непонятным румынским возгласом: «Здра!.. товарищи!»

Уникален Кузя потому, что в его одном военно-рэперском организме уживаются два совершенно разных человека. И каждый из них не подозревает о существовании соседа. Нет, раздвоения личности у Кузи не наблюдается. Скорее всего, она (личность) сбежала от Кузи в годы его босоногой юности при первых осознанных телодвижениях.

Мысли и желания Кузи №2 понятны каждому, и о них мы поговорим ниже. А вот о чем думает Кузя №1 – загадка! Возможно сидя в преподавательской он весь день давит воображаемых мух. Может быть, мечтает о демобилизации. Не исключено, что испытывает нумизматический экстаз, рассматривая разложенную на столе под стеклом коллекцию бумажных денег. А может, думает: «Как хорошо служить в институте, вот только бы не было этих беспокойных студентов и надоедливого начальника!».

Вообще-то, может быть, мы напрасно о нем подумали плохо, а если товарищ подполковник медитирует и постоянно занимается внутренним самосовершенствованием, попутно усовершенствуя и окружающий Мир?!

Любую работу Кузя №1 не приемлет в принципе и при получении очередного задания дествует как бульдозер – от себя.

– И когда я все это буду делать? – искренне возмущается он, как будто до этого момента пахал не переставая, но и на сегодня, и на несколько ближайших дней у него работы «по самые ноздри».

Периодически, поддаваясь воздействию космического импульса, Кузя вскакивает и галопирует в соседний учебный класс, чтобы отследить динамику совершенствования своего атлетического тела. Там на медицинских весах (используемых обычно в учебном процессе), подолгу взвешиваясь, кричит и потом, возвращаясь на свой насест, тихо и неразборчиво произносит что-то длинное.

Иногда, возможно это связано с фазами луны, раскупоривается колодец

желаний и на сцену выбегает Кузя №2. У этого другого Кузи рефлекс размножения доминирует над всеми остальными. Он хочет водки и испытывает определенное влечение ко всему, что шевелится. При этом глазки у него озорничают, рожица лоснится, вкусовые рецепторы радуются, а руки ищут, кого бы потискать? Кажется, пусти его – будет носиться по газону как молодой кобелек, которого долго не выгуливали, а теперь вывели на улицу.

Засосав пару флаконов горячительной жидкости, Кузя №2 делает умо- заключение: «Водки мало!», – и ищет добавки. После чего начинает им- бициально хихикать, разговаривать сам с собой и подхрюкивать (если это было кафедральное застолье) или выпрыгивает в проход стадиона (если это коллективное посещение футбола) и показывает остальным десяти тысячам болельщиков неприличные жесты. В ходе этого «спектакля» он гримасни- чает, с радостным задором приседает, насвистывает, причмокивает и что-то показывает руками. Затем, не приходя в «сознание», опускается на четверень- ки и задними лапами скребет «землю». Наконец, «встает из окопа» и, немало удивляя ближайших (по скамейкам) незнакомых дам, без предупреждения целует их, тем самым бесхитростно и бесповоротно заказывая драку. В такие минуты у зрителей создается впечатление, что в генетическом бассейне Кузи основательно поплескался кто-то из расы не гуманоидов, и заказанную драку ему тут же предоставляют. Сделав десяток физических замечаний возмути- телю спокойствия, стадион снова переключается на футбольную игру.

С утраца, поссорившись со своим отражением в зеркале и естественно, ничего не помня о вчерашних гастролях, педагогический процесс Кузя про- водит в солнцезащитных очках. Но отпечаток бутсы сорок шестого размера на лбу и отвисшую губу очки закрыть не в состоянии, поэтому обучаемые им на протяжении всего занятия только тем и занимаются, что строят предполо- жения относительно природы боевых ранений «предводителя команчей».

После занятий в преподавательской – дежа вю: Кузя №1 с остекленевшим взглядом восседает в позе птеродактиля и «потеет от непосильной» работы. На столе, потолке и ближайшей стене прыгают солнечные блики, отраженные от золотых Кузиных «бранзулетов».

Лепота!!!

Воспитательный процесс

«Прежний воспитатель обращался с воспитанниками, как птица с птенцами, которых она учит летать; новый – как хозяин с цыплятами, которых собирает съесть. Прежде человек передавал детям то, что достойно человека; теперь он просто разводит пропаганду». (К.С. Льюис)

Подхваченный бурным потоком бушующей в стране реформы армии, воен- ный Институт доживал свои последние деньки. Уже год учить было некого, так как нового набора студентов не производили. По данным «разведки», в урезанных и предназначенных для доучивания оставшейся кучки интернов и фельдшеро- в, новых штатах ВУЗа, места кафедре профилактических дисцип-

лин не нашлось. Профессора, доценты, лаборанты и уборщицы, находясь в «подвешенном» состоянии, покорно ждали – когда же руководство соизволит внести ясность и все объяснит. Хотя предварительное объяснение можно уже было считать состоявшимся. Заместитель начальника института в индивидуальных беседах с отдельными педагогами откровенно сообщил: «Мы в ваших услугах больше не нуждаемся, ждите директивы Министра обороны и будьте готовы к увольнению».

Некоторые считают, что нами управляет стадо кочующих идиотов, что в руководители выбиваются исключительно троечники и двоечники.

Я с этим не согласен!

Если всмотреться в начальство пристально, то можно у него заметить многочисленные вспышки разума и огромные залежи интеллектуального силоса. Фюрер нужен не только для того, чтобы ставить тебя вертикально и спрашивать по всей строгости. Он еще мучается под солнцем для того, чтобы сознавать свою ответственность, радеть за тебя и, используя особое словопостроение, вести вперед.

После того, как Москва сказала, что военные врачи ей не нужны, Институт срочно заказал себе в государственной геральдической палате боевое знамя и фирменную лейбл. Потом долго с ними «игрался в песочнице»: торжественно прибывал древко, освещал молебном, вручал сам себе от имени министра; по дикой цене продавал лейбл и очень желающим, и не очень.

– Прекратить набор студентов! – грозно приказала раздраженная столица.

– Есть! – сказал Институт и быстренько послал златоглавой предложения по расширению своих штатов.

– Институт жил, живет, и жить будет!!! – уподобляясь бредящему от «передоза» мухоморами шаману, заклинало местное руководство и, отвлекая народ от мрачных предчувствий, приказало всем готовиться к якобы предстоящей через год аккредитации бурсы.

– Вы должны сплотиться в стройные шеренги и пахать, пахать, пахать! – требовало начальство от населения Института.

– Ага!!! – сказали шеренги и «рванули» искать вакансии на стороне.

– Вы должны провести самообследование и выявить у себя недостатки в работе! – воодушевлялось руководство, неторопливо отхлебывая «Hennessy» прямо из хрустального графина.

– Есть! Так точно! Прошу разрешения приступить! – отвечал «планктон» и спешил на футбол с грелкой спирта за пазухой.

– Необходимо срочно сравнить дидактические единицы наших учебных программ с Госстандартом! – кудахтали капитаны от педагогики.

– А как же! – соглашался преподаватель, глядя в телевизор, где министр Обороны скоренько продавал налево и направо военные городки, институты и академии.

– Наши уникальные клиники должны стать единственным лечебным стационаром за Уралом для всех силовых организаций страны – мечтали впередсмотрящие, изображая на себе человеческое лицо.

– Всенепременно-о-о! – вторили им многоголосым эхом хирургоиды и терапевты.

– Господа! У нас есть специалист планетарного масштаба: академик, заслуженный работник высшего образования России! Этот уникальнейший потенциал Института не может не учитывать Министерство Обороны, решая нашу судьбу! – по привычке прокукарекал дежурный подлипала – ведущий нана-хирург, – создадим под этого матерого человечища, под эту глыбу Центр медицины катастроф Сибири!

– Создади-и-и-м! – кричала институтская карасьява, а люди постарше молчали и почему-то странно улыбались.

– Мы решили инициировать рождение холдинга с Военно-медицинской академией и центральным спортивным институтом России – радовалось своей находке начальство, затягиваясь ароматной «Гаваной».

– Му-у-у-дрое реше-е-е-ние! – скандировали вассалы, дымя вонючим «Беломором».

Остро ощущая несовершенство жизни и потеряв всякую сопротивляемость, народ, в конце концов, все же впрягся. Он стал, не покладая рук (глубоко в душе надеясь на благоприятный исход реформ) пахать, выявлять, сравнивать, сплачиваться в шеренги и создавать.

– Плохо! – сказала великомудрое. – Хромает трудовая дисциплина, мало инициативы, борозда не глыбокая, шеренги не стройные, да и кое-где у нас еще порой!.. Нужно народ немного взбодрить – и организовало тотальную проверку Института с оргвыводами.

– Нам бы хоть краем глаза увидеть перспективы, новые штаты,.. да и зарплата-у... бы... – нерешительно прошептал народ.

– Это можно! – дожевывая лобстера, сказала начальство. И, используя традиционную зулусскую жестикуляцию в красках, нарисовало «наше военно-медицинское завтра», а заодно объяснило непонятливым – кто кому в этой жизни должен.

С обеда кафедры профилактических дисциплин была осчастливлена внезапным «вызовом на ковер» к замполиту¹ института. Видимо, заботясь о личном дискомфорте каждого сотрудника, в коллектив комиссар идти не пожелал, а просто, «по команде» приказал «Всем в 15. 00 быть в моем кабинете!».

Замовская дверь всегда открыта для народа. По «не зарастающей тропе» сюда постоянно тянутся люди, желающие что-то улучшить и повысить в работе, кого-то вывести в передовые, обогатить свой внутренний мир, вооружить себя самой передовой идеологией, сверить свою шкалу ценностей с истинной!

Когда кафедральные в назначенное время журавлиным клином спланировали с третьего этажа на первый – верховного божества политического эпоса «дома» не оказалось. Неуверенно потоптавшись в предбаннике народ, испытывая неудобства от тесноты и неопределенности, разместился, где смог, и стал ждать. Наконец человекодел появился и сразу заговорил. Было видно, что говорящий чем-то расстроен, но восхищен собой, перенесен ввысь, и оттуда призывает к инициативе, творчеству, терпению и жертвенности. Ох, и запутанный же был монолог! Просто теория относительности какая-то. Понятными для слушающих словами были: реформа, сложное время, трудовой

коллектив и трудовая дисциплина, предстоящие задачи, поведение каждого, судьба Института, конструктивная и деструктивная оппозиция...

В залитое солнцем оконное стекло отчаянно билась осенняя муха, а поток слов все лился и лился. Зам явно за что-то ругал приглашенных и все норовил выведать: «Способен ли коллектив решать поставленные задачи?» По выражению лиц отчитываемых было видно, что их мозг не поспевает за мыслями оракула. В промежутках между «задачами» они недоуменно (и как казалось заму – антироссийски) переглядывались, укрепляя его в мысли, что именно «вот эти» и являются представителями деструктивной оппозиции.

Наконец самый деструктивный не выдержал и заявил:

– Простите, вы бы не могли ясно, без эзоповского языка объяснить, что случилось?

– Мне бы не хотелось переходить на персоналии, но один из ваших офицеров, подполковник, опоздал на два дня из отпуска на службу, в институте ведется расследование, а у руководства появились сомнения в управляемости и благонадежности вашего коллектива. Здесь попахивает дезертирством или саботажем!

– Мы то здесь при чем? – вырвалось у возмущенных уборщиц.

Все стали смотреть на скромно гнездившегося в дальнем углу кабинета и увлеченно изучающего свой маникюр Жорика (поскольку на кафедре только он один был подполковником).

– Товарищ подполковник, – продолжил зам, все же перейдя на персоналии, – что вы имеете сообщить коллективу?

Демонстрируя явное непонимание глубины своего офицерского падения, Жорик встал и коротко выдал:

– Я все изложил в своем рапорте.

– А все же? – не унимался зам. – Двадцать первого и двадцать четвертого вы были на службе, или нет?

– Конечно, был!

– Почему не доложили начальнику кафедры?

– Потому, что его самого на службе не было!

– Это безумно интересно! – сказал зам, хищно глядя теперь уже на новую (потенциальную) жертву.

– Ну, это уже во-о-ще! – реактивно подскочил готовый всех покусать начальник кафедры, видимо, выдав в свое оправдание самый убедительный, с его точки зрения, аргумент.

– Разрешите мне? – не выдержал, искушенный в дворцовых интригах и не желающий больше находиться в палате №6, кафедральный доктор наук. – Товарищ полковник, от лица кафедрального коллектива хочу вас заверить, что мы осознаем важность момента, готовы и способны решать стоящие перед кафедрой задачи!

– Ну вот, значит, можете? – обрадовался зам. – Но объяснительные все же напишите!

– Позвольте, – не выдержал опять кто-то из неконструктивных, – это какой-то абсурд. Какие объяснительные, когда основная часть народу только сегодня вышла из отпусков и о происшествии ничего не знает!

– Вот и пишите, – торжествовал зам. – По существу заданного мне вопроса сообщить ничего не могу, так как в это время был в отпуске.

***

Взгрустнулось Вам?

Нам – тоже!

Относитесь ко всему со спасительным юмором, и тогда все будет хорошо. Как говорил мудрый царь Соломон: «Пройдет и это!»

Ночёвка

В отрочестве мы часто ходили на ночную рыбалку и называли это мероприятие ночевкой. Ловля карпов на донную удочку – уже само по себе удивительное событие, так как проста в исполнении, эффективна в результатах и многообещающа в габаритах трофеев. Макухой², как правило, соблазняется крупный сазан или карп. Берется «хозяин пруда» на крючок основательно, так что если снасть прочная, то улов обеспечен. Ночевка не только пробуждает в человеке инстинкт охотника, она еще заменяет недоступные для деревенских мальчишек «городские развлечения» и несбыточные дальние странствия, волнует кровь и пугает неизведанным, обещая небольшое приключение.

Главным составляющим любой рыбацкой ночевки является костер. Он согревает вас ночью и ранним утром, заполняет время между поклевками рыбы, является основным источником света и гарантом безопасности от ночных детских страхов, создает ощущение уюта и надежности огороженного пространством светотени именно вашего мирка.

С вечера, поделив пруд на сектора, мы в свете угасающего дня забрасывали донки, вооружали их колокольчиками и разбредались по всему берегу в поисках дров. Еще нужно было до темноты успеть соорудить постель из бурьяна и камыша да сделать запасы яблок, из покрывающих землю сплошным ковром плодов в расположенном рядом колхозном саду. Почему-то брать с собой из дому разносолы у нас тогда считалось дурным тоном. Обходились печеной в костре картошкой, яблоками и галетным печеньем.

Южная летняя ночь заслуживает уважительного к себе отношения и подробнейшего описания еще и потому, что она не просто время, когда Всевышний выключает солнце. День и ночь это не временные отрезки суток, а скорее полноценные параллельные миры. И еще неизвестно, который из них можно признать более интересным. Говорят, что ночью все краски меркнут. Это не так! Просто ночью краски другие, их нужно научиться видеть, и, как это не парадоксально – слышать!

Лежа у костра на брошенной поверх охапок сухого камыша фуфайке, хорошо осмотреться вокруг. Темное и глубокое небо, разукрашенное миллиардами белых, с разноцветным отливом созвездий, торжественно окутывает землю. Мерная пульсация далеких звезд изредка оживляется прочерчивающими небосвод световыми следами метеоритов или мигающими бортовыми огнями пассажирских самолетов. Если долго смотреть вверх, кажется, что Мир куда-то величаво плывет по светящемуся туману Млечного Пути.

Вокруг нашего бивуака в отблесках костра вздымаются в глубине ночного

пространства высокие травы. За день пересохшие и обожженные южным солнцем, они жадно дышат в прохладной темноте, распространяя чуть уловимый нежный запах, словно вдруг гордо осознав свое положение: «Мы не какой-нибудь бурьян, а степные цветы!»

Весело трещит, постреливает, посвистывает ночной костер. Пробежавшее по тонким веточкам хвороста пламя, оставляет после себя багряно-алые угли, голубоватый пепел и теплый аромат горьковатого дыма. Когда кто-нибудь подбрасывает в «топку» очередную порцию дров, раздувает огонь или шевелит угли – картина меняется. Пламя жадно ширится, рождая яркие языки. Свет, на некоторое время отвоевывает у ночного мрака часть территории, выхватывая из небытия предметы, которых минуту назад видно не было. Тьма редет и золотится – к небу взлетает рой клубящихся, похожих на ночных мотыльков искр. Какая-то неведомая сила заставляет их отрываться от своей «родины», подниматься и кружиться в предсмертном танце, чтобы через секунды погаснуть уже навсегда.

Дремотой объят пруд. Чуть слышно вздыхают волны, раскачивая красноватые бороды тонких боковых корней стоящих в воде верб да полируя и без того уже скользкий глиняный берег. Лениво, чуть слышно зашумит вдруг прибрежный камыш, распространяя запах сонной, стоялой воды. Иногда зеркало водоема нарушит всплеском ондатра или крупная рыба.

В задумчивом покое под бездонным небом лежат пруд, деревня, сад и прилегающая к нему привольная степь. Убаюканные бесконечным звоном бессонных кузнечиков да неповторимыми колыбельными трелями перепелов, они слушают ночь, живут ею, находятся внутри ее, являются частью этой ночи.

В такие минуты просыпается дремавший в нас первобытный человек и ощущает радость бытия от прямого соприкосновения со Вселенной. Он понимает, что планета живая, и от этого впадает в необъяснимый восторг.

В те далекие времена мы – мальчишки, конечно, не воспринимали окружающее мирозданье так сентиментально и возвышенно. Нам просто было хорошо и мы, как умели, беззаботно радовались жизни, возможности рыбалить и общаться со сверстниками, лежа у костра, пламя которого завораживает смотрящего или розово греет сквозь закрытые веки. Темы разговоров рождались сами собой, без каких-либо усилий. Чаще всего обсуждали кинофильмы, которые бесконечно смотрели в деревенском клубе, секреты успешной рыбалки или пугали друг друга страшилками.

Обсуждается недавно просмотренный фильм, как вдруг у воды раздается резкий звон колокольчика. Все подсказывают, но потом, сообразив, что клюет не у них, успокаиваются и укладываются на свои места. Счастливчик, на ходу включая электрический фонарик, несется к донкам в сопровождении соседа по сектору. Вдвоем они борются с рыбой и, в зависимости от результата, восторженные или расстроенные возвращаются к костру. Периодически, даже если колокольчик не звонит, каждый ночевщик обходит дозором свои владения. Это необходимо для того, чтобы натянуть ослабленную и провисшую от поклевки леску, перезарядить снасть новым квадратиком макухи и

перезабросить ее, а за одно и проверить те донки, у которых колокольчики опустились до самой земли. Иногда такая донка преподносит сюрприз: потянув снасть, вы вдруг на другом ее конце ощущаете мощный рывок и начинаете вываживать тихо до этого сидевшую, а теперь «взбесившуюся» добычу. Леска звенит и режет руки. Ее «ведет» в сторону соседней донки, а это чревато трудностями в момент вытаскивания рыбы на берег. В темноте плохо видно, куда складываются выбранные из воды метры лески. Установленный в спешке фонарик и сонный ассистент, конечно, светят не туда, куда нужно вам в данный момент. Рыбаки знают правила предупреждения «бороды»: леску необходимо складывать на свободную от травы и мусора землю, на нее нельзя наступать. Но где там! Разве в такие минуты за всем уследишь? Поэтому, если у кого-то снасть запутывается, то «интересный» досуг на ближайшие полчаса ему обеспечен.

Бывает, что вместо установленной с вечера донки, вы, после очередного трезвона, обнаруживаете только зияющую дырку в берегу. Такой случай – предмет особой гордости пострадавшего рыбака: «Представляете, какой крокодил мне попался?!» Подразумевается, что вашей вины в непрофессиональной установке орудия лова нет. Виновата стихия, то есть – силища сазана и слабость грунта! Если бы не эти обстоятельства, рыбак непременно (это даже не обсуждается) вытащил бы хвостатого красавца. С восходом солнца необходимо будет пробежаться по крутому берегу для осмотра акватории. Если повезет, и вы заметите дощечку донки, то придется за ней поплавать в парной водице. Ну, а если очень повезет, и рыба еще сидит на крючке, то на вашем кукане может появиться очередной, скорее всего крупный, трофей. Но похожие ситуации случаются редко, иногда за всю ночь бывает всего то две-три поклевки. И тогда, в ожидании утреннего жора рыбы, вам ничего не остается, кроме как дремать да слушать «музыку костра».

После ночной вечери разговоры еще продолжают какое то время, но постепенно число их участников становится все меньше. Трепет за полночь планет и мерное потрескивание костра убаюкивают. Укутавшись в старый тулупчик или фуфайку, рыбаки один за другим засыпают. Как правило, под утро костер чуть теплится серо-голубым холмиком померкнувшей золы, дров остается мало, а утренняя прохлада основательно остужает противоположную от костра часть вашего тела. Но эти неудобства ничуть не ухудшают настроения, так как в это время обычно начинается интенсивный клев.

Мало что или кто вмешивается в вышеописанное размеренное течение ночевки. Но иногда что-то необычное все же случается.

Например, однажды ночную тишину разорвали ружейные залпы и крики: «Ату, лови воров! Заходи справа! Пойманных вяжи веревкой!». Мимо нашего рыбацкого костра со стороны колхозного сада сначала с визгом и плачем, в панике пронеслась стайка перепуганной детворы, а затем, вприпрыжку, сотрясая воздух рыком и «четырёхэтажными выражениями», прогалопировали мохнатые человекообразные чудища с ружьями.

Кого-то загнали в пруд на донки, кто-то удачно залег в бурьян и увернулся от погони, а самые оторопевшие попались в лапы преследователей и были

«повязаны» на месте. Но самые острые ощущения испытала девчонка, на одном дыхании пробежавшая по столбовой дороге километров пять. Уже на подступах к соседней деревне ее догнали и остановили только благодаря мотоциклисту!

Оказывается десяти-четырнадцатилетняя ребятня додумалась до ночного «посещения» виноградника. План рейда обсуждали шумно, без конспирации. Неудивительно, что подробности предстоящего приключения узнали юноши постарше. Решив поразвлечься, лжесторожа колхозного добра разукрасили физиономии угольными бородами, вырядились в вывернутые наизнанку тулупы, зарядили дробовики «холостыми» патронами и устроили в винограднике засаду на мелюзгу.

Когда бригада налетчиков, крадучись и пугаясь собственных теней, приступила к поглощению ягод, началось представление. Что из этого вышло, вы уже знаете. Впоследствии ночная погоня еще долго, с подробностями и выдуманскими деталями пересказывалась участниками и невольными свидетелями.

Истории, подобные этой, конечно, разнообразят впечатления от рыбалки, хотя и без них ночевка – это, согласитесь, здорово!

---

¹ Позвольте здесь употребить старое название должности, так как от того, что теперь она звучит «Заместитель по воспитательной работе» в принципе ничего не изменилось. Они оба: и замполит, и замвоспит – близнецы-братья, с одной грядки. (Прим. автора).

² Макуха – круг спрессованного подсолнечного жмыха, для насадки его распиливают на квадратики, размером со спичечный коробок. (Прим. автора).

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Александр Шепшелевич

ЛТО «Оштен»

г. Майкоп, республика Адыгея

В пространство погружён

Родина

На горе палаты белокаменны,
Золотом на солнце – купола;
Будто бы с ладони запах ладана,
Тихих елей спелая смола...

В зрелых облаках повсюду просеки –
Небо лучезарное светло...
Образы любимые проносятся
Сквозь моё летящее стекло.

Для кого-то просто тема модная,
Для кого-то старая молва,
Только,
Проникает в душу *родина*,
И березок слышу я слова...

***

Памяти любимой тётюшки

Вновь рвётся связь времён,
Как старая кольчуга –
И гулкий звон колец,
И след их на земле,
И окисел имён
Веков косая вьюга
Хоронит на камнях,
Застывших в серой мгле.
И нет пути назад,
И не дожидаться чуда –
Уходит в новый мир
Оставленная мысль.
И снова рай и ад,
И снова жизнь для люда...
Да где-то там, вдали,
Маячит снова Вьсь.

Дорожное

Берёзки и осины...
Другой лесной народ –
Безропотные мины
И флегматичный рот...
Обиженный подлесок
И просек острова,
Да мокрая раскосая трава.

И северное небо –
Сплошным потоком туч;
И в лужах, там, где лето,
Его холодный луч,
И серое пространство
Распластанной реки,
Да в домиках из брёвен огоньки.

И поезда движенье,
И ели – как тайга,
И в окнах отраженье
Слеплого огонька,
И сумерек забытых
Прощальная печаль.
В стакане загрустил остывший чай...

Москва?..

Пустого места
нет ни сотки:
Который год уже подряд
Кругом растут одни высотки –
Лежат коробками, стоят...

В Москве – Москву
увидеть мне бы!..
Да, только, нет её.
Во мгле
Есть город новый,
с серым небом...
Каких – так много на земле.

Сакре-Кер

Седые шапки Сакре-Кера...
Я их увидеть так хотел,
Что от Монмартра, – где там мера! –
Наверх по лестнице взлетел.

Базилика... Сияет чудо!..
Она видна со всех сторон.
Парижа – пик.
И толпы люда...
И колокол – вечерний звон.

«Христово сердце» замирает
И струйкой тонкой – холодок...
А звук струится и не тает,
И в теле – поколений ток.

Восьмое чудо – чудо света –
Собор, что над Парижем встал, –
Своим чарующим приветом
Меня возвёл на пьедестал!

И над столицей многоглавой
Душой в полёте, наяву
Я упиваюсь блеском славы
И во Вселенную плыву...

Эз

Тянет башни до небес
Городок французский Эз...
Тёмной ночью, при подсветке, –
Как фонарик он на ветке.

***

Запах скошенной травы –
Запах собранного сена.
Отцвели теперь сады,
И весне приходит смена.

Кудри зелени густой
Завивает ветер лёгкий.
Ожидает дом пустой
Лета, как приезда тётки, –

Пусть любимой, пусть родной,
Но в пыли такой горячей...
Ключ с прозрачной водой...
Южной ночи шаг незрячий...

Лето, что придёт вот-вот
И поставит на удачу...

Новой жизни разворот –
Удовольствие без сдачи!..

Туч уже набухли швы. –
С запахом дождя хмельного
Запах скошенной травы
Хочется вдохнуть мне снова.

Апрельский вечер

Мурату Айнулину

Деревьев белый цвет
И вечный поздний вечер...
Фонарный мёртвый свет
Висит, как свиток млечный.

И неба темнота –
Чернильной тучной краской,
И звуков немота
Под страшной чёрной маской....

Листвы неясный след –
Далёкой пирамидой,
Цветов весенний бред –
Картинной паутиной...

В пространство погружён,
Смотрю на всё с опаской:
От мира отрешён
Я этой новой сказкой.

***

Сегодня рака в облаках я встретил,
Как друга старого, конечно же, приветил.
Он, отозвался, мне махнул клешнёю,
И я оттаял всей своей душою.

Зачем проблемы и к чему печали?!
О них Большие Небеса молчали...
Лишь облака летели и летели
И уносили белые метели...

***

Отходит Осень. И её сжигают
Из листьев павших в тлеющих кострах.

Людмила Байкалова
ЛТО «Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Алиментщик

Рассказ

Платформа небольшой железнодорожной станции оказалась короткой для пассажирского состава. Из последнего вагона прямо на щебеночную насыпь соскочил высокий стройный солдатик в новом с иголки, летнем камуфляже и высоких берцах. Прощаясь, он махнул рукой проводнице, достал из нагрудного кармана пачку крепких сигарет «Командирские», закурил, забросил за спину рюкзак и зашагал вдоль поезда на вокзальные огни по хрустящей под ногами щебёнке.

Славка Бакланов возвращался домой после двух лет срочной армейской службы в моторизованных частях пехоты. Немало дорог исколесил он за рулем «ГАЗ-66», перевоза товарищей-бойцов по местам дислокаций, стрельб и учений. Довелось и пороху нюхнуть в окрестностях Кодорского ущелья. Последние семь месяцев провел младший сержант Бакланов в составе миротворческих сил в Абхазии, требующей суверенитета у Грузии.

От станции до родного хутора Перетятко было двенадцать километров по шоссе через станицу, но Славка решил на четверть сократить путь и идти проселочной дорогой напрямик через лесополосу и полями. Два часа пути и глубокая ночь не страшили паренька – доводилось до армии бегать с хлопцами в районный клуб на танцы!

Еще долго мчались ему вдогонку железнодорожные звуки: сирены тепловозов, лязг буферов и колесный перестук, – но скоро все стихло, и со всех сторон его обступила тьма, едва посеребренная рассеянной звездной пылью. Острый серпик месяца стыдливо улыбался над верхушками пирамидальных тополей, мудро дремлющих вдоль береговой линии небольшого водохранилища. Душа наполнилась легкой свободой, тихой радостью в предвкушении встречи с родными, и от этой радости все внутри тепло дрожало и пело.

Стояла настоящая летняя южная ночь, довольно-таки теплая и мягкая для начала июня. Только шкодливый ветерок нагонял прохладу, поднятую с влажной, еще не прогретой земли. Многоголосье ее улавливалось чутким слухом Славки, истосковавшегося в горах по кубанскому раздолью. Когда шел он вдоль водного канала, затянул свою протяжную песню густой прибрежный камыш, кряхтел и постанывал, приветствуя «дембеля». Вслед прохожему человеку хохотал а капеллой стройный лягушачий хор. Проход по дамбе водохранилища сопровождался всхлипом набегающей волны, нечаянным всплеском бессонной рыбешки. Миновав неширокую тополиную лесополосу, наполненную удивленной перекличкой потревоженных пичуг,

Славка вышел в степь. С шорохами полевков, снующих в траве, и вздохами перепелов сплелись знакомые с детства запахи. Сначала – сладко цветущего рапса, затем – ни с чем несравнимое дыхание земли, еще не осевшей после весенней пахоты, не убитой дождями, горделиво выпроставшей яровые всходы. И вот издалека ветерок донес густой, тепло-пряный аромат, какой снился солдатскими ночами, о котором мечталось долгие два года, какой не спутаешь с сотнями других запахов! Дорога повела полем, где колосилась, наливалась в ожидании жатвы низкорослая озимая рожь. Славка не сдержался, перепрыгнул неширокий ерик, отделявший дорогу от хлебной нивы и, сорвав колосок – упругий и остистый, – потер его в ладонях, освобождая от шелухи молочной зрелости зернышки. Налущив целую жменю, парнишка начал губами отправлять в рот кисловато-сладкое лакомство. Вкус молодой пшеницы, как помнилось с детства, был и слаще, и сытней, но только рожь, всегда казалось, больше пахнет хлебом, домом.

Перетягко был невелик, всего две улочки крест-накрест из полусотни дворов. Похож был хутор на лесной оазис среди степи своими обильными садами в каждом хозяйстве. В былые годы (Славка еще помнил те времена) воду здесь брали из двух колодцев, а лет десять назад, где-то в середине восьмидесятых, собрали гуртом деньги, пробурили глубокую скважину и сельсовет поставил водокачку. Издалека Славка приметил огни на водонапорной башне, одиноко возвышающейся среди полей. А это что за чудеса? Ближайшая к хутору делянка белела в ночи, будто посыпанная солью. Приблизившись, Славка разглядел стройные ряды полиэтиленовой парниковой пленки, покрывающей землю. Он нагнулся, ощупал поверхность парника, и ладони распознали рыхлые вилки капусты-скороспелки. Экая невидаль! Мать всегда ставила парники! Но теперь пленки и на поля хватает? Видно, фермерское хозяйство, про которое писала в письмах сестренка, окрепло серьезно, пока Славка «санаторничал» в армии.

Разбуженные пришельцем, собаки дружно забрехали по дворам, подхватывая одна за другой всеобщее возмущение. Ощетинившийся было, пес бросился под ноги Славке, когда тот отворил калитку родного дома, но тут же, признав своего, радостно тьякнул, заюлил, высоко прыгая и норовя лизнуть лицо.

– Ну... Ну... Курилка, – ласково потрепал собачью холку Славка.

Паренек присел на ступеньку крыльца, достал сигареты и, сдерживая горячую влагу, приливающую к векам, закурил. Дома! Кромка неба на востоке посветлела, полусонные петухи зачинали утреннюю перекличку, распевая пересохшие горла. За спиной вспыхнуло окошко, желтый квадрат света упал рядом, на чисто выметенную корочку бетонированного двора. Шелохнулась тень занавески. Скрипнула дверь. Родной женский голос обогрел:

– Славка! Ты, сынок?

Резко поднялся, раскрыл руки навстречу и оказался во власти теткингого тепла. Заголосила, запричитала, прижимая к мягкой пухлой груди бедовую головушку пасынка:

– Сынку мий! Кровынушка! Манюнький!

– Ну, ну... Ненька, ну, – успокаивал тетку Славка, хоть и охота была самому пустить слезу умиления.

Тетка Рая слыла женщиной крутого нрава: любила покричать, поверховодить, могла и обжечь невзначай резким словом, – но Славка любил ее и почитал выше родной матери, которую теперь и не помнил совсем. Раиса с мужем Захаром, имея своих двоих детей, без малейших колебаний взяли на воспитание трехлетнего племянника после гибели в пожаре ее сестры. Так и рос мальчик в их семье младшим, любимым ребенком, слыша со всех сторон «манюнькый» да «коханый».

Поднялся весь дом. Со своей половины, которую Славка помогал при-страивать до службы, прибежал старший брат Петро с женой Любаней, даже пятилетнюю Маришку разбудили и привели! Из своей комнатухи выскочила босоногая, в одной ночной сорочке Танюха – ладная, расцветшая, еще не замужняя, двадцатидвухлетняя сестренка. Тато Захар, широкий, коренастый, в наспех натянутых спортивных шароварах, большущими ручищами сгреб в охапку «крэщэнника», потчуй его крепкой отцовской лаской.

– Ну,.. ну,.. ну... – трогательно здоровался с каждым членом семьи вернувшийся с абхазской войны солдат.

Славка извлекал из глубоких недр рюкзака незамысловатые «подарунки», с нескрываемым восторгом вручая каждому. Связка сушеной хурмы – племяшке. Матери – теплые домашние чупаки из мягкой кожи. Отцу и брату – войлочные шапки-сванки. Невестке и сестренке – по коробке рахат-лукума.

Со всех сторон посыпались наперебой расспросы, но, как обычно, Славка был скуп на слова. К этой его странной особенности были привычны и в семье, и во всем хуторе. Его единственное «ну», впрочем, всегда обрастало красноречивыми смысловыми оттенками, позволяющими выразить свое отношение, свои эмоции по тому или иному случаю.

Пока мать доила коров, Любаня замесила пресное тесто, Танюшка накрошила в размятый домашний сыр много-много зеленого лука, и обе на скорую руку настряпали к завтраку с полсотни крупных «варэныков». К столу подали целую «комошныцю» домашней сметаны, «глэчик вычеришника», материной выпечки пышную «хлибыну». Славка, сидя ранним утром за семейным завтраком, с удовольствием прислушивался к знакомым словечкам кубанской балакачки, которыми любила щегольнуть тетка Рая, гордящаяся своим казачьим происхождением. Баклановы они были по фамилии Захара, снисходительно звавшегося жинкой «кацапом», хоть и знал отец свой род до четвертого колена по линии зауральских казаков.

Начали собираться на работу: Захар – готовить свой комбайн к уборочной, Петро – в станицу, слесарить на консервный завод, недавно вновь запущенный после разорения, мать с невесткой – на птицефабрику. Танюшка работала два дня через два в мясоперерабатывающем цеху формовщицей, а сегодня осталась на хозяйстве с племянницей в довесок.

– Завтра с утра пораньше поедем, Славка, на каналы рыбу куканить! – сказал отец.

– Я вам покуканю! – откликнулась тетка Рая. – Я выходной беру! На базар со мной, манюнькый, пойдешь. Расторгнемся да приоденем тебя на барахолке. А к вечеру пидсвынка зарижим, в воскресенье народ созовем в честь твоего возвращения, хай все радуются счастью нашему!

Тетка Рая вот уж много лет не изменяла своей страсти – отправиться на субботний рынок, который раскинулся на окраине райцентра, на самом бойком месте возле федеральной трассы, прямо между придорожной столовкой и автостанцией. Разница была лишь в том, что еще пару лет назад товар она туда возила на мотоцикле с коляской, а нынче семья заимела старенький «жигуленок», с которым Раиса Яковлевна управлялась без особого труда. Доход с личного хозяйства оставался единственным достойным заработком дружной работающей семьи. Кое-где по Кубани в середине 90-х годов колхозы и совхозы сохранили свое, хоть и нищее, существование, а кое-где, как в Перетятко, бывшие начальники растащили их на фермерские хозяйства. Выживали и те, и другие каким-то чудом, на энтузиазме, так знакомом всем людям, прошедшим утопическую школу строительства коммунизма. Однако ни те, ни другие месяцами не выплачивали мизерных зарплат работникам, изредка отоваривая трудовни натуральным продуктом производства. Потому-то не нищали на Кубани дворы настоящих трудяг-частников, к которым причислялись и Баклановы.

Едва забрезжило, нагрузили машину «под самую завязку»: три мешка прошлогодней картошки, по мешку свежей моркови, парниковых огурцов, редиски и зелени, собранной в щедрые пучки, да десяток «патратых» кур, да две сапетки свежих яиц, да по ведру душистого желтовато-белого творогу и густой сметаны. Все добро, кроме фермерских «зарплатных» кур, было домашним. Ненька, не имея водительских документов, как заправский шофер лихо вела тяжело нагруженный «жигуль». Машина цеплялась брюхом за кочки, пока не выбрались из хутора на шоссе.

На базаре выгрузились. Тетка поставила Славку в овощной ряд, а сама разложилась на прилавке, где торговали битой птицей и молоком. Распродав все уже к обеду, прошлись по вещевым палаткам, на вырученные деньги купили Славке полную гражданскую экипировку на лето.

К вечеру следующего дня, когда солнце немного ослабило свою власть, на весь двор раскинули стол, щедро выставили угощение для всех хуторян. Славка, одетый в новенькие черные джинсы и бледно-голубую рубашку с коротким рукавом, именинником сидел во главе стола между матерью и отцом. Говорили длинные здравицы под стопку, ладно «спивали» под гармонь, плясали, не жалея каблуков. Молодежью, которой не так уж и густо было в Перетятко, заправляла Зойка Гайворонская, худощая, но грудастая, засидевшаяся в девках в свои двадцать шесть лет. Зойка в хуторе была единственной представительницей сельской интеллигенции. Она работала в районном клубе, куда ездила ежедневно на собственном «запорожце» и где тащила на себе всю нагрузку: директорствовала, выдавала в библиотеке книжки, руководила казачьим коллективом песни и пляски, коему собственноручно аккомпанировала на баяне. Именно Зойка, когда поток гостей схлынул с баклановского двора, увлекла парней и девчат на «досвиток» в бывший колхозный сад, где до сих пор богато родили старые корявые жерделы.

Острый солнечный луч протиснулся в щелку дощатой стены сарая, пополз по копне высушенного разнотравья, перебирая былинки. По сеновалу

расплывался полумрак, пахло вялой зеленью, густо сдобренной сладостью медуницы, клевера, сурепки и прохладой котовника да мелиссы. С улицы слышались куриная возня и дробь козжих копыт, людские голоса, впрочем, быстро удаляющиеся и совсем стихшие. Славка, еще не понимая, где находится, открыл заспанные глаза и, обнаружив себя в чужом сарае раздетого до трусов, ошалело, рывком сел на мягком душистом ложе. Совсем рядом с ним, свернувшись калачиком, на ароматной сенной перине, беспечно спала Зойка Гайворонская. Увидев ее бесстыдную наготу, едва прикрытую ключьями сухой травы, Славка схватился за голову, скрипнув зубами.

Ничего себе, картинка нарисовалась! Что же получается: «татына арака» сыграла злую шутку? Вино и водка не в чести были у Славки – непривычный он к выпивке. Как местные хлопцы брали его вчера на «слабо» и подливали в его стакан самогон, помнил. Как шумела гулянка в саду, помнил. А вот как оказался с Зойкой на сеновале, не помнил совсем, – память как отрезало. Зато назидательно всплыла в мозгу история женитьбы брата Петрухи.

Шесть лет тому назад нянька так же застучала Петьку и Любку на сеновале. Пока двое голубков дрыхли без задних ног, за ночь намоловавшись, тетка Рая схватила паспорт сына, добежала до Любкиной матери, и обе, не раздумывая, помчались на попутке в сельсовет ставить штампы о заключении брака, а вечером следующего дня сыграли свадьбу. Так-то вот и стал братуха женатым человеком. Но они с Любаней дружили еще со школьной скамьи, да гуляли-женихались почти два года, как Петро из армии вернулся.

А Славка что же? Причем тут Зойка, с которой едва знаком по-соседски? Да и стара она для двадцатилетнего парня! Он и присмотреть девчонку, гожую себе в невесты, вообще не успел, а тут такое серьезное дело! Случилось что меж ними непотребное, не случилось – Славка не знал, но стыд и ужас положения будто подхлестнули под зад. Не помня себя, он впрыгнул в одежду, валявшуюся тут же, прихватил обувку и скатился кубарем на земляной пол, минуя прислоненную к валку дробыню.

Долго, недели две, не мог Славка справиться с дрожью, которая гнала его тем утром, драпающего огородами, сторонящегося любопытных людских глаз. Целый месяц пробежал, пока буря страха и отвращения в душе улеглась, Славка вышел на работу. В фермерском автохозяйстве за ним закрепили старенький бортовой «ЗИЛ» для перевозки кормов и прочих грузов на свиноферму. Все это время Зойка на глаза ему не попадалась, значит – напросился вывод: позорных дел между ними не случилось. Но, стоило парню зажечь со спокойной совестью, выяснилось, что курьезы судьбы только начались.

Однажды к концу рабочей смены «зилок» зафыркал и забарахлил. Славка допоздна провозился с двигателем в боксе ремонтных мастерских, домой вернулся, когда уже смерклось. Тетка Рая на кухне была не одна, а в компании Зойкиной матери Лидии Семеновны. Славка и не заподозрил бы чего неладного – хуторские женщины частенько заглядывали друг другу на чаек, – но надутое обидой лицо Гайворонской да глаза няньки с выражением тяжелого сомнения насторожили парня. Он поздоровался, неуверенно остановился у порога, почувствовав, как предательски запыхали уши и нервный холодок пробежал по вспотевшей спине.

– Вот, сынок, соседи требуют, чтобы ты со сватовством к Зое Ильиничне явился, – как обожгла, сообщила тетка.

– Ну? – не понял насупленный пасынок.

– Не понукай – не запряг! Весь хутор видел, как ты от нас раненько утром огородами крался! – запричитала Лидия. – Три дня доцю пыталась, от кого понесла, пока про тебя не вызнала.

– Ну? – растерянно удивился Славка.

– Ну да ну! Баранки гну! – повысила голос ненька. – Говори толком, признаешь свой грех? Было что, или нет?

– Ну, – неопределенно хмыкнул хлопец, все еще не веря своим ушам.

– Хорош маню-ю-юнький, ничего не скажешь! Нашкодил – и в кусты... – догадалась тетка Рая, вконец разобравшись, что правда не на ее стороне.

Сердце материнское изболелось, пока готовились к поспешной свадьбе. Раиса видела, что сын ходит, будто в воду опущенный, что не только душа его не лежит к Зойке, но и вообще они друг другу чужие. Девицей не праведной слыла по хутору Зойка, за ней тянулся широченный хвост всевозможных сплетен, и «послужной список» отнюдь не блистал безупречностью. Захар тоже был рьяно настроен против грядущей свадьбы, пытался уговорить Гайворонских, повременить с женитьбой детей до рождения ребенка, мол, «посмотрим, наша ли кровь», но Лидка с Илюхой и слышать ничего не желали, настаивали на своем.

Семейная жизнь никак не повлияла на характер и привычки Славки. Уйдя в «прыймакы», он, все равно помогал своим родителям по хозяйству, даже не всегда ночевал и столовался у Гайворонских. Самой муторной, даже гадкой стала повинность ложиться с Зойкой в одну постель. Зойка, не стыдясь своего живота, быстро округлившегося вскоре после свадьбы, лезла к нему под одеяло и пыталась умело приголубить, приласкать. А Славка, он же – не железный, не всегда мог противиться.

Уже в декабре, семнадцатого числа, Зойку сильно прихватило. И, как ни сетовала теща, что дочь, якобы, не доносила целых три месяца, пацанчик родился крепенький, в три с половиной килограмма весом. И смуглой кожей, и большими темными глазами ребенок никак не походил ни на самую белотелую мамку, ни, тем более, на белобрысого Славку. Зойкин обман раскрылся, и тетка Рая, не признав внука, сгоряча прилюдно посоветовала своей лучшей подруге Лидке Гайворонской искать настоящего зятя на базаре, среди заезжих торговцев-азербайджанцев.

Ненька, чувствуя свою тяжелую вину перед приемным сыном, уговорила его подать заявление на развод. Но суд, спустя три месяца, данных на примирение супругам, не состоялся, так как ответчица на заседание не явилась. До самого лета мытарился Славка по кабинетам суда, пока не получил желанную свободу, но... в обмен на исполнительный лист, обязывающий выплачивать алименты на содержание сына, Бакланова Ильи Вячеславовича. Какие такие алименты он должен платить, а главное – с чего? Фермерская зарплата в двести смехотворных рублей числилась только на бумаге, если вообще какая-либо бухгалтерия документировалась фермером Сашкой Дьяченко, сыном бывшего председателя колхоза-миллионера. Карманных денег ни у

кого в семье не водилось, всей наличностью распорядилась тетка Рая, даже сигареты мужской части семьи сама закупила на рынке после подсчета дохода с торгов! Не понял Славка, как и с чего должен содержать чужого мальчика, поэтому и припрятал исполнительный лист на книжной полке меж старых школьных учебников.

Скороспелый брак Славки и Зойки, казалось, перессорил всех жителей хутора; у обеих сторон нашлись как заступники, так и недоброжелатели. Как ни крути, Баклановы выходили в этой закавыке потерпевшими, но «гайворонцы» не постеснялись ополчиться на них, когда Раиса заикнулась, что неплохо бы генетическую экспертизу провести и освободить «манюнького» от несправедливых алиментов. По Лидкиному выходило, что пусть «плотит», раз спал с их дочей. Зойка ходила по хутору, горделиво задрала голову, а Славку, будто истинного виновника, все больше жег стыд, – он худел и мрачнел от незаслуженного оговора.

«Зилок» в конце октября поставили на капремонт, и у Славки вдруг выдалось несколько выходных. Два дня он помогал Любахе и Танюхе чистить огород, копать картошку, убирать бураки, лук, чеснок, а потом напросился с теткой Раей на субботний базар.

С утра захмарило, заморосило, задуло. Торговля шла не очень уж и бойко – перебивали покупателей оптовики на грузовых машинах. Но к обеду все-таки Славкины мешки истощились, остались не востребованными два ведра бурелых помидоров и штук шесть тыкв, важно лежащих прямо на влажной земле. Их приплюснутые, волнистые по бокам «тушки» в бледно-зеленых кафтанах пока никак не приглянулись покупателям. Славка ссыпал остаток свеклы в порожнее ведро, свернул пустые мешки, по-хозяйски уложил их в один ящик из-под яблок, а на другой, перевернутый вверх дном, уселся, раскуривая сигарету.

На базарной площади показалась пара смуглых черноволосых мужчин, обходящих торговый люд. Славка догадался, что это те самые азербайджанцы из бандитской группировки, «крышующей» местный рынок, о которых предупреждала тетка. Бакланов равнодушно полез в карман за деньгами, но вдруг что-то бунтарское вышло в крови: нечего тут «залетным» командовать. Когда один из подошедших протянул к нему руку, потирая кончики пальцев, собранных в щепотку, Славка резко выставил навстречу ему свой увесистый кулак с красноречиво свернутой дулей.

– Что, щинок? Порежу на куски! – угрожающе подался на него рэки-тер.

Но второй, тот, что моложе, придержал напарника за плечо и что-то резко сказал ему на своем гортанном языке. Старший притормозил, оценивающе оглядев с ног до головы Славку, и нагло хохотнул.

– Ну? – переспросил Славка, поняв по-своему.

Молодой блеснул презрительным оскалом улыбки и на хорошем русском языке, почти без акцента, пояснил:

– Сэйдар прощает тебе долг. Ты ведь исправно кормишь его выб...ка.

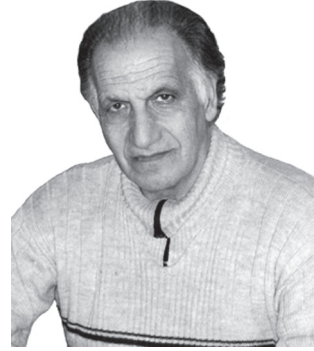
В мгновение ока Славка перелетел через горку кабаков и со всего маху треснул обидчика кулаком меж глаз. Невесть откуда взявшись, на него на-

бросился косою десяток воинственных кавказцев, и завязалась нешуточная свара. Бакланов дрался и руками, и ногами, остервенело, со знанием дела, как учили в армии перед отправкой на войну. С правой руки – хук! С левой – блок! Правой ногой – бац!левой – тресь! Пока их разнимали и утихомиривали местные казаки, Славке изрядно подпортили лицо, сломали два ребра, но и он не оплошал, «отрихтовал» несколько сопаток. Подоспевший наряд милиции, долго не разбираясь, отпустил Бакланова в больницу, а кавказцев, заведя за угол автостанции, «оштрафовал» на месте, ясное дело, без выдачи квитанции.

Спустя неделю Славка Бакланов сбежал из больницы и первым делом, не заезжая в хутор, отправился в контору фермы, где в полчаса уволился, потребовал и, как ни странно, получил полный расчет. Дома он вынул из дембельского фотоальбома карточку армейского товарища с челябинским адресом на обороте, собрал в рюкзак кое-какие теплые вещи, документы и, оставив короткую прощальную записку родителям, прямиком махнул на железнодорожную станцию. Половина денег, полученных в бухгалтерии, ушла только на плацкарту до Москвы. Как и на что будет он пробираться на Урал, Славка еще не знал. Позор, собственная глупость и горячая обида гнали его на край света из дому, из-под ненькиного крылышка, от чужого ребенка, навязанного ему судебным решением, так и не оспоренным.

Анатолий Чекулаев

ЛТО «Дон»
г. Новочеркасск
Ростовской области

На закате ушедшего лета...

***

Помню в лентах тяжёлые косы
И глаза необычного цвета.
Мы курили с тобой папиросы
На краю уходящего лета. –
Прожигали мы дни бесшабашно,
Поцелуи друг другу дарили...
Но рассеялся вечер вчерашний,
И забылось, о чём говорили.
Только, помню и губы, и косы,
И глаза необычного цвета...
Ах, судьба, ты – как дым папиросы
На закате ушедшего лета...

Моя одиссея

Листьев увядших багровый наряд
Сбросили ветры на стылую землю,
Птицы тревожно в дорогу спешат –
Их беспокойству я внемлю.

Но улететь им вдогонку нельзя,
Даже подумать о небе не смею:
Нет, не поймут ни враги, ни друзья
Эту мою одиссею!..

***

Мороз...
А ты в руках перчатки мяла. –
Но слёз
и горьких слов ты не сдержала.
Перрон
грустил в плену тисков вокзала...
Вагон
тоскливо ждал, а ты стояла.

Подул
холодный ветер расставанья,
Мелькнул
билет, брошенный в скитанья. —
Вагон,
забыв тебя, ушёл звеняще...
Перрон...
Пустой вокзал...
Стоим, обнявшись...

***

Я смычком вешних чувств
В день весенний к тебе прикоснулся,
И мелодию жизни,
Призывно играя, напел,
Только, в сердце твоём
Ни один соловей не проснулся...
И ручей моих песен
От жара любви обмелел.

***

Месяц — как долька лимонная,
Ночь — будто байховый чай...
Видят глаза полусонные —
Мчит полуночный трамвай.
Едет вагон в одиночество,
Чтоб отдохнуть до утра:
Старый, без имени-отчества,
«Завтра» сменил на «вчера»...

Мысль подошла удручённая,
Как дребезжащий трамвай:
Жизнь моя — долька лимонная,
Дни — остывающий чай...

***

Кто в слове «жизнь» поставил *мягкий знак*?
Она — потверже каменного ложа,
И баловать нас в будущем, похоже,
Не будет эта бестия никак.
...Уж очень твёрдый этот *мягкий знак*!

***

Переносы, восклицанья,
Многоточья, запятые...

Эти знаки препинанья
Для души моей – родные.

Но среди желанных знаков –
И любимых, и не очень –
Предпочтение, однако,
Отдаю я
многоточью...

Останусь

Я пишу о прошлом
и грядущем –
О Добре и Зле,
о мире сущем...

Тяжело носить мне эту ношу...
Вот возьму перо
и в небо брошу, –

Пусть оно летит
орлом парящим...
Ну, а я останусь...
в настоящем.

***

С детства
я знаю одно,
Глядя на мир
озарено:
Только поэту
дано
Быть постоянно
влюблённым!

Слова

По чьей вы прихоти явились?
И где вы прятались, *слова?* –
В тетради строчками разлились,
Стихов сплетая кружева...
Тропинка темы не разбита,
Перо легко бежит по ней,
И крепко рифмами прошито
Стихотворенье вещей дней.

***

«Неправда это, что у птиц нет лиц!»

Евгений Евтушенко

Птицы знают поэтов в лицо,
Видят крылья у них за спиною...
Закружилось стихами кольцо
Из поэтов и птиц надо мною.
Птицы знают поэтов в лицо,
И весной, в отведённые сроки,
Им приносят птенцов на крыльцо,
Подарив необычные строки.

Пусть...

Пусть пройдёт этот день,
Всё равно он заброшен был!
То, что помнил вчера –
В сигаретном дыму забыл.
А недавняя боль
Не уходит, горит во мне...
Но опустится мгла, –
Растворю эту боль в огне.

И дождусь я звезды,
И увижу букеты снов;
Свет улыбки твоей,
Тонкий запах неожиданных слов,

Из цветов полевых
Фиолетовых чувств поток,
Неподатливых губ
Заговорной воды плоток,

Яркость мыслей твоих,
Бескорыстие добрых дел;
Тишину чутких плеч,
Что никак я обнять не смел;

Откровение глаз,
Рук касанье, тихую грусть...
Пусть продолжатся сны –
Пусть...

Тамара Колесникова
ЛТО «Логос»
г. Туапсе Краснодарского края

Ваганьковская
Богородица

Бывая в Москве, я непременно иду на Ваганьковское кладбище. Это своеобразный ритуал, который я всегда исполняю, будучи в столице. Вот и сейчас, приехав в Златолавную, я после всей этой чумной московской круговерти, после мертвого воздуха гудящего метро, выплевывающего очередные пачки людей, страстно хочу тишины, покоя. Минимум суеты. К метро я так и не смогла привыкнуть. Синдром жителя глубинки, не тронутого издержками цивилизации. Чтобы успокоиться, еду, как всегда, посетить могилы любимых поэтов и артистов.

В памятный мне приезд в Москву стояла ранняя осень. День был довольно теплый и солнечный. Я купила цветы и отправилась на Ваганьковское.

Здесь уже установили помпезный памятник Высоцкому с гитарой и конями за спиной. У могилы толпились люди, горели свечи. Пристроив сбоку свой скромненький букет из роз, я долго стояла, разглядывая памятник. В газетах писали, что Марина Влади хотела вместо памятника привезти и установить кусок метеорита с короткой надписью «Высоцкий». «Это было бы символично», – подумалось мне. Стоя у могилы Высоцкого, я вспоминала концерт в Ставрополе в 1979-м, за год до его смерти, на котором мне посчастливилось быть. Концерт проходил в здании цирка. У меня были билеты на второй концерт. А первый задержался. И возмущенная толпа, озлясь и думая, что кумира намеренно от нее прячут и концерта не будет, всей своей громадной массой, сметая оцепление милиции на своем пути, навалилась на стеклянные двери цирка и высадила их к чертовой матери.

Концерт все же состоялся. Правда, нельзя было фотографировать Высоцкого, и у входа милиция отбирала фотоаппараты и магнитофоны. Высоцкий выглядел усталым, спел несколько всем известных песен, а затем с упоением стал рассказывать о театре на Таганке, в котором он играл Гамлета. Всех, помнится, приглашал в театр на спектакль. «Вы спросите Володю, и вас пропустят», – говорил он. Был одет в черное: водолазку и брюки. Высоцкий как раз приступил к чтению монолога Гамлета «Быть или не быть?», когда с верхнего ряда (а ряды в цирке круглые, как и положено) неторопливо и вальяжно стал спускаться какой-то молодой человек. Высоцкий резко прервал монолог и подозвал парня к себе. Парень, наконец, спустился, перелез через бордюры арены и подошел к артисту. Высоцкий раздраженно попенял ему, что де вот он тут выкладывается перед зрителями, старается донести идею, а этот молодой человек, поплеывая на всех, идет по головам зрителей, мешая концерту. Парень стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу. Владимир Высоцкий сказал, как отрезал: «Иди и чтоб я тебя

здесь больше не видел!» Парень, сконфуженный, ушел. Концерт продолжался. Всех Высоцкий приглашал к себе на Таганку посмотреть его в роли Гамлета. Но через год Высоцкого не стало на этой земле. Я стояла у могилы Владимира Семеновича и вспоминала этот концерт, и как удивительно он умел держать зал, и как завораживающе пел надтреснутым голосом. Тогда мы, двадцатилетние девчонки, были потрясены его талантом, его удивительной энергией, которая щедро лилась в зал. Мы балдели от песен Высоцкого.

А теперь я стояла у его могилы и думала о том, почему такие люди рано уходят из жизни? «Талант в России – не жилец!» – воскликнул один поэт после смерти Высоцкого. Ежели проследить жизнь многих гениальных людей – поэтов, актеров, музыкантов, художников, можно смело констатировать: да, не жилец.

Почти рядом с могилой Высоцкого много позже выросла еще одна – Влада Листьева – талантливого тележурналиста, застреленного по заказу кого-то, кому Влад Листьев очень мешал. «История об этом умалчивает», – говорят в таких случаях. Печальный список можно продолжать.

Следующая могила, к которой я пришла, была могила Сергея Есенина, на стихах которого я выросла. Здесь также лежало множество цветов. Поэт мечтал о славе, и он ее получил, отдав взамен свою короткую жизнь. Мужчина в задрюпанном пальто с помятым лицом декламировал с большим чувством какое-то стихотворение Есенина. Я смотрела на памятник, в который желтым диском впечаталось лицо поэта в профиль. Я говорю о предпоследнем памятнике Есенину. (Последний – белый скульптурный барельеф.) На Есенина этот дядька был совершенно не похож. Об этом я как раз и подумала, когда за спиной раздался вдруг голос: «Разве это Есенин? Совсем не похож. Есенин был не такой». Я обернулась, захотела узнать, кто прочитал мои мысли?

Сзади стояла старушка довольно крепкого телосложения, но явно преклонного возраста. Очень колоритная старушка. В черном, знавшим лучшие времена мужском пальто с большими тусклыми пуговицами и таких же древних, но добротнo скроенных коричневых ботинках. Черные глаза, пронизательные и умные, смотрели на меня в упор из-под какой-то доисторической шляпки, надвинутой по самые брови. Запоминающаяся личность. В движениях сквозила царское достоинство. Старушка продолжала глубоким низким басом (наверное, курит «Беломор»), – подумала я).

– Я их живыми помню: и Маяковского, и Есенина. Помню, диспут был, и Есенин с Маяковским заспорили, ну чисто как два петуха налетали друг на друга. Есенин кричит: «Что ты пишешь? Одни агитезы!» А Маяковский ему в ответ: «А ты? Одни кобылезы!».

Обнаружив благодарного слушателя в моем лице, старушка оживленно продолжала, обращаясь уже непосредственно ко мне и став рядом:

– Я помню первый памятник Есенину. Я считаю, что он был самым удачным. Тут стоял крест, а на нем – большой акварельный портрет Есенина во весь рост под березой. Желтые кудри, синие глаза... Как живой был на нем Есенин. Его написал какой-то художник – друг покойного Есенина. А внизу – слова, как сейчас вижу: «Жил грешно, умер смешно».

Пожевав губами, старушка задумчиво продолжала:

– Я убираю эту могилу много лет. Много безобразия здесь творилось. Приходили всякие – пили и оставляли на могиле пустые бутылки. Напьются – плачут, читают стихи.

Старушка замолчала, о чем-то задумавшись. Наверное, перед ее мысленным

взором проходили картины прошлого, которое с годами проступает все отчетливее. Старушка опять обратилась ко мне:

– Через год тут, прямо на могиле Есенина застрелилась Галя Баниславская. Сильно уж она его любила, не смогла жить без него. Это его секретарь. Кровищи тут было – мама родная! Застрелилась-то не сразу, а, кажется, с четвертого выстрела. Записку непонятную оставила.

Я ответила:

– Я знаю, читала об этом. И дневники Галины Бениславской читала.

Старушка в ответ взяла меня за руку, говоря:

– Тут ее и похоронили – рядом. Вон ее могилка.

Мы подошли к могиле Галины Бениславской, которую составляла маленькая надгробная плита. Молча постояли и, не сговариваясь, побрели дальше.

По дороге познакомились. Колоритную старушку звали Марья Петровна, бывшая медсестра. Марья Петровна вдруг сказала:

– Идемте, я вам покажу могилу Зинаиды Райх и Всеволода Мейерхольда. Их тоже убили. ОГПУ. Зинаида любила Есенина, а Мейерхольд – ее. Он из Зинаиды актрису сделал.

Постояли у могилы знаменитого режиссера Всеволода Мейерхольда и его жены Зинаиды Райх – первой жены Есенина, матери его двоих законных детей. Я спросила о детях Есенина, Марья Петровна охотно отвечала:

– Бывают здесь. Сын – чаще. Константин, по слухам, работал спортивным комментатором. Очень похож на отца. Дочь, кажется, живет в Ташкенте, больше ничего не знаю.

Я спросила Марью Петровну :

– Вы, вероятно, здесь все знаете?

Старушка ответила:

– Кладбище я знаю, как свои пять пальцев, хожу сюда часто, убираю могилы. Я многое помню, потому что долго живу на этом свете. Очень любила поэтов. Теперь от них одни могилы остались.

Мы неторопливо шагали вдоль могильных оград. Осень намела листья. Все могилы утопали в желтом дожде, кружащем и шелестящем. Это грустная госпожа-осень посылала на землю свой поэтический привет. На одной из могил, припорошенный листьями, сидел пластмассовый Буратино, и, не мигая, смотрел бусинами своих нарисованных глаз куда-то в вечность. Видимо, любимая кукла ребенка, с которой тот засыпал под мамину колыбельную песню. Теперь малыш лежит в могиле, а любимая игрушка охраняет его вечный сон, и осенний ветер поет ему колыбельную песню, которая никогда не кончится.

Марья Петровна широко, по-мужски шагала, словно гид, рассказывая, кто и где похоронен.

– А чью могилу ты еще хочешь посмотреть? – спросила вдруг старушка.

Я, не долго думая, ответила:

– Артиста Олега Даля

– Идем, знаю где, – коротко бросила Марья Петровна.

Мы углубились в дебри кладбища. Наконец, пришли.

– Вот, – выдохнула старушка. И тут же осуждающе зацокала языком: – Ай-я-яй! Совсем заросла могилка-то! Никто не ходит. И жена носа не кажет, бесовская!

Бабулька горестно всплеснула руками и, нагнувшись принялась счищать с могилы пласты жухлых листьев и травы. Я стала помогать ей. Да, могила Олега

Даля находилась в плачевном состоянии. Видно было, что никто за нею не ухаживает. А с памятника улыбалась лицо всеми любимого актера. Сразу вспомнила почему-то фильм «Земля Санникова» и песня: «Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь...»

– А хочешь покажу могилу Зои Федоровой? – вновь прогудел низкий голос Марьи Петровны.

– Конечно, хочу! – с готовностью ответила я.

И снова мы кружили по кладбищу. Марья Петровна, цепко держа меня за руку, как ребенка, за которого боятся, как бы он не потерялся, тащила меня вглубь кладбищенских зарослей.

Мы молча шли, под ногами трещали сухие сучья.

– Вот. – опять коротко сказала старушка и, как вкопанная, остановилась у черного мраморного памятника.

Памятник был очень интересен: черная фигура в капюшоне, который скрывает черное лицо, нависла над портретом Зои Федоровой, накрывая его черными руками. Я взглянула на Марью Петровну. Та в ответ грустно промолвила:

– Тоже убили. А какая была артистка! Знаешь, что означает эта черная фигура? Это ее Судьба, рок, который навис над нею. И от него не убежать, как ни старайся. Вот так-то.

Мы молча постояли, цветов у меня уже не было. Посмотрели на приветливое лицо Зои Федоровой, выглядывающее из-под черных рук Судьбы, и нам стало очень грустно. Не спеша побрели прочь. Я спросила Марью Петровну:

– Вот вы о многих, лежащих здесь, рассказали. А теперь, если можно, расскажите о себе?

Марья Петровна усмехнулась:

– А что о себе рассказывать? Я – обыкновенная. Не поэт, не артистка. Только люблю я эту братию и жалею их. А живу я на свете давно, многих-то пережила: и поэтов, и друзей. Вот и хожу сюда, убираю. Помру, некому будет заботиться о них.

Уже за кладбищенской оградой я спросила:

– Марья Петровна, вы одна живете?

Старушка погрустнела:

– Считаю, что одинокая я. Есть у меня три сына. Живут отдельно. Объявляются, когда деньги нужны. И внуки такие ж. Так что одна я. Вот к ним хожу, помню их.

– Она махнула рукой в сторону кладбища. – А больше у меня никого нет...

– Спасибо вам большое. Я так рада, что встретила здесь вас. Вы мне много интересного рассказали. И показали, – благодарно ответила я.

– Жаль, что ты не в Москве живешь, а то бы встречались...

Я предложила Марье Петровне обменяться адресами и попросила ее написать мне. Та пообещала обязательно написать, но своего адреса не дала, вдруг по-старушечьи став подозрительной. На прощанье мы пожали друг другу руки, и Марья Петровна широким мужским шагом пошла в свою сторону. Я смотрела ей вслед – человеку уходящего века, безвозмездно ухаживающему за могилами любимых нами поэтов, писателей, артистов, творчество которых мы почитаем и любим. Внушительная фигура старушки в черном мужском пальто стремительно удалялась, унося с собой воспоминания, которые, возможно, представляют ценность для биографов. Вскоре я уехала и долго вспоминала Марью Петровну. Но она мне так и написала. Наверное, умерла.

Галина Ерёмкина
ЛТО им. А. Недогонова
г. Шахты Ростовской области

Словно на ладони

Кукушка

...И, словно в те, былые, времена,
Я в роще слушаю кукушку.
Ковёр зелёный выткала весна
И позвала на скромную пирушку.
И снова я порадуюсь весне:
Мне слышится кукушкина соната!
Суха дорога, солнце в вышине,
И пахнет первой молодостью мята.
В душе моей опять спокойный лад,
Его пустой тревогой не нарушу.
Но, как и много лет тому назад,
разволновавшись, слушаю кукушку...

***

Хочу уйти от прошлого,
Как от погони.
Куда?
Да хоть куда...

И не могу
И, словно на ладони,
Я вижу те, счастливые года.
Я вижу лица –
И какие лица!

А кроме них – дома и майский сад...
Я снова к ним готова возвратиться –
Я всё поправлю,
Только бы – назад.

Иду – звездой летящей путь отмечен,
Иду – и всё былое вслед за мной.
А жизни коридор так бесконечен...
Воспоминания мои –
Как свет ночной...

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

**Владимир Панфёров
ЛТО им. А. Недогонова
г. Шахты Ростовской области**

Сердцем ловлю...

***

Тепла не бережём мы летом,
Не ждём зимы и холодов.
Но вскрикнешь вдруг... и нет ответа:
Похолодел родимый кров.

Берёзы в грустной позолоте...
Ушло былое – не зови.
Душа болит на светлом взлёте
Моей несбывшейся любви.

Женщина

Как цветок, на свидании с милым
Ты прекрасна красою земною –
Как невидимый ветер над миром,
Как заря, как бескрайнее море...

И ничто не сравнится с тобою:
Словно яркое пламя в тумане,
Ты сияешь волшебной звездой,
О симфония страстных желаний!

***

Хорошо, в чаще леса блуждая,
Где безмолвно

манит

ко сну,

Под навесом ветвей отдыхая,
Слушать летнего дня тишину.

Здесь безлюдно, но всё ж не пустынно. –
В том святом одиночестве я
Снова сердцем ловлю беспричинно
Бесконечную песнь бытия...

Мария СклЯрова
Ассоциация молодых писателей
при Ростовском отделении
СП России г. Ростов-на-Дону

...Помните?!

***

А.Л.

Ты часто говоришь, что ты – кремень,
Что холоден и твёрд, почти непробиваем...
Но ведь в твоей душе цветёт сирень!
Но – манит горизонт недостижимым краем.

Тебя, как и меня, сомненья жгут,
Тебя тревожат безответные вопросы...
А мне – бумагу в руки, кудри – в жгут!
И сразу грянет музы хор многоголосый!
И кровь – кипит!
Литавры бьют в груди!
Ты струны рвёшь, а я изламываю строки,
И, может быть, когда пройдут дожди,
Пересекутся наши две дороги.

Похожий на меня, желанный мной,
В мои стихи вошедший тихо, незаметно, –
Пусть ветер принесёт мне голос твой!..
Я снова влюблена... И снова – безответно.

Молодыми

Мы меняли Вселенную мыслями; ждали искристый май.
Мы влюблялись безудержно –
Или влюбляли в себя невзначай.

Были максималистами; знали в лицо и врага, и друга.
Говорили часами, ночами – всегда не хватало друг друга!
Пели.
Голову часто теряли, рубили всегда с плеча.
(Что поделаешь?! Кровь, словно рыжая лава, была горяча).

Мы любили смотреть фотографии. Дни начинали с кофе,
Потому что не спали ночами – рождали нестройные строфы.
Говорили о Боге – как будто рассказывали секрет...

Сколько было нам, ветреным?!

По восемнадцать – вы помните? – лет.

Парни – помните?! – звали гитары девичьими именами.
Звали нашими же именами! Порой баловали цветами –
Притяженье велело вам (за полночь, в холод!) искать букет...
Нас *весьма!* волновали политика,

сердце,

движенье планет...

Мы мечтали так смело и дерзко! Летали в лазурном дыме,
Были искренними, были яркими, словно лучи! – *молодыми.*

Старый блюз

В.К.

Вот – почти позабылся мне ты,
Я не плачу теперь на рассвете,
И размытыми стали черты
На хранимом в сознание портрете...

Не мерещится голос мне твой;
Что придёшь, я не жду вечерами;
И, когда возвращаюсь домой,
Не хожу по району кругами,
Не надеюсь столкнуться с тобой.
Счёт уже не веду я неделям.
И теперь приглашает другой
Прогуляться по тёмным аллеям. –
И теперь

я всё больше смеюсь...

Но всегда от сердечного жара
Задыхаюсь, когда старый блюз
Мне *чужая* играет гитара.

Юности

Мелкой дрожью ломаю усталые тонкие руки. –
Чем я старше, тем круче у жизни моей виражи.
Чем я старше, тем чаще во мне зарождаются звуки,
Звуки будущих песен и будущих книг миражи.

Своенравной и смуглой, горячей, свободной цыганкой
(Ей забава – ночами плясать под дрожанье гитар)

С диким взглядом,
с дыханием чистым
и с гордой осанкой,
С неизведанной мощью Вселенских дурманящих чар
В гости юность заходит, и кровь разгорается в жилах!..
Расскажу, всё же, чем примечательна эта пора.
...Юность – это когда
ты не петь, не влюбляться не в силах,
И когда так и тянет под утро уснуть у костра.

Юность – это от ярких эмоций дрожащие веки;
Юность – это когда манит полночь, врываясь в окно,
И когда ритм дыханью, шагам задают саундтреки
К новым фильмам (смотрите ночные сеансы в кино!)

Юность – это полёт, невесомые своды свободы;
Ветром рвущийся парус души и надежды расцвет!..
Если ты музыкант,
Юность – лучшие гаммы и ноты;
Юность – лучшие в жизни слова,
если вдруг ты – поэт.

Знайте

Не берите в расчёт ограниченность слуха и зрения,
Не сужайте свой мир до условленных кем-то границ! –
Сила в том, чтоб взлетать за мгновенье всего до падения,
Грудью чувствовать воздух и крылья растить, как у птиц.

В том Величие, чтобы, своё расширяя сознание,
Слушать голос души и искать, доходить до основ,
И вплетать жизни нить в бесконечную ткань мироздания,
И дарить бескорыстно улыбки, тепло и любовь!

Знайте: ваша реальность – не данность, а лишь отражение
Ваших мыслей, роящихся ночью и днём в голове.
Мудрость в том, чтоб использовать правильно воображение,
Верить сердцу – не верить досужей людской молве.

Чудеса к тем приходят, в ком нет даже тени сомнения
В вероятности самых немислимых, ярких чудес.
Тот бессмертен,
Кто вечность предчувствует в каждом мгновении
И, хотя б иногда, просит *счастья другим* у небес.

Поэзия... Поэзия... Поэзия..

Леонид Север
ЛТО «Чайка»
г. Таганрог Ростовской области

Была не была!

Фортуна

Она никому ничего не должна,
Но нет ей замены на свете.
Для многих – желанна, легка и вольна.

Мы все – её ловим, как дети!..
Лютуют ветра, закусив удила,
Швыряя баркасы и шхуны,
Но шепчем с надеждой: «Была не была, –
Прорвёмся в объятия Фортуны!»

И тучи уходят, и свет в облаках,
И кто бы о чём ни судачил,
Но былью становится небыль в руках
Прекрасной богини удачи!
В тоске и печали её не зови,
Не слышит минорные струны
Царица надежды, подруга любви,
Любимица наша – Фортуна.

И если «дела словно сажа бела»,
И кажется жизнь безнадёжной,
Смелее решайся: «Была не была!»,
И мчи напрямик бездорожьем.
И в *нечет*, и в *чёт* тот удачу найдёт,
Чей риск, иногда хулиганский,
Фортуна с улыбкой оценит, поймёт...
И выйдет навстречу с шампанским!

Это всё моё...

Долго я не был в родном Приазовье!..
Вянет букет буйно прожитых лет,
Но не увядшей сыновней любовью
Глажу акаций доверчивый цвет,
Робко ступаю босыми ногами
По васильковой, цветущей росе
И улыбаюсь, как ласковой маме,
Этой приветливой, нежной красе.

Чайки кружат вдалеке над обрывом,
Звоны заутрени будят восток...
И в переливах зари торопливой,
Слышу отцовское: «Здравствуй, сынок...»

Крепкому роду – нет переводу

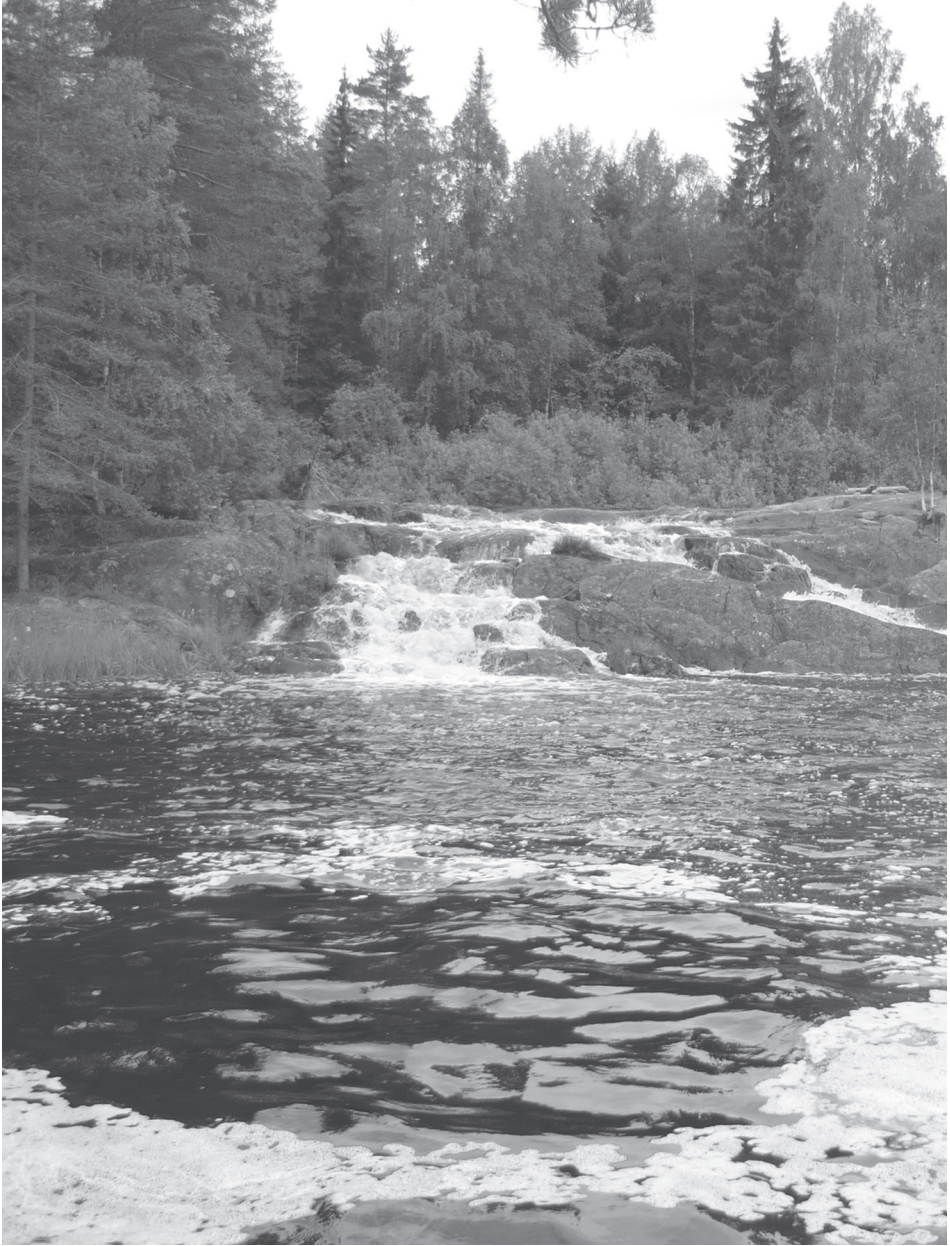
Старинному роду Надолинских

*Баю*ть наши дядьки?, как паше вопреки,
Поклонившись донскому низовью,
Фэдыки-Маслаки забивали колки
На пустынной земле Приазовья.
Как во след казакам над долиною звон
Всё летел, как наказ материнский:
«Ты себя береги и живи по-людски –
Помни, сынка, что ты – Надолинский!»

Век за веком державе и Богу верны.
Вольных ветров и прадедов сила
Нас хранит на дорогах чужой стороны,
Хоть судьба никогда не щадила.
Провожая меня от родного плетня
Чайки с гомоном кружатся низко:
«Ты себя береги и живи по-людски –
Помни, сынка, что ты – Надолинский!»

И от Ягодной балки¹ до нынешних дней,
Средь степных ковылей и просторов,
Крестит Русь преклонённых своих сыновей
В православных церквях и соборах.
Я кровинка, я плоть необъятной страны,
Где мне шепчут в тишиobeliski:
«Ты себя береги и живи по-людски –
Помни, сынка, что ты – Надолинский!»

Вновь на ветках акаций с надеждой зажглись
Белым цветом резные узоры,
День склоняется вниз, и торопится жизнь –
Ждут сынов косогоры и горы...
Пострелёнок родной, уходя за мечтой,
Помни верный наказ материнский:
«Ты себя береги и живи по-людски –
Помни, сынка, что ты – Надолинский!»

Вниманию авторов:

В связи с началом выпуска в январе 2013 года журнала «ДОН-новый» с 1 ноября 2012 года редакция журнала начинает приём рукописей литературных произведений. Работы должны присылаться только в электронном виде и только по эл. почте на адрес: «donpisatel@yandex.ru». Журнал будет публиковать пока на безгонорарной основе прозаические, публицистические и поэтические произведения, а также – литературоведческие и критические работы писателей и литераторов России и стран СНГ, соответствующие литературному уровню журнала.

Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция журнала оставляет за собой право не разьяснять авторам причины отказа в публикации их произведений.

Ирина Сазонова
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Планец наших сплетённых пальцев

***

Утром к тебе бежать –
В зыбкую завязь дня,
Раннюю благодать
Не расплескав, храня
В свежей ещё душе,
В помыслах чистых сплошь,
Трижды похорошев,
Видя, как ты идёшь –
Прямо навстречу мне,
Чуть ускоряя шаг,
Светом в глухом окне,
Явью в пустых мечтах.
Буду покорна я
Радостно всем ветрам:
Хочешь – на тот маяк?..
Хочешь – в нездешний храм?..
Не разрушай игры
Твёрдой стезёй земной,
Переплетём миры
Заново – мой и твой!
Бездны в себя вберёт
Этот короткий час...
Время, не рвись вперёд:
Мне хорошо сейчас!

***

В темноте ослепило разум,
Слово, вспыхнув, умчалось прочь...
И предчувствия слились разом:
Осветишь ты мне эту ночь!
Ты вошёл, что посланец Божий,
Самой скрытой из тайных троп
И ладонной прохладной кожей
Успокоил горящий лоб.
Полуночных кварталов блики
Под всегдашний дворовый визг

Высветляли не лица – лики
Нас, вернувших себя на миг!
Схватка двух несвятых страдальцев,
Лебединого стога час!..
Танец наших сплетённых пальцев
На стене то пылал, то гас...
Но когда занялось светило,
Ты исчез, бестелесно тих;
И вопрос: «Это было?.. было?..» –
Перетёк в набегавший стих...

Ты меня рисовал

По картону метался грифель,
В полумгле простыня мерцала,
Вольным росчерком, будто в мифе,
Я уснувшей Венерой стала.
Ты писал, малевал, беснуясь
В перебивах штрихов и линий...
Дерзким помыслам повинуюсь,
Я вращала в нутро богини.
Как тиран – приковал и мучил,
Но под взглядом твоим – стройнела.
Стан светлел, изгибался круче,
Тетивою звенело тело!
Вызревала душой беспечной,
Я, пророчески понимая,
Что в наброске богини вечной
Ипостась не моя – иная!
Но, когда ты волшебной властью
В плоть мою облакал другую,
Ты вершил на вершине страсти –
И меня рисовал, нагую...

***

Прозрением или проклятьем
Ничтожа греховный порыв,
Мы сами разжали объятье,
Друг друга умом отпустив.
Усталые, ждали покоя,
Склоняясь к решеньям благим –
И снова, за столиком, двое,
Средь юности бойкой сидим...
Сплетаемся – только глазами,
Не руша запретный порог.
Мы учимся зваться друзьями,

Затверженный помня урок.
Но так эфемерна оттяжка
Минут, разносящих поврозь!
Пустеет кофейная чашка...
Кивок... эскалатор... мороз...

***

Снова мы бесприютны и нищи –
Наш очаг разметелился в дым;
В обихоженных тёплых жилищах
Нет лакун, где укрыться двоим...
Обретаясь и в сквере садовом,
И на плитах у жухлой воды,
Мы жонглируем истово словом –
От заклятий до белиберды.
Нас гнобит разухабистый ветер,
Колет дождь, словно веерный душ,
Окружающий мир неприветен
Для неюных рифмующих душ!..
Но заспинный смеющийся ангел
Нам прошепчет, крылами обвив:
«Не отказано смертному в благе –
Стать Бессмертным в стихах о любви!»

Прощание

В каре непроснувшихся зданий
Шаги растревоженно-гулки;
Взамен полуночных свиданий –
Смирение ранней прогулки.
В нападках разнузданных ветров,
Изгибах проулков забытых,
В шлее завитых километров, –
Прощание двух ненасытных!
«Прощайтесь! Прощайтесь навечно! –
Подснежную кашу топчите,
В тумане нетающем, млечном
Рыдайте, кляните, ропщите!
Молитесь продрогшей рябине,
К живой красоте приникайте,
В её заалевшем рубине
Былые пожары читайте!
Сближайте во мгле ваши лица
И в храме заутреннем кайтесь!
Прощание долго продлится –
Но всё же: прощайтесь! Прощайтесь!»

Пасхальным утром

Пасхальным утром, в праздник светел,
Я вознеслась на колокольню
Винтообразной крутизною –
К соборной звоннице, где вольно
Носились голуби и ветер...
И, опьяняясь новизною,
Слухонайтием смущённым,
Я высекала перезвоны...
И, стойкой верой осенённый,
Ты одесную¹ был со мною!
Сзывали к храму наши руки –
«Динь-дон», «динь-дон» взметалось выше
Колючих рёбер телевышки,
А приземлённые домишки
Тянулись ввысь под чудо-звуки!
И с каждой нотой, изречённой
Всей мощью звонного накала,
Я откровенье обретала...
Бог есть Любовь! – в тот день познала
Душою, к Небу обращённой.

Маме

Ты незримым дымком растаяла
В душевной хмари июльских дней...
Мама, сердце мне ночь измаяла –
Как ты в царстве ничьих теней?..
В стане общего блага жаждущих
Ты под стягами бедных шла;
Исцеляя заботой страждущих –
Глаза божьего не ждала...
Одаряла добром убогого
Не за-ради церковных лир,
Не платила ты Богу богово –
Умягчала реальный мир!
Ты была необманно мужняя,
Ты качала сердцем детей...
Мама, что ещё Господу нужно,
Чтоб тебя звать дочерью своей?..
Знаю: Бога суровы правила
И безверья не отмолить,
Но дрожащей рукой поставила
Свечку – к Небу надежды нить...

---

¹ Одесную (старосл.) – справа, т.е.: «Ты справа был со мною...»

Светлана Вьюгина

член Союза писателей России
г. Москва

Сойка и боб

Мама приоткрыла дверь и ступила на крыльцо.

– Ваня, чем ты тут занимаешься? Гремишь, гремишь...

– Я, мама, занимаюсь делом! Гвоздики в чурбак забиваю. Скоро он весь серебряный будет. Хорошее у меня дело?

– Хорошее, – согласилась мама. – Только пальцы береги. Ладно?

– Ладно.

Боб – мой пёсик, мой друг – посмотрел на маму, вздохнул и опустил голову на лапы: он не любит, когда нам мешают заниматься делом, но никогда не ворчит, только вздыхает.

Где-то за домом затрещала птица. Я бросил молоток на землю и пошел за дом.

На дереве сидела сойка; она вертела головой и трещала. Птицу эту я знаю. Она, как сорока, разносит в лесу новости на хвосте, так говорит папа.

– Почему ты кричишь, сойка? – спросил я. Сойка мне не ответила. Стала опять трещать и крутить головой. Я посмотрел туда, куда она указывала перьями хвоста.

– Там? Там, где ворота?..

Боб опередил меня. Он бросился к калитке, потом пригнулся, посмотрел в щелочку и стал лаять. В лесу, за калиткой, хрустнули сухие ветки, кто-то шел к нашему дому... Может, медведь? А может, много медведей?..

Боб встал на задние лапы и забарабанил передними лапами по калитке. И тут кто-то постучал и сказал:

– Открывайте... Выходите, посмотрите на лесной урожай!

– Что за шум, братцы-петроградцы?

Мама отодвинула щеколду и распахнула калитку.

А, да это же дед Володя! Наш сосед. Дедушка Вероники. На улице тепло, а он – в толстом зеленом плаще, в резиновых сапогах, в синей кепке.

– Зачем?.. – спросил я. – Плащ зачем?

– Да ведь в чаще и паутина, и хвоя сухая сыпется, и веточки всякие... А сапоги?.. По болотцу какому шагать хорошо...

– Да ладно! Вы смотрите в корзину, – улыбнулась мама.

Дед Володя поставил корзину на землю.

– Это подосиновик, – указала пальцем мама. – Да крепенький какой! Красавец.

– А это? – я ухватил руками два толстеньких гриба.

– Боровики, – объяснил дед Володя. – Видишь, какие они в нашем сосновом бору растут? Загляденье!

Вверху что-то щелкнуло. Я поднял голову. На длинной ветке, почти над нами, покачивалась сойка. Она подмигнула мне – и скрылась в лесу.

Вот какую новость принесла сойка на своем хвосте – о лесном урожае. Завтра мы с мамой и Бобом-Бобиком тоже пойдем красоту грибную искать. Боб будет нас охранять от зубастых волков, а сойка – летать-трещать и дорогу показывать.

Что вы там делаете?

Из мусорного бака вынырнула остроклювая голова вороны, потом показалась и сама ворона. Ворона огляделась по сторонам и, опустив голову, что-то буркнула. Из бака появились еще три вороны и усталились на Митю. Он стоял на высоком тротуаре и смотрел на любопытных птиц.

– Что вы там делаете? – спросил Митя.

Одна ворона – та, что посередине, – подмигнула Мите и пробурчала:

– Мы делаем что-то.

– Если что-то, то делайте! – весело крикнул Митя.

Вороны снова нырнули в бак и зашебуршили там когтями и клювами.

– Ми-тя!.. – позвала мальчика бабушка. – Беги ко мне! Пойдем гулять в парк!

Одна ворона вылетела из мусорного бака и уселась на ветке березы. В клюве у нее была длинная куриная косточка.

– Вот безобразница! – сказала Мите бабушка. – Сейчас погрызет-погрызет косточку, а потом бросит ее на землю.

– Так она, наверное, ее для собачек бросает. Они съедят и спасибо вороне скажут.

– Да уж... – ответила бабушка. – Спасибо... Собачкам нельзя грызть трубчатые куриные кости, они острые, могут собачий желудок поранить... А что умны вороны,.. действительно умны. Видел, как дядя им кусочки сухарей бросает? Тот, что из третьего подъезда. Он, человек ученый, хвалит ворон за ум. Они приметливые, вороны, запомнили, где живет кормилец, когда из подъезда на работу выходит. И сидят, тут как тут. Мол, мы – здесь, мы – здесь! А сухарики они сначала в лужах размачивают...

– А они же в школе не учились!

– Почему же не учились? У них есть своя, воронья, школа, там они и набираются ума...

Бабушка взяла Митю за руку.

– Пойдем-ка, Митя, на качели. Видишь, и Миша, и Света уже там...

– Я, бабушка, скажу им, что нам тоже надо в школе учиться!

– Не в вороньей, надеюсь?

– У нас крыльев нету, – засмеялся Митя, – мы в детскую пойдем.

Тайна зелёных ёжиков

Катя сидела за своим столиком и раскрашивала фломастерами рисунки в книжке. И тут – хлоп! – на столик что-то откуда-то упало и скатилось на пол. Катя нагнулась и увидела темный орех.

Под светом настольной лампы коричневый орех заблестел, как будто его искупали в оливковом масле. Откуда он упал? И почему где-то тут, рядом, хлопнуло? Будто кто-то стрелял из новогодней хлопушки, но вместо разноцветных кружочков конфетти из нее выскочил вот этот орех.

Катя встала и осмотрелась вокруг. На ее диване никакой хлопушки не было. Гардероб был закрыт. Книжный шкаф – тоже. Где же она затаилась, странная хлопушка? Катя подошла к окну и увидела рядом с цветочным горшком открытую белую пасть. Катя осторожно сунула в нее фломастер. Беззубая пасть не захлопнулась, не чмокнула, даже не пошевелилась нисколько. Катя осмелела и взяла непонятное чудо-юдо в руку. Оно было колючим – зеленые иголки торчали вокруг белой приятно пахнущей пасти. Вот, наверное, из нее-то и выпрыгнул блестящий орех.

Катя пошла на кухню, чтобы показать маме находку. Мама варила-помешивала ложкой пахучий борщ и тихонько пела.

– Гляди, мам! Гляди, что у нас на подоконнике завелось. Чудо-юдо! «Диво дивное!» – повторила она строчку из сказки. Щелкает и орехи пуляет.

– А, да это же я принесла! – улыбнулась мама. – В соседнем дворе, когда с Лесей гуляла, под каштаном нашла.

Орехи с него зеленые падают, вот я один и подобрала...

– Значит, орехи в зеленых ёжиках живут?

– Значит, живут, – рассмеялась мама.

...Леська, наша собака, как всегда, бежала впереди. Иногда останавливалась, нюхала что-то под кустами и бежала дальше, помахивая белым пышным хвостом.

– Мама, глянь, глянь! – Катя дернула маму за рукав плаща. У нас один есть, а тут их вон сколько, зеленых ёжиков!

И точно. На обведенных желтой каемкой листьях рядом с дорожкой стояла стайка зеленых ежиков. Собрались куда-то, да остановились подумать: куда же им бежать, куда нести свои коричневые орехи? Зима скоро, снег выпадет, морозы будут... А им куда бежать?

– Куда же им бежать? Пропадут они...

– Не пропадут, Катюша... – сказала мама. – Их унесут домой ребята и до поры до времени не будут знать, что эти зеленые ежики не простые, что внутри у них тайна. И скоро они ее громко откроют.

– Как бабахнут!..

– Точно-точно! Как бабахнут!

Леська остановилась, повернула к ним маленькую белую мордочку и помахала пушистым хвостом.

– А весной, – сказала мама, орехи откроют людям еще одну тайну – зеленую, главную.

- А зеленая тайна – красивая.
- Очень-очень!

Солнечные листья

Дима и Мила вышли из школы и направились по мокрой асфальтовой дорожке к пруду. Пруд от школы недалеко, за зелёной школьной оградой, но, сидя за партой, его не увидишь, увидеть его можно только стоя у подоконника.

Синие клеточки широкой дорожки на берегу пруда украшены жёлтыми кленовыми листьями; листья падают с деревьев, которые растут вдоль школьного забора. Листья падают и приклеиваются к мокрой дорожке. А у воды растут ивы.

- Вот и осень, – сказала Мила.
- Вот и осень... – вздохнул Дима.

Под раскидистой ивой они остановились. На воде – как по ниточке – выстроились семь серых уток и один селезень с красивой чернильно-зеленоватой головой. Селезень в стае главный, – так говорила Диме бабушка, когда они гуляли здесь весной. Он указывает дорогу уткам – куда им плыть, куда лететь. И он заботливый, как папа. Вот и сейчас, он, наверное, сказал уткам:

- Кря-кря-кря-кря!

Мол, встаньте, утки, как кораблики на смотре, и быстро плывите к берегу: там под развесистой ивой можно спрятаться от дождя и ветра...

- Красивый селезень, – сказал Дима.
- Ага, очень красивый! – согласилась Мила и спрятала руки в карманы.

Узкие листья ивы касались дрожащей воды, помахивали и Диме с Милой, и уткам: привет, привет!

– Дима, – сказала Мила, – ты не грусти, скоро будет зима, будет Новый год, будем на лыжах кататься...

– А потом будет весна, будет тепло... – сказал Дима. – Возьмем Никиту, будем здесь на великах гонять!

– Никиту не возьмём, – строго сказала Мила. – Он некультурный мальчик. Он, знаешь, что говорил вчера в нашем первом «В»? Он сказал: «Четырнадцать какашек!»

- Это шутка, наверное, – заступился за соседа по парте Дима.

– Нет, не шутка! Смеялись только мальчишки, а когда шутят, должны смеяться все! – заупрямилась Мила.

– Давай капюшоны наденем, – примирительно сказал Дима. – А то бабули, вон они, вон около школы нас встречают, скажут: «Ну вот, мокрые идут...»

...А кленовые листья падают, кружатся... Солнца нет, а красиво: на ветках, на траве, в воздухе – солнечные листья.

Красивое время года – осень!

Ольга Корнеева
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Раздвигая облака

Листопад

Сменили лето жаркое
Осенние деньки,
Оделась в платье яркое
Осинка у реки.
Как жаль, что скоро с деревца
Все листья облетят:
Ковром на землю стелется
Октябрьский листопад...

А кто на зорьке раненько
Забрался на пенёк? –
Считает листья зайныка,
В безоблачный денёк!

Успел

Спешит *на Ёлку* Дед Мороз –
Он не устал и не замёрз,
Ведь быстрые салазки
Везут его из сказки.
Из дальней, сказочной страны,
Из неизвестной стороны. –
Салазки с бубенцами
Летят по небу сами.
И, раздвигая облака,
Мороз волнуется слегка,
Ведь ждут его ребята –
И птички, и зверята...

Над лесом – песни льются,
Все пляшут, все смеются:
Успел

на Ёлку

Дед Мороз. –
И не устал! И не замёрз!

Мемориал

Григорий Помазков

г. Новосибирск

Родился 5 декабря 1924 года на хуторе Мирошниковке Белокалитвинского района Ростовской области. В СП СССР принят в 1979 г.

Сын сельского кузнеца. Юность про шла на хуторе Макиевом Тащинского, района, куда в 1940 году переехали родители. Именно здесь, как пишет Г. Помазков, опозтизировала его душу песенная, степная хуторская жизнь.

В первые месяцы Великой Отечественной Г. Помазков работал на строительстве оборонительных укреплений; в январе 1943 года был призван в армию. Был пулеметчиком, командиром отделения, помощником командира взвода автоматчиков, участвовал в боях в составе 5-й танковой, 12-й и 18-й армий, форсировал Южный Буг. Войну окончил в Восточной Силезии.

В 1947 году окончил Львовское военно-пехотное училище. Служил в Прикарпатском ВО. В 1950-1955 годах учился в военной академии, до 1973 года служил в военной юстиции. Имеет боевые награды.

Стихи Г. Помазкова публиковались в журналах «Дон», «Нева», «Москва», «Но- Новый мир», газетах «Литературная Россия», «Известия» и других.

В 1977 году вышла в свет его первая поэтическая книжка «Именем сердца» (Воениздат). В творчестве Г. Помазкова переплелись две темы: война и мирная жизнь милого сердцу степного Дона*.

14 июня 2012 года член Ростовского регионального отделения Союза писателей России Григорий Петрович Помазков ушёл из жизни. Светлая память о нём сохранится в сердцах его товарищей-писателей, многочисленных поклонников его поэзии.

*Родимая до боли**Отчизна*

Богатая грозами
вешними,
рассыпала синие
льны,
поля опоясала
песнями,
сады –
соловьинными
всплесками,
любовью –
солдатские сны.

Широким характером
русским
горжусь я
в любой стороне.

---

* Сведения о Г. Помазкове взяты из справочника «Писатели Дона» (Ред.)

От щедрого
снежного хруста
и белой
березовой грусти,
наверное,
щедрость во мне.

В дозоре на скалах
курильских
я бури держал
на штыке
и Родине кланялся
низко
за то, что
к моей
прикасалась щеке.

В отпуске

Отчая, родимая до боли,
знойная, с характером
земля,
дикие и ласковые кони,
и по стойке «смирно» тополя.

Детства лопухого
окрестности
до ложбинок
помню наизусть;
под ножом
на вымытой столешнице
ахает
ажиновский арбуз,

тыквы в сарафанах
полосатых,
яблоками
хутор весь пропах,
шевелият
колхозники лопатами
солнце рассыпное
на токах.

А когда вернусь я
на заставу,
там тебя,
донская синева,
росаами разбрызганную
в травах,

соберу
в сыновние слова.

Корневая земля

В пурпурных косынках
станции.
Пыльцою пылит
лебеда.
Июль
раскаленной страницей
дохнул
в хлеборобские лица –
забилась
в ладонях страда.

Созрела тревога-уборка.
И спать
никому не дано.
И ходят,
цепляясь за зорьку,
комбайн
за комбайном
вдогонку,
а колос,
как веретено.

И этому хлебу
основа –
Отечество,
совесть моя.
С Ильинки, с Тацинской,
с Ростова
Ты мне открывала
просторы,
моя корневая земля.

И латка на латке
штанишки,
и в голод на праздник
пекли,
как камень
ячмённые пышки;
синели
на лбу моём
шишки,
а нету
милее земли.